

ISSN 2500-2988

ЛОКУС

люди
общество
культура
смыслы

2025 / Том
Vol. 16 / 4

2025. Т. 16. № 4

Учредитель

и издатель:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издаётся с 2010 г.

Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

5.4.5. Политическая социология

5.5.1. История и теория политики

5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии

5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики

5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007

ISSN 2500-2988

2025. Vol. 16. No. 4

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of the Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation recommended
to PhD candidates and those working
for their habilitation who wish to publish
the results of their research

The journal has been published
since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia the of Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

А.Б. Ананченко

- Мировая революция как научная и политическая
проблема понимания В.И. Лениным
исторического процесса 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Г.В. Талина

- Наместнические титулы как показатели
служебного положения и карьерного роста в России
второй половины XVII – начала XVIII вв. 26

Б.Б. Давыдов

- Эпигоны декабристов: к историографии проблемы 41

Б.Е. Воронин

- Первый шаг на пути к отмене крепостного права
в России: правительственные решения
по крестьянскому делу в августе 1857 г. 55

В.Н. Горлов

- Исторический центр Москвы как социокультурная проблема 74

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

- Титулatura императора Аврелиана и становление домината 91

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Л. Волков

- В тени недоверия: к вопросу о взаимодействии
русских и английских войск в Голландии
(август–ноябрь 1799 г.) 102

Б.С. Можсанов

- Европейский Союз как актор в формировании
глобальной экологической политики 120

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ, УПРАВЛЕНИЕ***В.П. Скороходова*

- Контрсанкционная политика России:
исторические уроки и современные вызовы 133

Д.О. Чураков, Т.А. Островенко

- Войны памяти и освещение
Великой Отечественной войны
в постсоветской учебной литературе 2000–2008 гг.:
тенденции, результаты, уроки 148

М.И.И. Ибрахими

- Роль этнической политики
в системном кризисе власти в Афганистане 166

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ*С.Д. Половецкий*

- Рецензия на книгу: Воронин В.Е. «Небывалое бывает». Генерал-адмирал русского флота в Крымской войне.
М., 2024 182

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

A.B. Ananchenko

- The World Revolution as a scientific and political problem
of V.I. Lenin's understanding of the historical process 11

RUSSIAN HISTORY

G.V. Talina

- The titles of royal governors as indicators of official position
and career growth in Russia in the second half
of the 17th and early 18th centuries 26

B.B. Davyдов

- Epigones of the Decembrists:
Towards the historiography of the problem 41

V.E. Voronin

- The first step towards the abolition of serfdom in Russia:
Government decisions on a peasant case in August 1857 55

V.N. Gorlov

- The historical center of Moscow as a socio-cultural problem 74

GENERAL HISTORY

Yu.V. Kulikova

- The Titulature of Emperor Aurelian and the formation
of the dominate 91

INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORY AND PRESENT DAY

A.L. Volkov

- In the shadow of distrust: On the question of the interaction
between Russian and British troops in Holland
(August–November 1799) 102

V.S. Mozhanov

- The European Union as an actor
in shaping global environmental policy 120

STATE AND SOCIETY:
PROCESSES, TECHNOLOGIES, MANAGEMENT

V.P. Skorokhodova

- Russia's counter-sanctions policy:
Historical lessons and contemporary challenges 133

D.O. Churakov, T.A. Ostrashenko

- Memorial Wars and coverage of the Great Patriotic War
in post-Soviet educational literature 2000–2008:
Trends, results, lessons 148

M.I.I. Ibrahimi

- The role of ethnic policy in the systemic crisis of power
in Afghanistan 166

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

S.D. Polovetsky

- Review of the book: V.E. Voronin.
“The unprecedented happens.” General-Admiral
of the Russian Fleet in the Crimean War. Moscow, 2024 182

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-11-25

УДК 930.1

А.Б. Ананченко

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Мировая революция как научная и политическая проблема понимания В.И. Лениным исторического процесса

Актуальность исследования связана с деформацией понимания в современном обществе некоторых важных с научной, исторической и политической точки зрения проблем и парадигм прошлой эпохи, эпохи XX в. Главная цель работы – восстановление базового содержания концепции мировой революции начала XX в. как обоснованной научной парадигмы того времени, задававшей границы и направление политических целей эпохи для действовавших тогда сил, в частности, у одного из лидеров Российской социал-демократии В.И. Ленина. Объект исследования – концепция мировой революции в ее взаимосвязи с одной из определяющих научных тенденций изучения социальных процессов рубежа XIX–XX вв. и ее влияние на социал-демократическую оценку исторического места эпохи и ее политических перспектив. Нас интересует идея мировой революции не с точки зрения истинности, а с точки зрения ее содержательной аутентичности науке и политике той эпохи. Рассматриваемые проблемы исследования включают анализ содержания обоснования идеи мировой революции в изучаемую эпоху, ведь идея Октябрьской революции в России тесно связана с пониманием мировой революции как назревшего объективного этапа развития мировой капиталистической системы – империализма.

© Ананченко А.Б., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: история, история России, мировая революция, Октябрьская революция, деформации исторической памяти, сохранение исторической памяти, империализм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ананченко А.Б. Мировая революция как научная и политическая проблема понимания В.И. Лениным исторического процесса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 11–25. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-11-25

A.B. Ananchenko

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The World Revolution as a scientific and political problem of V.I. Lenin's understanding of the historical process

The relevance of the research is related to the deformation of understanding in modern society of some important scientific, historical and political issues and paradigms of the past era, the era of the XX century. The main goal of the work is to restore the basic content of the concept of the world revolution at the beginning of the 20th century, as a well-founded scientific paradigm of that time, which set the boundaries and direction of the political goals of the era for the forces operating at that time, and in particular, for one of the leaders of Russian social democracy, V.I. Lenin. The object of the research is the concept of the world revolution in its interrelation with one of the defining scientific trends in the study of social processes at the turn of the 19th–20th centuries, and its influence on the social-democratic assessment of the historical place of the era and its political prospects. We are interested in the idea of a world revolution not from the point of view of truth, but from the point of view of its substantial authenticity to science and politics of that era. The research problems under consideration include an analysis of the content of the rationale for the idea of a world revolution in the era

under study. After all, the idea of the October Revolution in Russia is closely linked to the understanding of the world revolution as an overdue objective stage in the development of the world capitalist system – imperialism.

Key words: Russian history, world revolution, October revolution, deformations of historical memory, preservation of historical memory, imperialism

FOR CITATION: Ananchenko A.B. The World Revolution as a scientific and political problem of V.I. Lenin's understanding of the historical process. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 11–25. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-11-25

Актуальность исследования мировой революции как научной и политической проблемы понимания В.И. Лениным исторического процесса связана с изменением (в том числе и деформацией) в современном обществе понимания некоторых важных с научной, исторической и политической точки зрения проблем и парадигм прошлой эпохи, эпохи XX в. А восстановление понимания содержания мировой революции Лениным как одним из решающих акторов революционного процесса в России в начале XX в. имеет конкретно-историческое значение для более точного понимания происходивших событий, смыслов и мотивов участников этого революционного и политического процесса в России.

Главная цель работы – восстановление базового содержания концепции мировой революции начала XX в. как обоснованной научной парадигмы того времени, задававшей границы и направление политических целей эпохи для действовавших тогда сил, в частности, одного из лидеров российской социал-демократии, В.И. Ленина.

При этом необходимо специально подчеркнуть, что предметом исследования является не историографическая проблема как история изучения и понимания мировой революции, не как часть истории исторической науки, не как анализ состояния и развития исторического знания по этой проблеме, совокупности научных трудов по проблеме мировой революции. Предмет исследования – понимание мировой революции в начале XX в. как феномен исторического процесса того времени, субъективный феномен понимания исторического процесса как объективный фактор влияния на направление развития общества, формирования содержания политических программ участников. Предметом конкретно-исторических исследований являются не только вещественные факторы исторического процесса, но и его духовные факторы, выступающие в истории тоже в качестве объективно существующих.

В общественном сознании российского общества и историографии за последние десятилетия произошли существенные изменения в понимании отечественной истории, ее новейшего этапа развития. Заметное изменение, которое влияет на понимание исторических явлений и процессов в обществе и науке, – это упрощение представления об историческом развитии и исторических процессах. В научной литературе получила распространение замена понятийного понимания исторических и социальных процессов обыденным уровнем понимания и употребления научных терминов. Одним из факторов этого стал отказ от развитой теоретической модели понимания истории, общества и отдельных сфер общественной жизни, которая господствовала как в общественной, так и в научной жизни советского общества в форме марксизма. Советская модель марксизма в последний период существования СССР нуждалась в серьезном анализе и модернизации. Но, по существу, она была заменена несколькими не очень развитыми концепциями и подходами к анализу социальных и исторических процессов. Эти новые парадигмы позволили расширить поле исторических исследований, найти новые ракурсы и методы рассмотрения, но привели к ослаблению теоретических исследований, методологии исторических работ. Результатом этого стало упрощение понимания и деградация научной аргументации. Понимание и употребление терминов «революция», «мировая революция» – наверное, один из ярких примеров такой замены (подмены) научного понимания на обыденное.

Конечно, все люди в обществе не должны и не могут понимать термин «революция» на научном уровне, на уровне понятия. Нам важно зафиксировать, что процесс трансляции в общество научных исторических знаний сменился на другую направленность, когда обыденные и архаичные представления об истории начинают транслироваться в науку, начинают вытеснять научное рациональное знание обыденными представлениями и настроениями. Например, сложился публичный стереотип оценки и отношения к этому историческому явлению: революция – это прежде всего «плохо». Неважно при этом содержание этого процесса, важно, что это «плохо».

Можно вспомнить утвердившийся сегодня не только в общественном, но и в научно-историческом сознании набор ложных стереотипов в понимании революции вообще и мировой в частности:

- революция – это результат плохого управления и наличия большого количества недовольных;
- революция – «заговор», субъективный способ политических акторов для решения вопросов власти в той или иной стране;
- революции – это незаконный, разрушительный и вредный для общества способ захвата власти.

Упоминая эти оценки, я только констатирую их наличие, не давая им исторический или методологический анализ. Проблемы анализа и значения революций в истории развития обществ потребуют специальных научных работ и могут быть сегодня констатированы как важный предмет для будущих эмпирических и теоретических исторических исследований.

Сегодня же такой исторический след настроений сформировал в исторической общественной памяти и у широкого круга экспертов по вопросам исторического просвещения устойчивое представление о том, что сторонниками мировой революции в России были только ее сознательные враги, которые ставили своей целью ее уничтожение либо ослабление, но такое понимание не связано ни с наукой, ни с объективными тенденциями того времени.

Государственная политика России в области исторической памяти ставит сегодня специальные задачи сохранения не только исторической памяти, но и необходимости ее защиты от искажения и фальсификаций. В частности, в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» среди рисков и угроз национальной идентичности отмечаются «попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды, негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространение ложных представлений о России»¹.

По анализу феномена мировой революции существует достаточно большая историография, в том числе и современная. Специально подчеркну, что проблема мировой революции – это одна из немногих конкретно-исторических и концептуальных проблем исторической науки, имеющих развитую мировую историографию. И сегодня мы можем констатировать наличие исследований по анализу мировой историографии проблемы, включая проблему русской революции [2; 5]. Но еще раз специально подчеркну, что предмет моего исследования – не историография проблемы мировой революции, поэтому я только упоминаю наличие большой и разнообразной литературы и исследований.

Историография мировой революции включает и рассматривает целый ряд концептуальных, политических, исторических и других вопросов. Проблема мировой революции включает рассмотрение проблем социалистической революции, которая не может победить во всех странах и является целой исторической эпохой перехода от капитализма

¹ Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/> (дата обращения: 21.09.25).

к социализму [4; 10; 13]. Есть работы, рассматривающие проблему мировой революции в связи со строительством социализма в СССР, но опять же не рассматривающими основания концепции мировой революции, ее логику [4; 10–13; 15]. Хотя есть и попытки анализа социокультурных оснований большевизма [3; 6; 14]. Заметное место занимают сегодня исследования по трансформации идей мировой революции и ее отдельных аспектов в политике советского государства [8; 9; 16].

Ряд работ посвящен мести и значению отдельных стран в концепции мировой революции В.И. Ленина или партии большевиков [7].

Мировая революция при этом, например, С.Н. Некрасовым рассматривается как проблема всемирности социалистической революции, как взаимосвязь и взаимообусловленность развития крупной промышленности, цивилизованных (индустриальных и капиталистических) стран и возможность их перехода к социализму как целую всемирно-историческую эпоху: «Главный аргумент шел от *развития крупной промышленности*². Это развитие свидетельствовало в пользу не просто однотипности классовых антагонизмов, но и в пользу одинаковости классовых конфликтов. Опыт европейской революции 1848 г. поставил под сомнение идею исторического уравнивания различных стран по мере развития капитализма, и речь могла идти об *одновременной победе лишь во всех цивилизованных*, а значит капиталистических странах. <...> Для В.И. Ленина в эпоху империализма социализм в отдельных странах соседствует с капиталистическими нациями. Получается, что мировой революционный процесс может занять *эпоху перехода стран и народов к социализму во всемирно-историческом масштабе*» [10, с. 58].

Это интересная и небезосновательная точка зрения, но не совпадающая с концепцией и пониманием мировой революции В.И. Лениным и большевиками, концептуальными основаниями включения России в мировой революционный процесс перехода к социализму.

Мировая революция обычно связывается в большей или меньшей степени с оценками и трактовкой Октябрьской революции 1917 г. в России. Появились и концепции, например, национализации Октябрьской революции и последующего советского общества, рассмотрение этих событий как следствие проектов не немецкого генерального штаба, а российского. Главное, что революция как часть исторического процесса рассматривается здесь не как закономерное, необходимое и прогрессивное (или регressive) развитие общества, а как часть субъективных и случайных усилий групп политически активных лиц. В таком виде характеристика события и процесса революции как «заговора»

² Здесь и далее в цитатах курсив мой. – А.А.

сохраняется, меняется только его субъект. Из внешнего и враждебного он превращается во внутренний, отечественный. Можно даже сказать, что такая трактовка стала модной среди определенной части отечественных экспертов в последнее десятилетие, особенно после появления в 2020 г. монографии А.Т. Беляева [1].

Все это было бы очень интересно, если бы не проблема уровня развития и понимания такого предполагаемого субъекта. А уровень понимания социальных процессов, общества и его исторического места у сотрудников генштабов был на несколько порядков ниже, чем в руководстве партии большевиков. Это, правда, не синоним истинности взглядов большевиков, а только констатация различия сложности понимания общества разными субъектами политики того времени. Другими словами, субъект, находящийся на предшествующей стадии исторического развития и уровне развития мышления, не может быть организатором развития для более сложного и развитого субъекта истории, общества, мышления.

Часть исследователей считает, что Коминтерн создавался главным образом не для мировой революции, а прежде всего для обеспечения внутренней и внешней безопасности советской страны: надо было сохранить власть в условиях интервенции, гражданской войны и способствовать признанию Советской России на международной арене через созданные за рубежом коммунистические партии [15].

Но особенную тревогу вызывает уровень понимания исторических проблем, их анализа, да и самих концепций прошлого у современных молодых исследователей. Приведем в качестве примера один из вариантов такого типа текстов-суждений: «Официально и научно вопрос о “мировой революции” не поднимался до 80-х гг. Считалось, что революция станет прекрасной возможностью для всемирного процветания социализма, спасет человечество от гибели и обеспечит комфортную интернациональную жизнь» [11, с. 339].

Интересно, что эта статья в сборнике «перспективных разработок молодых ученых» содержит только стереотипы и потребительские оценки постсоветской эпохи, включая комфорт как цель и смысл человеческой жизни. Правда, опрокинуто это все на прошлое, на советскую историю, превращая ее сразу в ложный миф современности. В этом тексте нет ни одного верного утверждения, нет знания исторических процессов, конкретной истории и понимания упомянутых идей и концепций. Но важно и опасно другое – то, что такие статьи попадают в научные базы данных и начинают заполнять или наполнять информационное пространство науки, постепенно его фальсифицируя.

Таким образом, можно отметить, что историография проблемы мировой революции включает множество важных и значимых вопросов,

проблем, но не дает четкого понимания о содержании концепции мировой революции и фундаменте ее обоснования.

Анализ содержания понятия мировой революции мы будем строить на основе рассмотрения взглядов В.И. Ленина, его политического и исторического мировоззрения, во взаимосвязи с его политической философией. Его взгляды и подходы содержат наиболее ярко и точно выраженную концепцию мировой революции, объяснения ее оснований и программу политических действий на ее основе.

Для исторической науки сегодня есть необходимость понимания этого мировоззрения, политического явления и этой идеи. Как представлялось историческое место России В.И. Ленину в начале XX в.? Как оценивалась мировая система государств? На основе чего возникла и строилась идея мировой социалистической революции?

Часто идею мировой революции сводят к троцкизму и Л. Троцкому, хотя это не так. Идея мировой революции является одной из центральных в революционном большевизме и у Ленина. Она не придумана, не выдумана ими, это вывод из всего достигнутого тогда уровня научного понимания социального развития, оценки исторического места современности в начале XX в. Ленин часто возвращался к характеристике исторического места тогдашней России, уровню ее развития, соотношения развития России и наиболее развитых стран того времени. Для него важно было понять и научно обосновать политические цели российской социал-демократии. Для меня же в данном случае важно не оценить степень истинности взглядов Ленина на проблемы исторического места России в период формирования буржуазного общества, а восстановить логику его понимания мировой революции.

«Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно *в ней не может победить тотчас социализм*. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней*³. Анализируя эти ленинские характеристики исторического места России и объективно назревшие политические и социальные задачи страны, можно констатировать, что Россия оценивалась и социально-экономически рассматривалась им как доиндустриальное общество, перед которым стоит задача буржуазных социальных и экономических преобразований, а также необходимость

³ Ленин В.И. Прощальное письмо швейцарским рабочим // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91–92.

политической буржуазно-демократической революции. Почему Ленин рассматривает такую буржуазную революцию в России как «пролог всемирной социалистической революции»? Это мы поймем в ходе дальнейшего анализа характеристики Лениным исторической эпохи начала XX в.

Главное для понимания сущности мировой революции В.И. Лениным состоит в том, что она понималась как всемирный объективный исторический процесс, как закономерный процесс, историческое место которого состоит в смене капиталистической общественно-экономической формации коммунистической. Масштаб такого перехода оценивался именно как всемирный, поскольку современная эпоха виделась лидерам мировой социал-демократии как уже сложившаяся мировая капиталистическая система, получившая название империализм. А он же признавался в качестве последнего и умирающего этапа буржуазного общества, как канун социалистической мировой революции, которая завершит существование капитализма и начнет новую историческую эру – коммунизма.

«Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как *переходный* или, вернее, *умирающий капитализм*⁴. «Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, – нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте этого года, мы, характеризуя приближение *всемирной социальной революции*, говорили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма⁵. «Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу⁶.

Таким образом, общий вывод анализа понимания и отношения к мировой революции у В.И. Ленина состоит в том, что эта концепция

⁴ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 424.

⁵ Ленин В.И. Доклад на II съезде коммунистических организаций Востока // Там же. Т. 39. С. 327.

⁶ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Там же. Т. 27. С. 420–421.

основана на нескольких постуатах, которые выдвинул не Ленин, но они – результат понимания социальной реальности и ее трактовок в то время, как в науке, так и в политике.

Революция, включая социальную, рассматривалась как способ перехода от одного общества к другому. Какое историческое место занимала в этом мировая революция? Империализм рассматривался как стадия развития всего капитализма, как высшая и закономерная всемирная стадия капитализма, как последняя стадия этого типа общества. Империализм – это сложившаяся мировая система, но не характеристика уровня развития отдельного общества, что часто происходит в современных социально-исторических науках.

В классическом марксизме революция не рассматривалась как одновременно принадлежащая умирающему, предыдущему обществу и рождающемуся новому. Высшая стадия одного общества была предшествующей и отдельной, самостоятельной стадией перед первой стадией нового общества, перед его рождением, перед революцией. Поэтому для Ленина империализм – это высшая, последняя и умирающая стадия капиталистического общества, только канун социальной революции пролетариата, начала рождения нового посткапиталистического общества, но не сама социальная революция. «Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года во всемирном масштабе»⁷.

Важным элементом концепции мировой пролетарской революции у Ленина является рассмотрение империализма как этапа мирового развития капитализма, превращения его в мировую систему, начинающую отрицать своим существованием и его содержанием само капиталистическое общество. «Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия, – все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их прессы, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью “передовых” стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой “добычи” происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю»⁸.

Империализм рассматривается Лениным как сложившаяся мировая экономическая система, что приводит его к важному выводу о том, что

⁷ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 308.

⁸ Там же. С. 305.

пролетарская революция появления, формирования нового общества может быть и будет в таких условиях мировой революцией.

В условиях мировой революции и неравномерного развития отдельных частей мировой капиталистической системы встает вопрос о роли менее развитых ее частей вообще и России в частности. Появляется идея о возможности существенной роли России в мировой пролетарской революции как элемента разрушения всей мировой системы империализма в качестве «слабого звена» и запуска перехода к новой социальной системе.

Таким образом, концепция мировой революции у Ленина была частным выводом об историческом месте развития мировой системы государств на рубеже XIX–XX вв.

Концепция мировой революции стала основой для формирования представлений о советской глобализации, советском мировом проекте, символом которого в последующем стал герб СССР.

Содержание главных идей Ленина, как созданных им самим, так и включенных им в единую картину анализа исторического процесса, должно нам ответить на вопрос о мировоззренческих, аксиологических и гносеологических предпосылках концепции мировой революции. А идеи Ленина в этой области – это идейное основание к политической практике партии большевиков в исторических процессах первой четверти XX в. Попробуем перечислить, собрать эти идеи вместе:

- в мире начался новый этап развития буржуазного общества, появление мировой системы капитализма;
- формирование мировой системы капитализма – это империализм;
- новый мировой этап развития системы капитализма – последняя стадия его развития, преддверие коммунистической революции, начало перехода к новому постбуржуазному обществу;
- историческое место современной Ленину России – переход к буржуазному обществу, формирование индустриального общества, переход от аграрного к аграрно-индустриальному обществу, как буржуазная социальная революция;
- важный элемент оценки и перспективы социальной революции в России – распространение характеристики пролетариата не только на индустриальных рабочих, но и беднейшее крестьянство в России (такой подход, такой вывод и оценка создавали идеальные предпосылки для изменения принципиальных оценок возможностей предстоящей русской политической революции, изменения политической тактики революции и участвующих в ней общественных сил);
- изменение анализа общества позволяет выдвинуть идею двух политических революций, разной политической тактики в этих революциях партии социалистической революции (партии большевиков);

- концепция империализма, мировой революции и оценка содержания исторических процессов в России позволяет поставить новые политические вопросы: можно ли в России, где происходит буржуазная социальная и политическая революция, осуществить политическую социалистическую революцию как основание для СОЗДАНИЯ, строительства нового небуржуазного, постбуржуазного социалистического общества?
- ориентация на действие, изменение, политическую практику, а не теоретические решения проблем (хотя теория занимала не последнее место в деятельности Ленина, но именно как прикладная задача, можно вспомнить классическое утверждение в его работе «Государство и революция»: «Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. <...> Но второй выпуск брошюры (посвященный “Опыту русских революций 1905 и 1917 годов”), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее “опыт революции” проделывать, чем о нем писать»⁹.

Передо мной не стоит задача охватить весь мировоззренческий политический ленинизм, а только несколько проблем, которые сегодня актуальны как в науке, так и в общественном сознании. В частности, проблема мировой революции как концепция и политическая программа. Но меня она интересует именно потому, что существует сегодня в превращенном виде, в ложной и мифологической форме.

Взгляды Ленина – это не синоним истины в понимании тех или иных исторических и социально-политических процессов. Его понимание – это и отражение реальных процессов, и, одновременно, элемент их формирования. Взгляды на мировую революцию фиксируют конкретно-исторический уровень понимания и мировоззрения Ленина, его политическую философию как наиболее общие представления о политическом процессе и его направленности, историческом месте его современности.

Собственно, идея Октябрьской революции, социалистической революции, концепция строительства советского общества и создания международной коммунистической организации (Коминтерна) – все это следствия идеи мировой социалистической (коммунистической) революции как необходимой и неизбежной стадии, вырастающей из империализма, сменяющей его. Ведь идея Октябрьской революции в России тесно связана с пониманием мировой революции как назревшего объективного этапа развития мировой капиталистической системы – империализма.

⁹ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 120.

Сегодня имперализм, мировая революция и ряд других важных элементов социального знания прошлого века стали представляться как набор нерациональных оценочных стереотипов. Например, имперализм сегодня чаще всего понимается как агрессивная политика по отношению к другим государствам, как агрессивное государство, придерживающееся экспансионистской политики. Употреблять любой термин можно, конечно, как угодно. Но проблема не в термине, а в той реальности, которую этот термин называет. Конечно, имперализм – это не стадия развития отдельного государства, не название «плохого» государства и не характеристика внешней политики одного или нескольких государств. Понятие «имперализм» возникло из изучения развития государств и мирового сообщества в конце XIX – начале XX вв., когда стало ясно, что мир превращается из совокупности отдельных государств в мировую систему, а эта мировая система является началом формирования посткапитализма как мировой системы. В наше время этот процесс трансформации мировой социально-экономической системы называется глобализацией, а процесс ее формирования не называется мировой революцией, а только новым мировым порядком.

Историческое место общества при этом понимается как важная научная, методологическая проблема изучения истории, один из элементов формирования политических целей и образов будущего различными политическими силами. Для нас же представляет интерес прошлый этап понимания этих явлений, политической борьбы за цели, смыслы и ценности не только исторически, но и как опыт познания современности, управления тенденциями общественного развития.

Библиографический список / Referenses

1. Беляев А.Т. Деструкция номер 1917. Опыт декодирования данных и смыслов. М., 2020. [Belyaev A.T. Destruksiya nomer 1917. Optyt dekodirovaniya dannykh i smyslov [Destruction No. 1917. An experiment in decoding data and meanings]. Moscow, 2020.]
2. Большая О.В. Кризис Российской империи 1890–1914 гг. в зарубежной историографии // Российская история. 2019. № 2. С. 158–171. [Bolshakova O.V. The crisis of the Russian Empire 1890–1914 in foreign historiography. *Rossiyskaya istoriya*. 2019. No. 2. Pp. 158–171. (In Rus.)]
3. Булдаков В.П. Революция и Россия: «иное измерение» системного кризиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2025. № 2 (74). С. 5–20. [Buldakov V.P. Revolution and Russia: “Another Dimension” of the systemic crisis. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2025. No. 2 (74). Pp. 5–20. (In Rus.)]
4. Гринин Л.Е. Революция в России и трансформация мир-системы // Век глобализации. 2017. № 3. С. 97–112. [Grinin L.E. Revolution in Russia

- and the transformation of the world system. *Vek globalizatsii*. 2017. No. 3. Pp. 97–112. (In Rus.)]
5. Калашников В.В. Метаморфозы мировой историографии русской революции // Альтернативы. 2022. № 3. С. 79–91. [Kalashnikov V.V. Metamorphoses of the world historiography of the Russian revolution. *Alternativy*. 2022. No. 3. Pp. 79–91. (In Rus.)]
 6. Лавров В.М. Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией. М., 2019. [Lavrov V.M. Pravoslavnyy vzglyad na leninskiy eksperiment nad Rossiey [An Orthodox view of Lenin's experiment on Russia]. Moscow, 2019.]
 7. Магомедов Р.Р. Германия и ее место в концепции В.И. Ленина о мировой революции // Реализация компетентностного подхода в сфере инженерной подготовки. Уфа, 2017. С. 87–93. [Magomedov R.R. Germany and its place in V.I. Lenin's concept of world revolution. *Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v sfere inzhenernoy podgotovki*. Ufa, 2017. Pp. 87–93. (In Rus.)]
 8. Матвеев Г.Ф. Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сборник к 50-летию Юрия Аркадьевича Борисёнка. Серия: Историки-слависты МГУ. М., 2016. С. 425–443. [Matveyev G.F. The place of the world revolution in the foreign policy of the RSFSR in 1919–1920. *Mnogolikiy i bespokoynyy slavyanskiy mir. Nauchnyy sbornik k 50-letiyu Yuryiya Arkadevicha Borisyonka*. Series: Slavic Historians of Moscow State University. Moscow, 2016. Pp. 425–443. (In Rus.)]
 9. Михаил-Матсас С. Коммунистический Интернационал и мировая революция // Альтернативы. 2019. № 3. С. 101–109. [Michail-Matsas S. The Communist International and the World Revolution. *Alternativy*. 2019. No. 3. Pp. 101–109. (In Rus.)]
 10. Некрасов С.Н. Всемирность и вопрос о путях развития революции // Наука, образование, культура. Межвузовский сборник научных статей по материалам ежегодных Всероссийских Целищевских чтений. Екатеринбург, 2023. С. 58–61. [Nekrasov S.N. Universality and the question of the paths of development of the revolution. *Nauka, obrazovanie, kultura. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey po materialam ezhegodnykh Vserossiyskikh Tselishchevskikh chteniy*. Ekaterinburg, 2023. Pp. 58–61. (In Rus.)]
 11. Окунев К.В., Мертенс П.А. Идея мировой революции большевиков // Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник статей 7-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск, 2024. С. 339–340. [Okunev K.V., Mertens P.A. The idea of the world revolution of the Bolsheviks. *Molodezh i nauka: shag k uspekhу. Sbornik statey 7-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh*. Kursk, 2024. Pp. 339–340.]
 12. Осин Р.С. Мировая революция и социализм в отдельно взятой стране: проблемы теории и практики // Общество: философия, история, культура. 2025. № 3 (131). С. 47–53. [Osin R.S. World revolution and socialism in a single country: Problems of theory and practice. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2025. No. 3 (131). Pp. 47–53. (In Rus.)]
 13. Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998. [Rogovin V.Z. Mirovaya revolyutsiya i mirovaya voyna [World Revolution and World War]. Moscow, 1998.]

14. Социокультурные основания и смысл большевизма / А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, М.Х. Шуровский и др. Новосибирск, 2002. [Akhiezer A.S., Davydov A.P., Shurovsky M.Kh. et al. Sotsiokulturnye osnovaniya i smysl bolshevizma [Sociocultural foundations and meaning of Bolshevism]. Novosibirsk, 2002.]
15. Сузdalцев И.А. Нужна ли была большевикам мировая революция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 39–50. [Suzdaltsev I.A. Did the Bolsheviks need a world revolution? Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki. 2022. No. 4. Pp. 39–50. (In Rus.)]
16. Турицын И.В. Мировая революция и женский вопрос в контексте НЭПа (1921–1927 гг.) // Власть и общество в условиях реформ в 1920-х гг. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 256–263. [Turitsyn I.V. World revolution and the women's question in the context of the NEP (1921–1927). Vlast i obshchestvo v usloviyakh reform v 1920-kh gg. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar, 2024. Pp. 256–263. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 19.08.2025, принятa к публикации 20.09.2025
The article was received on 19.08.2025, accepted for publication 20.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук; директор Института истории и политики, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Director at the Institute of History and Politics, Head of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ab.ananchenko@mpgu.su

Отечественная история

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

УДК 94

Г.В. Талина

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Наместнические титулы как показатели служебного положения и карьерного роста в России второй половины XVII – начала XVIII вв.

В статье рассматриваются наместнические титулы во взаимодействии с другими показателями карьерного роста – чинами и должностями. Титулы использовались преимущественно в дипломатической практике. В условиях отсутствия ярко выраженной специализации высших должностных лиц при первых Романовых и Петре I являлись значимым маркером положения в служебной иерархии в целом. Сравниваются принципы функционирования системы наместнических титулов во время местничества и после его отмены. Делается вывод о сохранении двух титульных групп: особо почетных и не отличающихся высоким статусом. Особое внимание уделяется носителям высших наместнических титулов, в т.ч. главам правительства. Анализируется практика повышения титула представителей боярско-княжеской аристократии и дворянства. Доказывается возможность при помощи данных титулов выстроить ранжир различных носителей одного чина, показать служебное продвижение конкретных лиц при неизменности чиновных показателей. Рассматриваются случаи, связанные с сохранением относительно низких титулов при значительном повышении чина, причины данной динамики.

© Талина Г.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: наместнические титулы, маркеры служебного положения в дипломатической сфере, местничество, служба при первых Романовых, служебная сфера в правление Петра I

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Талина Г.В. Наместнические титулы как показатели служебного положения и карьерного роста в России второй половины XVII – начала XVIII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 26–40. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

G.V. Talina

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The titles of royal governors as indicators of official position and career growth in Russia in the second half of the 17th and early 18th centuries

The article examines the system of titles for royal governors in relation to other indicators of career advancement, such as ranks and positions. Titles were used primarily in diplomatic practice. In the absence of a pronounced specialization of high-ranking officials under the first Romanovs and Peter I, they were a significant marker of position in the overall service hierarchy. It compares the principles of the titles for royal governors during the period of localism and after its abolition. The article concludes that there are two distinct groups of titles: those that are particularly prestigious and those that do not hold a high status. Special attention is given to the holders of the highest titles for royal governors, including the heads of government. The article also analyzes the practice of increasing the titles of members of the boyar-prince aristocracy and the nobility. The possibility of using these titles to rank holders of the same rank is proven, as well as the promotion of specific individuals while maintaining the same rank. The article examines cases related to the preservation of relatively low titles while significantly increasing the rank, and the reasons for this dynamic.

Key words: titles of royal governors, markers of official position in the diplomatic sphere, localism, service under the first Romanovs, and the service sphere during the reign of Peter I

FOR CITATION: Talina G.V. The titles of royal governors as indicators of official position and career growth in Russia in the second half of the 17th and early 18th centuries. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 26–40. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

Четкие правила определения статуса должностных лиц – один из признаков развитого государства, важнейшее условие его взаимодействия с обществом. В России второй половины XVII – начала XVIII в. социальное положение боярско-княжеской аристократии, московского и провинциального дворянства, приказной бюрократии правильнее называть социально-служебным. В Московском царстве деление общества осуществлялось не столько на сословия, сколько на чиновно-сословные группы, а инициатором процесса выступало в большей мере государство, нежели общество.

В XVII в. главными показателями служебного положения являлись чины и должности. Чины представляли собой систему с четкой иерархией и делились на группы, начиная с высших, относящихся к Боярской думе, продолжая дворцовыми, московскими, городовыми. Ярчайшим примером чиновного ранжира монархической России остается знаменитая петровская «Табель о рангах», просуществовавшая с большими изменениями вплоть до Великой российской революции. Однако в своем первоначальном варианте в «Табели» смешивались чины и должности. Не стоит забывать, что «Табель» явилась итогом петровского правления, а в начале XVIII в. продолжала функционировать московская чиновная система. Последние пожалования в Боярскую думу относятся к 1711 г. [2, с. 221].

Должностей было существенно больше, и определить, является ли назначение на новую должность того или иного лица повышением или понижением по службе, не всегда легко. Отчетливо должностной рост проявлялся в сфере приказной бюрократии: молодший подьячий мог дослужиться до старшего, старший стать разрядным или даже думным дьяком. Высшие государственные должности не выстраивались в определенную иерархию. Исполнитель таких должностей за время своей карьеры нередко был и послом, и гражданским или военным воеводой, и приказным судьей. Даже в рамках приказов сложно определить, какие из них было возглавлять почетнее. Триада крупнейших приказов

(Разряд, Поместный, Посольский) весьма часто руководилась не боярами, а думными дьяками. Определить уровень высших должностей по уровню чинов служилых людей, на них назначаемых, также не всегда возможно. Главными претендентами на эти должности являлись представители боярско-княжеской аристократии, делившейся на первую и вторую статьи. Однако, согласно правилам местничества, господствовавшим по меньшей мере до его отмены в 1682 г., в карьере первого степенного аристократа могло быть только два чина (стольник или комнатаный стольник (спальник) в молодости, боярин – при пожаловании в Думу), а в карьере аристократа второй статьи – три (стольник/спальник, окольничий, боярин). Другие чины для данных категорий считались «невместными», хотя monarch пользовался своим правом не жаловать неугодных ему аристократов в Боярскую думу вовсе.

Классификация и введение в научный оборот автором данной статьи системы наместнических титулов предоставляет возможность учитывать этот показатель служебного статуса [3]. Основой для анализа служат разработанные реестры наместнических титулов 1580–1682, 1682–1706 гг., а также алфавитный реестр наместников [4, с. 148–220]. Принцип использования при характеристиках высших должностных лиц в равной степени трех маркеров (чин, должность, наместнический титул) распространяется в научном сообществе не быстро, и его популяризация остается актуальной. Склонность росписей и книг наместнических титулов к упоминанию не только думских, но и ближних чинов, является значимым источником для реконструкции состава Ближней думы. Задачи данной публикации: охарактеризовать персональный состав носителей высших наместничеств; показать карьерный рост сквозь призму повышения наместнического титула; определить взаимосвязь между происхождением должностных лиц и уровнем получаемых ими наместнических титулов в условиях местничества и после его отмены; установить возможности титульно-наместнической системы в ранжировании должностных лиц, обладавших равными чинами.

Напомним, что еще при Иване IV «наместник» из полномочного представителя царя и великого князя на определенной территории превратился в титул, используемый в сношениях с представителями иностранных государств. На первый взгляд, таких должностей немногого: послы, посланники, гонцы, члены Ответных палат, воеводы пограничных городов (разрядов). На деле при существенном количестве и разнице статусов иностранных государств, взаимодействовавших с Россией, перечень должностей, попадающих под ранжир наместнического титулования, значительно возрастает. Посол на съезд с польскими послами выше посла к польскому королю, он, в свою очередь, выше

посла к шведскому королю и т.д., послы в разные государства никогда не равны друг другу. Рост признания России на международной арене приводил к расширению ее дипломатических контактов. Одновременно с этим происходило и повышение статуса делегаций в ряд стран. Там, где ранее обходились посланниками для информирования иностранного патентата о наших дела, со второй половины XVII в. снаряжали великое посольство, а должность нового великого посла встраивалась в иерархию ранее существовавших.

И большой титул самого царя, и титулы лиц, представлявших нашу державу перед главами иностранных государств и их полномочными представителями, были связаны с перечислением территорий. Данная практика, роднящая Россию со Священной Римской империей, была принята на вооружение с первых шагов развития нашего государства по имперскому сценарию, по меньшей мере, со времени присоединения Поволжья при Иване IV. К 1670-м гг. количество территорий в титуле правителя Империи и русского царя сравнялось, достигнув трех десятков, русских наместнических титулов (а они постоянно добавлялись) было в два раза больше.

В 1646 г. наместнические титулы, присваивавшиеся с конца царствования Ивана Грозного, были систематизированы в специальной росписи¹. Указывать свой наместнический титул человек имел право в переписке с представителями иностранных государств на время исполнения конкретного дипломатического поручения. По выполнении данного поручения титул оставался вакантным, иным лицам не передавался, ждал новых назначений своего обладателя в сфере дипломатии. Фактически в титульно-наместнической системе господствовала та же практика, что и в Боярской думе: определенные чины и титулы оставались со служилым человеком либо до повышения, либо до смерти. Закрепляя данное положение, с царствования Федора Алексеевича должностному лицу предписывали писаться с наместничеством «когда прилучится». Передача наместнического титула другому лицу при жизни его обладателя была исключением из правил, могла являться показателем полного отстранения от государственных дел. Изначально титулы делились на боярские и окольнические, при Федоре Алексеевиче была разработана и после него внедрена практика разделения наместничеств на степенные и сверх степенных.

Самым высоким считался титул наместника Владимира. До отмечены местничества в разное время так титуловались боярин князь

¹ Роспись фамилиям, коим даваны титулы наместничеств при отправлении их в разные к чужестранным государствам посольства // Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 9.

Ф.И. Мстиславский, боярин Б.И. Морозов, боярин князь Н.И. Одоевский². В России не было официальной должности главы правительства, однако все прекрасно знали, кто является вторым лицом после государя. Работая в дипломатической сфере, этот государственный деятель претендовал на высшее наместничество. Официальные должности глав правительства были всегда высокими, но разными. Так, Мстиславский был первым боярином в Боярской думе, т.е. председательствовал в ней при отсутствии царя, а в Смуту возглавлял Семибоярщину. Н.И. Одоевский был председателем высшего, наряду с Боярской думой, государственного органа, созданного в царствование Федора Алексеевича, – Расправной палаты. Главы правительства принимали участие в переговорах с иностранными послами на территории Москвы. Для этого, если позволяла знатность, как в данных случаях, они возглавляли Ответную палату.

Морозов, став боярином в 1634 г. при назначении «дядькой» (воспитателем) царевича Алексея Михайловича, руководил государством в первые годы царствования своего воспитанника. Морозовы – один из четырех боярских родов, принадлежавших к первостепенной аристократии. Б.И. Морозов сосредоточил в своих руках управление Большой казной, Новой Четью, Иноземским, Стрелецким, Аптекарским приказами. Документы свидетельствуют, что до 1646 г. «Борис Иванович Морозов наместничеством не писыван, потому что в Ответе с послы не бывал»³, в 1654 г. писался с наместничеством в переписке с гетманом Б. Хмельницким. В результате Соляного бунта правительство Морозова рухнуло, а его место занял его ярый противник боярин князь Я.К. Черкасский, но вскоре попал в опалу. Новый глава правительства И.Д. Милославский был близок Морозову, а государственная деятельность последнего приобрела скрытый характер. Еще в 1651 г. он вступил в частную переписку с гетманом Войска Запорожского и немало сделал для перехода казаков под юрисдикцию России. Сохранение в 1654 г. наместнического

² Книга о наместничествах, коими бояре и разного чина люди при посылке в чужие государства именовались, 1665, марта 10 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 5. Л. 1 об.; Книга о наместнических титулах послов в разные государства 1581–1680 // Там же. № 4. Л. 4; Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всей Великия и Малыя и Белыя России самодержца царства и государства и великие княжения по степеням, и кому именно боярам, и окольничим, и думным людям, и стольникам, и дворянам, по его государской милости, будучи в ответах и на съездах окрестных государей с послы и во окрестных же государствах в послах и посланниках, и в порубежных городах в воеводах для пересылки порубежных городов разных государств с воеводы и с гетманы в посольских письмах с наместничеством писаться поволено // Там же. № 6. Л. 3, 7 об., 266 об.

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 9. Л. 48.

титула уровня главы правительства – одно из доказательств сохранения положения Морозова при царском дворе [1, с. 6–13].

Многолетняя карьера Н.И. Одоевского всегда была связана с дипломатией, работой в посольствах, на посольских съездах, в Ответной палате, взаимоотношениями с такими государствами, как Речь Посполитая, Дания, Священная Римская империя, Швеция. По книгам наместнических титулов он проходит с 1645 г., за пять лет до этого став боярином, по записям 1678 г. упоминается как ближний боярин. Пример службы Одоевского – наглядная демонстрация повышения статуса боярина посредством наместнического титула: при Алексее Михайловиче – наместник Астраханский (4-й титул)⁴, с 9 марта 1678 г. при ближнем боярстве – наместник Новгородский (2-й)⁵, с 15 августа 1679 г. – наместник Владимирский.

В 1697 г. наместником Владимирским был кравчий К.А. Нарышкин в должности воеводы в Пскове. Адресатами его переписки были названы официальные представители Литвы и Швеции, а также «гетманы, генералы, коменданты»⁶. Как в местнический, так и послеместнический период родственники царей по материнской линии стояли вне системы местнических счетов и общих ранжиров знатности, имея право на чины, наместнические титулы, должности сверх предписанных положением материнского рода до породнения с царской фамилией. Начав карьеру с комнатного стольника Петра I, пройдя Азовские походы, Нарышкин получил один из высших дворцовых чинов кравчего, но царь Петр, поддерживая традиции своего отца и старшего брата, присовокупил к чину Нарышкина определение «ближний».

Вторым по статусу после Владимирского считалось наместничество Новгородское, оно также присваивалось за особые заслуги и стояло над основной наместнической системой. Глава правительства мог носить данный титул, когда наместник Владимирский не был в опале, но отходил от основных государственных дел по старости. Наместниками Новгородскими до отмены местничества были боярин И.Н. Романов,

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 7; № 5. Л. 4; № 6. Л. 15; № 9., Л. 52.

⁵ Там же. № 6. Л. 8 об.

⁶ Там же. № 7. Л. 7 об.; Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великаго и Малаго и Белья России самодержца царства и государства и великих княжения по степеням, и кому именно боярам, и окольничим, и думным людям, и стольникам, и дворянам, по его государской милости, будучи в ответах и на съездах окрестных государей с послы и во окрестных же государствах в послах и посланниках, и в порубежных городах в воеводах для пересылки порубежных городов разных государств с воеводы и с гетманы в посольских письмах с наместничеством писаться повелено // Там же. № 8. Л. 8.

боярин князь Я.К. Черкасский, ближний боярин князь Н.И. Одоевский, ближний боярин князь Ю.А. Долгорукий, после отмены местничества – ближний боярин князь В.В. Голицын, генерал и адмирал Ф.Я. Лефорт, боярин А.С. Шеин, боярин князь Б.А. Голицын⁷.

Ранее упомянутый Я.К. Черкасский фигурирует в книгах наместнических титулов после возвращения из опалы. Как бывший глава правительства, аристократ первой статьи, ближний боярин, он в 1657 г. имел право писаться Новгородским наместником в «переписке с графом Магнусом (Магнусом Габриэлем Делагарди. – Г.Т.) из Москвы», а также в «переписке из походу и из полков»⁸, т.е. писался высоченным наместническим титулом при любом должностном поручении. Право на титул наместника Владимирского до своей смерти (1661) сохранял Б.И. Морозов.

Наместником Новгородским в итоге своей карьеры стал и Ю.А. Долгорукий (Долгоруков). Его путь к высшим наместничествам – это путь аристократа второй статьи при активной поддержке царя. Долгорукий в большей степени прославился на военном поприще, вместе с А.Н. Трубецким возглавляя русские войска в борьбе с поляками и шведами. Его нередко называют родоначальником системы государственной безопасности как за роль в деле патриарха Никона, так и за централизованное подавление армейскими силами движения под предводительством С.Т. Разина. Он сыграл важнейшую роль в окончательном переходе России к подворному обложению и формировании государственного бюджета – общеевропейского и российского новшества XVII в. [6, с. 13–15]⁹. В дипломатической сфере Долгорукий работал и в посольствах, и в Ответной палате, взаимодействовал с польскими, цесарскими, шведскими послами. Боярский чин получил очень рано, в 1648 г. За время царствования Алексея Михайловича с 1655/56¹⁰ по 1671/72 гг. повысил титул с Сузdalского (13-го на тот момент) до Тверского (6-го), получив до повышения ближнее боярство. Новгородского наместничества Ю.А. Долгорукий достиг уже при царе Федоре Алексеевиче (1680). Титул наместника Владимирского оставался за Н.И. Одоевским до его смерти в 1689 г. При пожаловании

⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 5; № 5. Л. 2 об.; № 6. Л. 8, 8 об., 9, 35, 266 об.; № 7. Л. 7 об., 8, 8 об., 33; № 8. Л. 8, 9 об., 36; № 9. Л. 47.

⁸ Там же. № 4. Л. 5; № 5. Л. 2 об.; № 6. Л. 8.

⁹ Там же. № 4. Л. 11 об., 12; 22 об.; № 5. Л. 14; № 6. Л. 9, 29-29 об., 64 об., 266 об.

¹⁰ Здесь и далее слэш в датах употребляется в тех случаях, когда источник указывает год назначения, не указывая конкретное число. Начало года во второй половине XVII в. – 1 сентября, эра – от сотворения мира.

наместничеством Новгородским Долгорукий занимал должность начальника Стрелецкого и Счетного приказов. Карьера Долгорукого демонстрирует, что второстепенная аристократия, как и первостепенная, служа в боярском чине, повышала свой статус путем повышения наместнического титула.

В.В. Голицын стал наместником Новгородским через 3 дня после венчания на царство Ивана и Петра. Его предшественник на новгородском наместничестве Ю.А. Долгорукий, как известно, погиб во время стрелецкого бунта 1682 г. Карьерный взлет Голицына сложно приписать только благоволению регентши Софьи, при которой он возглавил правительство. Голицын – одна из ключевых фигур царствования Федора, основной реформатор военной сферы – проводник военно-окружной реформы, сторонник разделения России на военные округа – разряды, один из инициаторов ослабления Боярской думы и создания Расправной палаты. В.В. Голицын – рекордсмен по количеству приказов, сосредоточенных под руководством одного лица (военных, финансовых, дворцовых), государственный деятель, определивший дипломатический курс России 1680-х гг. [5, с. 13–16]. Первые сведения о нем в книгах наместнических титулов относятся к 14 марта 1676 г. Царь Федор пожаловал Голицына наместническим Черниговским (новоприбылое наместничество, введенное с 1676 г. на 14-й позиции). 19 марта 1680 г. он получил титул наместника Великопермского (9-го)¹¹ и, наконец, 28 июня 1682 г. – наместника Новгородского. Отметим, что первостепенный аристократ В.В. Голицын в качестве первого получил наместнический титул такого же уровня, как второстепенный аристократ Ю.А. Долгорукий. Ниже постараемся ответить на вопрос, является ли данный шаг занижением статуса Голицына или завышением статуса Долгорукого. Наместнические книги в отношении первых двух титулов указывают чин Голицына – боярин, в отношении Новгородского наместничества – ближний боярин. В период своего могущества Голицын не нарушил правил титульно-наместнической системы, сохранив титул наместника Владимирского за патриархом русской политики Н.И. Одоевским. А вот в отношении его самого это правило нарушено было. Ф.Я. Лефорт стал наместником Новгородским (1696), когда Голицын был еще жив. Можно сказать: отстряня царевну Софью и В.В. Голицына от власти, Петр I открыто нарушал права высших должностных лиц. Ранее ни Б.И. Морозов, ни Я.К. Черкасский, лишившись роли главы правительства, не лишились своих наместнических титулов.

¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 17; № 6. Л. 35, 43.

Новгородские наместники времени Петра I Ф.Я. Лефорт и А.С. Шеин весьма разнятся по своему происхождению, но схожи с точки зрения должностного пути. Первый был одним из командующих в Первом Азовском походе, второй – единоличный командующий во Втором. В книгах наместнических титулов Лефорт упоминается всего один раз как глава Великого посольства. Столь масштабная запись о должности наместника, какова была сделана в отношении Лефорта (а также наместника Сибирского (5-го на конец XVII в.) Ф.А. Головина) данным документам не характерна. Генерал и адмирал наместник Новгородский «на государственной службе у цесаря римского, английского и датского королей, папы римского, в Голландских штатах, у курфюрста Бранденбургского, в Венеции, в государственных посольских делах, в Ответах, во всяких пересыloчных посольских письмах, в великих и полномочных послах»¹². А.С. Шеин титуловался наместником Новгородским с 29 июля 1699 г. (Лефорт скончался в марте 1699 г., наместничество Новгородское было свободно). Запись о присвоении наместничества по складывавшейся петровской традиции объединяет все должности обладателя: «Воевода большого полка, в Ответах с послами, в переписке с гетманом И.С. Мазепой, в пересыloчных листах в Польшу и Швецию (к генерал, губернаторам, комендантом) о чем прилучится»¹³. Шеины – первостепенные аристократы боярского происхождения. В наместнических книгах первые упоминания об А.С. Шеине относятся к 1682/83 г. До Новгородского был сначала наместником Великопермским (9-м), затем – Псковским (6-м)¹⁴. Данные документы по отношению к каждому наместничеству называют Шеина боярином.

Краткая характеристика обладателей высших наместнических титулов показала возможность повышения титула благодаря службе. На основе алфавитного реестра наместников, составленного автором данной статьи [4, с. 184–220], эту практику можно подтвердить гораздо большим количеством примеров. Всего в книгах и росписях наместнических титулов с 1580 по 1706 гг. упоминаются 283 чел. Во второй половине XVII – начале XVIII в. титул повысили 44 чел. Из них 16 представителей родов первостепенной аристократии, 15 выходцев из родов второстепенной аристократии, 13 чел., относящихся к более низким социально-служебным категориям.

¹² Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 7. Л. 8 об.; № 8. Л. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 6. Л. 35 об.; № 7. Л. 15.

Рассмотренные нами примеры связаны с повышением наместнического титула в боярском чине. Однако и аристократы, и представители неаристократических фамилий могли приступать к выполнению дипломатических поручений и в чине стольников. Представители второстепенной аристократии работали в дипломатической сфере в окольничестве. В местническую эпоху, в отличие от петровского периода, даже небольшая «погрешность» в происхождении существенно влияла на все служебные показатели. Обратимся к наместническим титулам, соответствующим подобным случаям. В первую очередь, охарактеризуем представителей клана Долгоруких, лидер которых Ю.А. Долгорукий, как отмечалось ранее, обладал весьма высокими наместническими титулами для второстепенного аристократа.

Окольничий князь Д.А. Долгорукий, будучи отправленным 2 марта 1664 г. на посольский съезд в составе делегации, возглавляемой ближними боярами Н.И. Одоевским и Ю.А. Долгоруким, носил титул наместника Галицкого (27-го на тот момент), в 1671/72 г. в Ответе с польскими послами уже в боярском чине был наместником Сузdalльским (16-м)¹⁵. Тот факт, что данные показатели – верхняя норма для представителей родов второй статьи, подтверждает служба князя Ф.Ф. Волконского (окольничего с 1634 г., боярина с 1650 г.). Первый боярин в своем роде, уже находясь в высшем думном чине в 1653/54 г., он был наместником Галицким, получил повышение до наместника Муромского (24-го) в 1658 г. в составе делегации на Виленский посольский съезд под руководством Н.И. Одоевского¹⁶. Также выходец из второстепенной аристократии Г.Г. Ромодановский в чине окольничего был наместником Белгородским (положение титула в иерархии при царях Алексее и Федоре постоянно менялось. – Г.Т.), в боярском чине в марте 1680 г. числился наместником Коломенским (титул из-за новоприбылых наместничеств опустился с 20-й на 27-ю позицию. – Г.Т.), в ноябре 1680 г. был повышен до наместника Рязанского (15-го на тот момент)¹⁷. Общее правило для аристократов второй статьи предписывало получать наместнический титул из середины 3-го десятка в окольничестве и повышать его до титула из середины 2-го десятка в боярстве.

Выходом за границы правил вслед за службой Ю.А. Долгорукого стала служба его сына ближнего боярина М.Ю. Долгорукого. Он смог повысить титул наместника Сузdalльского, относящегося к середине второго десятка титульной иерархии, полученный в последние годы

¹⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 22 об.; № 5. Л. 27; № 6. Л. 64 об., 132–132 об.

¹⁶ Там же. № 4. Л. 31–31 об.; № 5. Л. 24 об., 27; № 6. Л. 115 об., 132.

¹⁷ Там же. № 5. Л. 48; № 6. Л. 49 об., 50, 83, 93–93 об., 228–228 об.

правления Алексея Михайловича, до титула наместника Тверского (7-го), пожалованного 19 ноября 1678 г. царем Федором Алексеевичем¹⁸. Без протекции отца дело не обошлось. Как и все члены Ближней думы, он тянул своего отпрыска в эту элитную государственную структуру, членство в которой повышало и такие служебные показатели, как наместнический титул. Не стоит не учитывать характер и амбиций самого Михаила Юрьевича, во многом приведшие к гибели обоих Долгоруких во время стрелецкого бунта 1682 г.

Повышение наместнического титула представителей дворянских родов в местническую эпоху было скорее исключением, общий уровень титульных показателей существенно уступал аристократам.

Это правило касалось даже царских свойственников (родственников царских жен, нередко имевших именно дворянские корни). Характерный пример – глава правительства при Алексее Михайловиче, его тесть И.Д. Милославский. К аристократам второй статьи Милославские будут причислены благодаря породнению с царской фамилией. Будучи стольником, он являлся наместником Медынским (45-м на тот момент), в чине боярина, полученного именно благодаря свадьбе дочери с государем, – Ярославским (14-м)¹⁹.

Яркий пример чиновного и титульно-наместнического роста – карьера сына думного дворянина И.А. Прончищева. Будучи стольником, в 1657/58 г. носил титул наместника Елатомского (34-й), сохранил его в думном дворянстве, повысил до Чебоксарского в 1677 г. в окольничестве²⁰. (За это время рост числа наместнических титулов понизил позицию наместничества Чебоксарского с 28-й до 33-й, но сохранил его статус шестью местами выше Елатомского.)

Между тем, двум знаковым фигурам царствования Алексея Михайловича, начальникам Посольского приказа в разное время, дослужившимся до боярства, А.Л. Ордину-Нащокину и А.С. Матвееву, их происхождение не позволило повысить наместнический титул на протяжении всей карьеры. Первый был сыном дворянина, второй – дьяка. Ордин-Нащокин оставался наместником Шацким (23-м)²¹, Матвеев в чинах думного дворянина, окольничего, боярина, ближнего боярина – наместником Серпуховским (38-м на тот момент)²².

¹⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 22 об., № 6. Л. 29 об. – 30, 64 об.

¹⁹ Там же. № 4. Л. 21; № 5. Л. 12 об., 45; № 6. Л. 59, 220.

²⁰ Там же. № 5. Л. 36 об.; № 6. Л. 139, 168 об.; № 7. Л. 59.

²¹ Там же. № 4. Л. 30–30 об.; № 5. Л. 23; № 6. Л. 109 об.

²² Там же. № 6. Л. 176.

Если первостепенные аристократы повышали наместнический титул в рамках одного (боярского) чина, дьяки и дворяне, дослужившиеся до боярства, напротив, оставались в прежнем наместническом титуле. В местническую эпоху практика, отразившаяся в карьерах Ордина-Нащокина и Матвеева, являлась не признаком опалы, а своего рода защитой. Полученный этими государственными деятелями боярский чин и очень высокие должности изначально считались принадлежностью аристократии. Предотвратить ее недовольство и бесчисленные местнические иски как раз и должен был окольнический невысокий наместнический титул бояр-нуворишей.

Книги наместнических титулов фиксируют рост наместнического титула по отношению к И.А. Власову (при продвижении из стольников в думные дворяне), думному дворянину Л.Т. Голосову, думному дворянину и генералу, а затем – окольничему В.А. Змееву, Л.Р. Неплюеву (при повышении из думных дворян в ближние окольничие), думному дьяку Е.И. Украинцеву, думному дворянину Ф.Л. Шакловитому. Однако все повышения наместничества произошли в данных случаях после отмены местничества. Высшие титулы, которых удалось достичь перечисленным служилым людям, относились к разряду «сверх степенных», своего рода второму сорту. Это были титулы наместников Углечского, Болховского, Чебоксарского, Стародубского, Каргопольского, Вяземского²³.

Повышение титула думного дьяка начальника Посольского приказа Е.И. Украинцева произошло и могло произойти только после отмены местничества. В местнический период для всех дьяков, включая думных, предназначался исключительно титул наместника Боровского – низший в титульной иерархии.

В целом повышение наместнического титула лиц аристократического происхождения (боярско-княжеской аристократии) и представителей дворянских родов являлось распространенной практикой. Однако для первых предназначались сначала боярские, а позднее степенные титулы, для вторых – сначала окольнические, затем титулы «сверх степенных». В рамках «своей» группы повышение наместничества происходило безболезненно. Для аристократов титульный рост свидетельствовал об успешности карьеры в том случае, когда высший боярский чин или совокупность боярского и ближнебоярского чинов уже были достигнуты и чиновые показатели более не могли быть индикаторами служебного продвижения. Иначе титульно-наместническая система функционировала при получении должностным лицом титула сверх своей

²³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 7. Л. 35 об., 37, 59, 65, 67, 70, 71 об.

меры: титул оставался на прежнем уровне, становясь противовесом чину. В местническую эпоху даже глава правительства – выходец из дворянского или дьяческого рода – не мог претендовать на высшие наместнические титулы. После отмены местничества правила смягчились, но высокие наместничества лиц незнатного происхождения являлись все равно единичными случаями. Совокупность таких показателей, как чин, наместнический титул, должность, позволяют выстроить их носителей на лестнице служебного неравенства, нюансируя служебный ранжир.

Библиографический список / References

1. Жарков В.П. Боярин Борис Иванович Морозов – государственный деятель России XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. [Zharkov V.P. Boyarin Boris Ivanovich Morozov – gosudarstvennyj deyatel Rossii XVII veka [Boris Ivanovich Morozov was a Russian statesman of the 17th century]. PhD theses. Moscow, 2002.]
2. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. [Medushevskij A.N. Utverzhdenie absolutizma v Rossii. Srovnitelnoe istoricheskoe issledovanie [The establishment of absolutism in Russia. A comparative historical study]. Moscow, 1994.]
3. Талина Г.В. Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40-х–80-х гг. XVII в.; дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. [Talina G.V. Gosudarstvennaya vlast i sistemy regulirovaniya socialno-sluzhebnogo polozheniya predstavitelej vysshego obshchestva Rossii 40-x–80-x gg. XVII v. [State power and systems of regulating the social and official status of members of Russia's upper class in the 1640s–1680s.]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2002.]
4. Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М., 2012. [Talina G.V. Namestniki i namestnichestva v konce XVI – nachale XVIII veka [Governors and governorships in the late 16th and early 18th centuries]. Moscow, 2012.]
5. Ткаченко А.В. Князь Василий Васильевич Голицын – государственный деятель России последней трети XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. [Tkachenko A.V. Knyaz Vasiliy Vasilevich Golitsyn – gosudarstvennyj deyatel Rossii poslednej treti XVII veka [Prince Vasily Vasilyevich Golitsyn was a Russian statesman in the last third of the 17th century]. PhD theses. Moscow, 2002.]
6. Щербаков С.Н. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков – государственный деятель России 20-х – начала 80-х гг. XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. [Shherbakov S.N. Boyarin knyaz Yurij Alekseevich Dolgorukov – gosudarstvennyj deyatel Rossii 20-ix – nachala 80-ix gg. XVII veka [Boyar Prince Yuri Alekseyevich Dolgorukov was a Russian statesman in the 1620s and early 1680s]. PhD theses. Moscow, 2009.]

Статья поступила в редакцию 03.08.2025, принятa к публикации 08.09.2025
The article was received on 03.08.2025, accepted for publication 08.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Талина Галина Валерьевна – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Galina V. Talina – Dr. Hab. (History); Head of the Chair of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: gatalina@yandex.ru

Б.Б. Давыдов

Независимый исследователь,
121357 г. Москва, Российская Федерация

Эпигоны декабристов: к историографии проблемы

После подавления восстания декабристов в русском обществе довольно долго существовал «шлейф» их влияния. Советские исследователи много занимались изучением деятельности «декабристов без декабря». Были найдены архивные документы, на основании которых появилась концепция «связующего этапа» между декабристами и следующим этапом освободительного движения – разночинским (буржуазно-демократическим). Дальнейший архивный поиск позволил критически подойти к этой концепции. Так, например, ряд следственных дел, возникших в южных военных поселениях или заведенных в других местах, но касающихся людей, каким-то образом с ними связанных, в 1826–1827 гг., вскоре после подавления восстания декабристов, свидетельствует о некоторой степени проявления вольнодумства среди находившихся в поселениях солдат и офицеров. Однако, как показывают следственные дела, никого из них нельзя относить к последователям декабристов.

Ключевые слова: декабристы, эпигоны декабристов, военные поселения в России, отечественная историография, архивные документы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Давыдов Б.Б. Эпигоны декабристов: к историографии проблемы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 41–54. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-41-54

B.B. Davydov

Independent researcher,
Moscow, 121357, Russian Federation

Epigones of the Decembrists: Towards the historiography of the problem

After the suppression of the Decembrist Uprising, a “trail” of their influence lingered in Russian society for quite some time. Soviet researchers devoted extensive attention to the activities of the “Decembrists without December.” Archival documents were discovered that led to the concept of a “connecting stage” between the Decembrists and the next stage of the liberation movement – the raznochintsy (bourgeois democratic) movement. Further archival research allowed for a critical approach to this concept. For example, a number of investigations that arose in the southern military settlements or were opened elsewhere, but concerned people somehow connected to them, in 1826–1827, shortly after the suppression of the Decembrist Uprising, attest to a certain degree of freethinking among the soldiers and officers stationed in the settlements. However, as the investigations show, none of them can be classified as followers of the Decembrists.

Key words: Decembrists, Decembrist epigones, military settlements in Russia, Russian historiography, archival documents

FOR CITATION: Davydov B.B. Epigones of the Decembrists: Towards the historiography of the problem. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 41–54. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-41-54

В конце 2025 г. исполнилось 200 лет со дня восстания декабристов на Сенатской площади. Это событие и его последствия имели важное значение для развития России. С одной стороны, оно показало, что либеральные идеи, пришедшие в период наполеоновских войн с Запада, глубоко овладели сознанием представителей русского образованного дворянства. С другой стороны, продемонстрировали опасность деятельности либерально настроенного офицерства и гражданских чиновников

для государства, поскольку реформаторские планы заговорщиков, в среде которых было достаточно и внутренних разногласий, неизбежно привели бы к распаду России и к гражданской войне. Политика императора Николая I в течение всего периода его царствования была направлена на отрицание западноевропейского либерализма. Но после его смерти и прихода к власти Александра II эти проблемы обострились вновь, и новому правительству пришлось отвечать на те же вопросы, которые обсуждали декабристы. Маятник «либерализм – консерватизм» и его обратное движение еще неоднократно сыграет свою роль в политической истории России.

Но и после подавления восстания декабристов еще довольно долго в русском обществе существовал «шлейф» их влияния. Власти чутко реагировали на любое проявление революционных или даже либеральных настроений. Те, кто позволял себе высказывать такие идеи, надолго оказывались изолированными от общества или состояли под полицейским надзором (см., например [10; 11]). В советское время исследователи много занимались изучением деятельности «декабристов без декабря». Однако при изучении архивных документов становится ясно, что это была только одна сторона картины. Она будет неполной, если не обратить внимание на судьбы людей, ложно обвиненных в том, что принадлежали к декабристскому движению, или тех, кто по каким-либо причинам сам назвал себя декабристом, понеся при этом наказание.

Так, например, в 1826–1827 гг. в южных военных поселениях было заведено несколько следственных дел, связанных с появлением вольнодумных произведений или ведением «вольных разговоров». Что же представляли собой эти дела?

Некоторые из них (дела поручика З-го батальона Тарутинского пехотного полка И.И. Ланзберга, офицеров Чугуевского военного поселения Р.И. Дорохова и П.Г. Сиянова, бывшего студента Харьковского университета В.Г. Розалион-Сошальского) подробно освещены в работах М.А. Цявловского, В.Г. Вержбицкого, И.А. Федосова, М.А. Раҳматуллина [2; 12; 14; 15]. Однако некоторые детали этих и ряда других дел, обнаруженных в фонде 405 (Департамент военных поселений) Российского государственного военно-исторического архива, ранее в историографии не рассматривались и представляют интерес для более полного раскрытия темы.

В конце декабря 1826 г. поручик З-го батальона Тарутинского пехотного полка, не входившего в состав поселенных войск, а только находившего в них на работах, И.И. Ланзберг получил «предосудительные и противные общему порядку» сочинения от помещика Волковского

уезда Пащинского¹ и «на другой день случайно предложил их прочесть батальонному командиру Фрею»². Это были сочинения В.Ф. Раевского «К друзьям», К.Ф. Рылеева «К временщику» и сочинение неизвестного автора «Рылеев в темнице». Ланзберг не сознался, «что сам читал их, кроме одного заглавия «К временщику», или знал»³. Майор Фрей представил эти сочинения бригадному командиру Н.Г. Вансовичу, который, в свою очередь, препроводил их копии «к Слободско-Украинскому губернатору Муратову для открытия сочинителя», а подлинники были отправлены начальнику III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии генерал-лейтенанту А.Х. Бенкендорфу⁴.

Как отмечал русский и советский филолог-пушкинист М.А. Цявловский, подробно рассмотревший это дело в статье «Эпигоны декабристов» (1917), было выяснено, что автором произведения «Рылеев в темнице», находившегося в числе других у Ланзберга, являлся бывший студент Харьковского университета В.Г. Розалион-Сошальский [15, с. 103]. Стало также известно, что это и другие либеральные сочинения имели распространение среди студентов Харьковского университета. Исполняющий обязанности ректора университета И.Я. Кронеберг, в свое оправдание, доносил попечителю этого учебного заведения А.А. Перовскому: «место, из которого студенты наши получали подобного рода сочинения, есть Чугуевское военное поселение», и указывал конкретно на двух лиц – офицера П.Г. Сиянова и разжалованного в рядовые Р.И. Дорохова⁵ [15, с. 77–80]. «Вообще, – считал Кронеберг, – студенты наши теперь очень далеки от занятий подобного рода сочинениями и, если бы не поселенные офицеры, то таковых сочинений вообще бы в Харькове не было» [Там же, с. 78].

Генерал-адъютант С.С. Стрекалов, которому было поручено расследование, прибыл в Харьков 7 мая 1827 г., 14 августа того же года представил всеподданнейший рапорт. Выписку из него генерал-адъютант А.Н. Потапов передал для высочайшего доклада начальнику Главного штаба Е.И.В. генералу от инfanterии гр. И.И. Дибичу. Из рапорта

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 91. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Руфин Дорохов (сын героя Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенанта И.С. Дорохова) был разжалован в рядовые за участие в дуэли. Как утверждал Б.Л. Модзлевский, Л.Н. Толстой изобразил его в романе «Война и мир» под именем Долохова. Дорохов был знаком с А.С. Пушкиным и имел с ним переписку [15, с. 79–80].

следовало, что Сиянов⁶ находился в Петербурге и служил «старшим адъютантом Главного штаба Е.И.В. по военному поселению, Дорохов отправлен в Грузию и объяснение от них не отобрано» [Цит. по: 15, с. 101]. Что же касается других офицеров военного поселения, то «по большому их занятию службою, они мало имеют времени к другому упражнению. <...> Тайных же связей со студентами не замечено, и, кажется, не существует», – к такому выводу пришел Стрекалов, приведя тщательное расследование [Цит. по: 15, с. 101].

Ланзбергу, по мнению Стрекалова, нужно «вместо наказания, вменив ему 8-месячный арест, записать его в полки, в Грузии находящиеся» [Цит. по: 15, с. 103]. Но император Николай I не согласился с мнением Стрекалова и соизволил простить Ланзберга по молодости лет [12, с. 94].

Дело другого отставного офицера того же Тарутинского пехотного полка штабс-капитана Семёна Кушлянского довольно подробно освещено в работе В.Г. Вержбицкого. Из материалов, обнаруженных Вержбицким в фонде 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии) Государственного архива Российской Федерации видно, что у Кушлянского, проживавшего в Смоленске и там же арестованного в 1826 г., был изъят черновик написанного им «Воззвания Русского к Отечеству» [2, с. 67]⁷. «Воззвание...», как видно из его текста, написано «дерзкими выражениями насчет Государя и правительства» [Там же, с. 69] и оно, вполне вероятно, могло относиться (в смысле его направленности) и к военным поселениям. (Об отношении декабристов к военным поселениям подробнее см.: [3, с. 100–119; 5; 6].) За написание этого документа и «вольные разговоры» Кушлянский был выслан по месту жительства своих родственников в Могилёвскую губернию, и за ним был установлен полицейский надзор [2, с. 69].

⁶ Ни Дорохов, отправленный в полки Отдельного Кавказского корпуса, ни Сиянов к следствию не привлекались. Тем более, что согласно версии М.А. Рахматуллина (вполне аргументированной), майор Сиянов (в 1826 г. – штабс-капитан) являлся по этому делу, «судя по всему, тайным осведомителем III отделения» [12, с. 95]. Внезапный перевод в Петербург на должность старшего адъютанта в Главный штаб военных поселений, многолетнее расположение к нему Николая I, полное отсутствие интереса к личности Сиянова со стороны следствия и других охранительных органов, а также его служба в 1830 г. в Корпусе жандармов позволяют говорить об этом [Там же, с. 94–95].

⁷ Правда, иногда поверхностное изучение работ предшественников приводит некоторых исследователей к существенным недочетам. Так, Я.В. Леонтьев в 1990 г. утверждал, что о Кушлянском и написанном им воззвании в историографии сведений и даже упоминаний нет, и приводил текст воззвания и биографию автора [9]. Между тем, текст воззвания в 1964 г. опубликован в монографии В.Г. Вержбицкого [2, с. 69].

В том же 1826 г. возникло дело унтер-офицера 2-го Украинского уланского полка Николая Воротильяка [7]. В первом томе биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» о нем приводятся следующие данные: Воротильяк выдавал себя за члена Северного общества (1826 г.), разжалован в рядовые [8, с. 38]. По архивным источникам можно установить, что Воротильяк был арестован по доносу отставного адъютанта Бугской уланской поселенной дивизии штабс-ротмистра И.А. Клейста⁸. Из доноса Клейста следовало, что Воротильяк является членом Северного общества и знает многих участников декабристского восстания. Однако, как показало следствие, произведенное под руководством командира 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта И.О. Витта, донос Клейста на Воротильяка оказался ложным.

Что же побудило Клейста написать донос? Материалы следствия показывают, что Воротильяк дал Клейсту заемное письмо на 5 тыс. руб.⁹ Клейст, в свою очередь, просил Воротильяка о присыпке денег, но ответа не получил. Он не донес на Воротильяка «в то время, а сделал сие спустя 20 дней после разговора, тогда, как не получил денег»¹⁰.

Витт, рассмотрев имеющиеся в его распоряжении факты, в рапорте на имя начальника Главного штаба Е.И.В. Дибича пришел к выводу, что «Воротильяк никогда не принадлежал к тайным обществам и не имел сношения с членами оных» и «вероятно, по ветренности и легкомыслию своему в ту минуту вздумал похвастаться перед Клейстом, что ему известны члены тайного общества и, сверх тех, кои уже обнаружены правительством»¹¹. Витт также писал в рапорте, что Воротильяк говорил, «хотя и из хвастовства хозяйке своей в г. Елисаветграде... Горбневой», что он принадлежит к обществу карбонариев¹². Из собранных по делу сведений Витт пришел к заключению: «Воротильяк не принадлежал к тайным обществам злоумышленников», отмечая, в то же время и не отвергая, «что он вовсе не говорил Клейсту что-либо сходное с объявленным на него сим следующим, и Клейст, конечно, слышал что-нибудь подобное тому, о чем сделал свое донесение»¹³.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 82. Л. 5–6.

⁹ Там же. Л. 17 об.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 5254. Л. 33 об.

¹¹ Там же. Д. 82. Л. 16.

¹² Там же. Л. 19 об.

¹³ Там же. Л. 18 об. – 19.

В феврале 1827 г., когда дело Воротильяка было в самом разгаре, и он находился под арестом в г. Елисаветграде, его посетил на гауптвахте И.В. Шервуд (они были давними знакомыми), имел с ним беседу и обещал свое покровительство [13, с. 168]. Жандармский полковник И.П. Бибиков и прикомандированный к нему Шервуд по заданию Бенкендорфа в это время осуществляли секретную миссию по ознакомлению с политическими настроениями на юге империи [Там же, с. 166]. Подробно об этой миссии писал в своей работе советский историк И.М. Троцкий [Там же, с. 166–169]. Он отмечает: «Граф Витт, выполнивший в последние годы царствования Александра I на юге обязанности, отнятые у него III-м отделением, конечно, рад был очернить агентов последнего, и уже 7 марта приехавший в Петербург адъютант его штабс-ротмистр Чиркович донес о предосудительных поступках Бибикова и Шервуда» [Там же, с. 167]. Одним из таких поступков, инкриминировавшихся Шервуду, было как раз посещение им арестованного Воротильяка¹⁴.

Оправдание Шервуда, Бибиков в записке на имя Бенкендорфа (который, в свою очередь, сделал ему замечание, «что пребывание Ваше в Бугских военных поселениях произвело несколько невыгодных для Вас толкований»¹⁵) от 19 апреля 1827 г. писал о свидании Шервуда и Воротильяка только как о встрече старых знакомых¹⁶. При этом важно то, что Бибиков ничего не пишет о Воротильяке как о члене тайного общества, а пишет о встрече с ним Шервуда просто как с давним знакомым, хотя одной из задач миссии Бибикова и Шервуда непосредственно являлся поиск остатков тайных обществ. Этим косвенно подтверждается правильность выводов Витта о непричастности Воротильяка к деятельности тайного общества. Кстати, не менее интересен и тот факт, что Шервуд, прибыв в Елисаветград и пробыв там 4 дня, квартировал у ... отставного штабс-ротмистра Клейста¹⁷.

Как же сложилась дальнейшая судьба участников этого дела?

В результате разбирательства Клейсту было «Высочайше повелено... жить в Херсоне и полиции иметь за ним надзор»¹⁸. В декабре 1829 г.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2. 1-я эксп. (1827 г.). Д. 1. Л. 27 об.; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 124. Л. 2.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2. 1-я эксп. (1827 г.). Д. 1. Л. 58.

¹⁶ Там же. Л. 97 об.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 124. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 82. Л. 16.

в записке на имя императора Бенкендорф писал: «состоящий под надзором полиции штабс-ротмистр Клейст просит освободить его из-под надзора и определить на службу»¹⁹. О Клейсте были наведены подробные справки и выяснено, что он «отличного поведения и во все времена нахождения его в Херсоне ведет жизнь скромную и честную, но в самом бедном состоянии; квартирует у неимущих людей, которые из сострадания помогли ему»²⁰. Дело это тянулось достаточно долго, но все же решилось для Клейста положительно. Пометка на деле Клейста от 4 апреля 1831 г., написанная рукой генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля, гласит: «Государь император Высочайше повелеть соизволил: штаб-ротмистра Клейста освободить из-под надзора»²¹.

Воротильяк же был признан «виновным в вольнодумных поступках» и, как говорилось выше, разжалован в рядовые и переведен на службу в другой полк²². Рапорты командира Санкт-Петербургского уланского полка М.Г. Хомутова (в его полк был определен на службу Воротильяк) на имя Дибича с 1 октября 1827 г. по 1 сентября 1828 г. о поведении рядового Воротильяка свидетельствуют, что он «службу несет с усердием» и «поведения очень хорошего»²³. 20 июля 1829 г. «по Высочайшему повелению» Воротильяк «переведен, по-прежнему, в унтер-офицеры»²⁴.

Несколько позднее, в середине апреля 1827 г., было открыто «Дело о злоумышленниках в округах военного поселения 2-й уланской дивизии». Материалы этого дела показывают, что прaporщик Урлапов из 3-го батальона 27-го Егерского полка, входившего в бригаду полковника Н.Г. Вансовича, донес, что отставные прaporщик Белозор и поручик А.Г. Немолостышев у него на квартире в г. Харькове «делали меж собою заговор, касающийся до государства, и один другому дали подписки убить царствующего Государя императора в проезде г. Харькова и где не есть, приглашая к оному и меня»²⁵. Через некоторое время к Вансовичу явился прaporщик Васильев (офицер того же батальона, где служил Урлапов) и в рапорте на его (Вансовича) имя показал, что Урлапов говорил ему о том, что служившие в бригаде штабс-капитан

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 5254. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 34 об.

²¹ Там же. Л. 32.

²² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 82. Л. 123.

²³ Там же. Л. 129, 130, 133 и др.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2. 1-я эксп. (1827 г.). Д. 276. Л. 8.

²⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 96. Л. 4.

Сиверич, Белозор и Немолостышев, «будучи нетрезвы, показывали ему данные друг другу расписки на гербовой бумаге»²⁶. Все офицеры, причастные к этому делу, были арестованы, и у них производились обыски, «но ничего противозаконного между бумагами не оказалось»²⁷.

Затем всех их перевезли в Петербург и, пока шло следствие, они содержались в Петропавловской крепости²⁸. Следствие по этому делу продолжалось до середины сентября, и по его результатам в Аудиторском департаменте было сделано заключение, что «Урлапов доноса своего ничем законно не доказал», а потому оказывается виновным, потому как «утруждал начальство неосновательным его доносом»²⁹. А штабс-капитан Сиверич, отставные прапорщик Белозор и поручик Немолостышев, хотя «не уличены против доноса Урлапова» и не имели намерение организовать тайное общество и покушаться на жизнь императора³⁰, обвинялись «за предосудительное поведение и за пристрастие к карточной игре»³¹. В итоге император Николай I повелел перевести Сиверича на службу в Таманский гарнизонный батальон, а прапорщиков Урлапова и Васильева (по замечанию Департамента, «сам Васильев признался, что он столь слаб, что в нетрезвом виде не помнит, что делает или говорит»³²) в Оренбургский корпус. Отставные офицеры Белозор и Немолостышев были определены в военную службу рядовыми.

В монографии В.Г. Вержбицкого частично рассматривалось «дело» С. Кузьмина – унтер-офицера 2-го учебного карабинерного полка [2, с. 76]. В параграфе «Попытки развернуть революционную агитацию в войсках» Вержбицкий утверждал, что в армии после подавления восстания декабристов «значительное место занимают попытки передовых военных людей развернуть революционную агитацию... в офицерской среде» [Там же, с. 71]. Как пример такой агитации им приводилось упомянутое выше дело прапорщика Васильева и поручика Немолостышева. В показаниях Васильева фигурировала фамилия С. Кузьмина. Васильев заявил, что в Московском военно-сиротском отделении у унтер-офицера Кузьмина он видел сочинение Вольтера «Вопросы законоучителям

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 96. Л. 7 об.

²⁷ Там же. Л. 6 об.

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 127. Л. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 127. Л. 6 об.

³¹ Там же.

³² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 127. Л. 7.

христианской церкви», «в коем доказывается, что не будет Страшного суда...» [цит. по: 2, с. 76]. Васильев также полагал «по разговорам Кузьмина, что у него есть непозволительные стихи» [цит. по: 2, с. 76]. Говоря о деле Кузьмина, Вержбицкий отмечал: «известно лишь, что власти проводили строжайшее расследование», но дальнейшая судьба подследственного осталась неизвестной [2, с. 76].

Дело, обнаруженное нами в РГВИА³³, позволяет проследить все перипетии следствия и суда над ним [4].

Сергей Кузьмин – унтер-офицер, учитель батальона кантонистов 2-го учебного карабинерного полка, был арестован в конце августа 1827 г.; в квартире, снимаемой им для семьи (жены и двух маленьких детей), был произведен обыск. Среди бумаг, хранившихся в чулане, оказались: «1) Письмо Вольтера к учителям церкви, отвергающее будущую жизнь и законы религии, 2) Стихи под названием Вирсавия, написанные в осмение жизни св. пророка Давида, 3) Стихи под названием “Мои досуги”, между коими находятся непозволительные мысли о правосудии, и, наконец, 4) Всеобщее учение и при оном отрывок недобопонятного истолкования цифрами о существе Божием (так в тексте. – Б.Д.)»³⁴.

На допросе Кузьмин показал, что эти произведения хранились «у него без всякого намерения и употребления, ибо, прочитавши их один раз, оставил в забвении, не показывая ни товарищам своим, ни кантонистам или другим сторонним людям»³⁵. Кузьмин был перевезен из Москвы в Петербург и 25 сентября 1827 г. «посажен в каземат Зотова бастиона в № 2» Петропавловской крепости³⁶.

Комиссия военного суда 1-го учебного карабинерного полка, рассмотрев дело, «нашла подсудимого виновным в том, что он не представил вредных рукописей тот же час по команде, следовательно, оказался неявным участником противных нравственности и общему порядку сочинений, по крайней мере, человеком, скрывающим виновников оных, за что приговорила его на основании 5-го артикула Воинского сухопутного устава к лишению живота»³⁷. Однако командир 1-го учебного карабинерного полка полковник Веймарн не согласился с заключением комиссии, посчитав, что Кузьмина следует «разжаловать в рядовые, прогнать шпицрутенами через пятьсот человек один раз и, записав штраф

³³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 400.

³⁴ Там же. Л. 54 об. – 55.

³⁵ Там же. Л. 55 об. – 56.

³⁶ Там же. Л. 18.

³⁷ Там же. Л. 47 об.

в формулярный список, отправить к определению в армейские полки»³⁸. Начальник Главного штаба Е.И.В. по военному поселению П.А. Клейнмихель согласился с мнением Веймарна, решив, что Кузьмина после наказания следует отправить «в третий батальон 1-го пехотного корпуса, предав церковному покаянию, по назначению духовного начальства»³⁹.

Но «дело сие... по важности предмета» было отправлено на окончательное решение Аудиторского департамента Главного штаба Е.И.В.⁴⁰ Изучив все детали дела, 25 сентября 1829 г. Аудиторский департамент вынес решение, освободив Кузьмина от суда и «вменив ему в наказание бытность под судом и арестом... перевести тем же чином в армейские полки»⁴¹. По заключению департамента, в действиях Кузьмина не было «ни разрата, ни злонамеренности»⁴². А в начале января 1830 г. из Главного штаба Е.И.В. по военному поселению в 1-й учебный карабинерный полк поступило распоряжение отправить Кузьмина на службу в сводную дивизию 5-го пехотного корпуса⁴³.

Итак, обнаруженные нами архивные источники показывают, что «дело» С. Кузьмина, рассматриваемое в историографии как продолжение декабристских традиций, не являлось таковым, а его появление было связано с атмосферой подозрительности, закономерно проявившейся после декабрьских событий 1825 г.

На современном этапе развития историографии этой темой, в числе прочих, занимается Т.В. Андреева. В своей монографии «Тайные общества в России в первой трети XIX в.» (опубликована в 2009 г., в 2010 г. работа защищена как докторская диссертация) она посвятила один из параграфов главы V эпигонам декабристов [1, с. 830–863]. Исследовав по архивным документам деятельность нескольких тайных организаций, существовавших в конце 1820-х – начале 1830-х гг., в т.ч. дело поручика Ланзберга (в книге он именуется Лансбергом) [Там же, с. 841–842], Андреева пришла к следующим выводам: «Являясь в той или иной мере проявлением декабристской традиции, нелегальные объединения второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. отличались от “Тайного общества” декабристов немногочисленностью, не чисто дворянским социальным составом, слабо выраженными организационными

³⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 400. Л. 48.

³⁹ Там же. Л. 52 об.

⁴⁰ Там же. Л. 48 об.

⁴¹ Там же. Л. 69 об.

⁴² Там же.

⁴³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 400. Л. 82 об.

и конспиративными элементами, отсутствием четко разработанных политических программ, группированием вокруг одного “вождя”. <...> Спад революционной волны находил подтверждение и в усилении в эпигонской среде провокаторства и доносительства» [1, с. 863].

Таким образом, ряд следственных дел, возникших в южных военных поселениях или заведенных в других местах, но касающихся людей, каким-то образом с ними связанных (например, С. Кушлянского), в 1826–1827 гг., вскоре после подавления восстания декабристов, свидетельствует о некоторой степени проявления вольнодумства среди находившихся в поселениях солдат и офицеров. Одни из них, такие, как Ланзберг и Кушлянский, были арестованы – первый за хранение; второй – за написание либеральных произведений. Другие, как Р.И. Дорохов и П.Г. Сиянов, подозревались в распространении таких произведений. Третий, как Сиверич, Белозор и Немолостышев, вообще, в доносе на них, обвинялись в подготовке покушения на императора, а Н. Воротильяк – в принадлежности к тайному обществу. Однако, как показывают следственные дела, ни Кушлянского, ни Ланзберга, ни Дорохова или Сиверича и других привлеченных по этому делу, а тем более Воротильяка или Сиянова, нельзя относить к последователям декабристов.

Библиографический список / References

1. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительенная политика и общественное мнение. СПб., 2009. [Andreeva T.V. Taynyye obshchestva v Rossii v pervoy treti XIX v.: pravitelstvennaya politika i obshchestvennoye mneniye [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: Government policy and public opinion]. St. Petersburg, 2009.]
2. Вержбицкий В.Г. Революционное движение в русской армии. 1826–1859 гг. М., 1964. [Verzhbitsky V.G. Revolyutsionnoye dvizheniye v russkoy armii. 1826–1859 gg. [Revolutionary movement in the Russian Army. 1826–1859]. Moscow, 1964.]
3. Давыдов Б.Б. Военные поселения в России первой половины XIX века в оценках современников: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. [Davydov B.B. Voyennyye poseleniya v Rossii pervoy poloviny XIX veka v otsenkah sovremenников [Military settlements in Russia in the first half of the 19th century in the assessments of contemporaries]. PhD dis. Moscow, 1993.]
4. Давыдов Б.Б. «Вольтерьянец» С. Кузьмин // 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 г. Статьи и материалы. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 105. М., 1999. С. 106–109. [Davydov B.B. “Voltairean” S. Kuzmin. 170 let spustya... Dekabristskie chteniya 1995 g. Stati i materialy. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Issue 105. Moscow, 1999. Pp. 106–109. (In Rus.)]

5. Давыдов Б.Б. Декабристы и военные поселения // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 163–166. [Davydov B.B. The Decembrists and military settlements. *Voprosy istorii*. 2013. No. 2. Pp. 163–166. (In Rus.)]
6. Давыдов Б.Б. Из истории офицерского движения в военных поселениях в 1826–1827 гг. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 106–107. [Davydov B.B. From the history of the Officer Movement in military settlements in 1826–1827. *Otechestvennyye arkhivy*. 1994. No. 4. Pp. 106–107. (In Rus.)]
7. Давыдов Б.Б. Лжедекабрист Н. Воротильяк // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 112–113. [Davydov B.B. False Decembrist N. Vorotiliak. *Otechestvennyye arkhivy*. 1993. No. 4. Pp. 112–113. (In Rus.)]
8. Деятели революционного движения в России. Биобиографический словарь. Т. I. Ч. I. M., 1927. [Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Bio-bibliograficheskiy slovar [Figures of the revolutionary movement in Russia. Biographical and bibliographical dictionary]. Vol. I. Part I. Moscow, 1927.]
9. Леонтьев Я.В. Малоизвестное воззвание 1820-х годов // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 54–60. [Leontyev Ya.V. A little-known appeal of the 1820's. 40 let nauchnomu studencheskemu kruzhu istochnikovedeniya istorii SSSR. Moscow, 1990. Pp. 54–60. (In Rus.).]
10. Орлов А.А. Рецепция английской и французской политики-юридической мысли в идеином наследии А.В. Бердяева (1840-е гг.) // Ключевые чтения – 2020. Народ и власть. Материалы международной научной конференции молодых ученых. / отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2021. С. 171–187. [Orlov A.A. Reception of English and French political and legal thought in the ideological legacy of A.V. Berdyaev (1840's). *Klyuchevskiy chteniya – 2020. Narod i vlast. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchonykh*. V.Ye. Voronin (ed.). Moscow, 2021. Pp. 171–187. (In Rus.)]
11. Орлов А.А. «Англинская вольность здесь не у места...». История розыска автора «Мнения графа Воронцова» в контексте восприятия британского конституционного опыта в России в первой половине XIX в. // История. 2022. Т. 13. Вып. 7 (117). Россия между Западом и Востоком: диалог культур в исторической ретроспективе. DOI: 10.18254/S207987840022269-4 [Orlov A.A. The history of the search for the author of the “Count Vorontsov Opinion” in the context of the perception of the British constitutional experience in Russia in the first half of the 19th century. *Istoriya*. 2022. Vol. 13. Issue 7 (117). Russia between West and East: Dialogue of cultures in historical retrospect. DOI: 10.18254/S207987840022269-4 (In Rus.)]
12. Рахматуллин М.А. Об одном мифе из истории освободительного движения в России // История СССР. 1992. № 1. С. 87–110. [Rakhmatullin M.A. On one myth from the history of the liberation movement in Russia. *Istoriya SSSR*. 1992. No. 1. Pp. 87–110. (In Rus.)]
13. Троцкий И.М. III отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990. [Trotskiy I.M. III otdeleniye pri Nikolaye I. Zhizn Shervuda-Vernogo [The Third Section under Nicholas I. The life of Sherwood the Faithful]. Leningrad, 1990.]
14. Федосов И.А. Революционное движение в России во 2-й четверти XIX в. М., 1958. [Fedosov I.A. Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii vo 2-y chetverti XIX v. [Revolutionary Movement in Russia in the second quarter of the 19th century]. Moscow, 1958.]

15. Цявловский М.А. Эпигоны декабристов. (Дело о распространении «злорвдных» сочинений среди студентов Харьковского университета) // Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 76–104. [Tsyavlovskiy M.A. Epigones of the Decembrists. (The case of the distribution of “harmful” works among students of Kharkov University). *Golos minuvshego*. 1917. No. 7–8. Pp. 76–104. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 11.09.2025, принятa к публикации 29.10.2025
The article was received on 11.09.2025, accepted for publication 29.10.2025

Сведения об авторе / About the author

Давыдов Борис Борисович – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Boris B. Davydov – PhD in History; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

В.Е. Воронин

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Первый шаг на пути к отмене крепостного права в России: правительственные решения по крестьянскому делу в августе 1857 г.

В статье идет речь о начале деятельности Секретного комитета по крестьянскому делу, учрежденного императором Александром II в начале 1857 г., а также о первых решениях, выработанных Комитетом в августе того же года и положенных в основу дальнейшей подготовки отмены крепостного права в России. В отечественной предреволюционной, советской и современной историографии указывалось на крайне умеренный характер одобренного в августе 1857 г. «плана» крестьянской реформы. Между тем, намеченные меры по подготовке освобождения крестьян и его поэтапному осуществлению стали отправной точкой будущей Великой реформы или, по выражению Александра II, «первым трудом» высших сановников Империи, входивших в состав Секретного комитета. Инициаторами разработки правительственной программы по крестьянскому вопросу выступили министр внутренних дел С.С. Ланской и товарищ министра А.И. Левшин. Важную роль в активизации работы Комитета сыграл брат императора Александра II – вел. кн. Константин Николаевич. В итоге, был регламентирован порядок подготовки и проведения реформы. Но исход дела пока еще не был предрешен, камнем преткновения на пути к уничтожению крепостничества по-прежнему оставался вопрос о выкупе крестьянами земли в собственность.

Ключевые слова: Россия, отмена крепостного права, Александр II, Секретный комитет по крестьянскому делу, Министерство внутренних дел, поземельные отношения, выкуп, великий князь Константин Николаевич

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронин В.Е. Первый шаг на пути к отмене крепостного права в России: правительственные решения по крестьянскому делу в августе 1857 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 55–73. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-55-73

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-55-73

V.E. Voronin

Moscow Pedagogical State University,
119435, Moscow, Russian Federation

The first step towards the abolition of serfdom in Russia: Government decisions on a peasant case in August 1857

The article discusses the beginning of the activities of the Secret Committee on Peasant Affairs, established by Emperor Alexander II in early 1857, as well as the first decisions made by the Committee in August of the same year, which formed the basis for further preparations for the abolition of serfdom in Russia. In Russian pre-revolutionary, Soviet, and modern historiography, it was pointed out that the “plan” for the peasant reform, approved in August 1857, was extremely moderate. Meanwhile, the planned measures to prepare for the emancipation of the serfs and its gradual implementation became the starting point for the future Great Reform, or, as Alexander II put it, the “first work” of the highest dignitaries of the Empire who were members of the Secret Committee. The Minister of Internal Affairs, S.S. Lanskoy, and the Deputy Minister, A.I. Levshin, were the initiators of the government’s program on the peasant issue. The brother of Emperor Alexander II, Grand Duke Konstantin Nikolayevich, played an important role in intensifying the Committee’s work.

Key words: Russia, abolition of serfdom, Alexander II, Secret Committee on Peasant Affairs, Ministry of Internal Affairs, land relations, redemption, Grand Duke Konstantin Nikolaevich

CITATION: Voronin V.E. The first step towards the abolition of serfdom in Russia: Government decisions on a peasant case in August 1857. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–73. (In Rus.)
DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-55-73

Подготовка отмены крепостного права растянулась в России более чем на полстолетия. Начало этой Великой реформе могло быть положено еще указом Александра I о свободных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г., который позволял помещикам отпускать крестьян «на волю с землею» на своих «условиях», особенно с учетом того, что помещик получал возможность перекладывать на освобождаемых крестьян лежащий на имении «долг»¹. Но этого не произошло. За пятьдесят с лишним лет (до 1858 г.) на волю, согласно данному указу, вышло менее 152 тыс. из более 11 млн «душ мужского пола», числившихся крепостными². Одной из причин стало отсутствие государственно-правового механизма и порядка освобождения крестьян как такового. При Александре I и Николае I в разные годы было создано в общей сложности 11 секретных комитетов, ведавших разработкой мер по улучшению быта крепостных крестьян, расширением их прав и регламентацией их отношений с помещиками [5, с. 100–195]. 3 января 1857 г. Александром II был учрежден очередной, 12-й по счету, Секретный комитет по крестьянскому делу. Во главе Комитета был поставлен председатель Государственного совета и Комитета министров кн. А.Ф. Орлов.

Предреволюционная, советская и современная российская историография проблемы весьма обширна. Ярким и запоминающимся оказалось чествование 50-летия Великой реформы (19 февраля 1911 г.) в русской либеральной историографии, выдающимися представителями которой были ученики В.О. Ключевского: А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета и др. Юбилей освобождения крестьян был ознаменован выходом целого ряда крупных изданий, посвященных отмене крепостного права и деятелям той реформы. В них говорилось о ключевой роли прогрессивной части высшей бюрократии в подготовке и осуществлении кардинальных преобразований, переменивших общественный строй России [1; 6].

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. З-е. Т. XXVII. 1802–1803. СПб., 1830. С. 462–463. № 20620.

² Вешняков В.И. Крестьяне-собственники в России: Историко-статистический очерк. СПб., 1858. С. 61–65.

Десятилетия спустя ученик Ю.В. Готье – советский историк профессор Московского университета П.А. Зайончковский внес свой колоссальный вклад в исследование роли «либеральной бюрократии» как главной движущей силы крестьянской реформы 1861 г. [2]. Ученица П.А. Зайончковского – профессор Л.Г. Захарова сделала предметом своего крупного исследования историю разработки правительственной программы отмены крепостного права, показав ее на примере видных деятелей реформы, столкновения их взглядов и уровня понимания ими государственных задач [3]. Видный современный российский исследователь И.А. Христофоров, ученик Л.Г. Захаровой, поставил проблему шире, взявшиесь проследить процесс решения крестьянского вопроса царским правительством со времен Николая I до конца XIX в. [7].

В то же время, в трудах историков или вовсе не придавалось особого значения первым правительстенным решениям по крестьянскому вопросу, выработанным Секретным комитетом в августе 1857 г., или оценки этих решений были довольно низкими из-за крайней неопределенности первичных предначертаний верховной власти в деле уничтожения крепостничества. Так, по словам М.М. Богословского, «план реформы, с большою медленностью, более чем через полгода после его учреждения, выработанный комитетом, как нельзя лучше соответствовал воззрениям большинства входивших в состав комитета лиц» [6, с. 212]. Историк привел высказывание тогдашнего товарища министра внутренних дел А.И. Левшина о возможности затянуть, как минимум, «на полстолетия» один только первый – «приуготовительный» период реформы: «Нить длинная, особенно для того, кто знает, с какою целью полагали ее тянуть» [Цит. по: 6, с. 212]. Тогдашний «план реформы» П.А. Зайончковский еще довольно сдержанно назвал «чрезвычайно» умеренным [2, с. 80]. Л.Г. Захарова признала «план Секретного комитета» попросту «мертворожденным» [3, с. 70]. Еще резче выразился в 1991 г. Б.Г. Литвак: «план реформы», по его словам, «практически саботировал ее реализацию» и являлся «профанацией» [4, с. 36].

Между тем, даже соглашаясь с такими оценками, нельзя не признать, что в таком трудном деле, каковым являлось освобождение 23 млн крепостных от рабской зависимости, было очень важно сделать первый шаг – хотя бы ради самой возможности считать дело начатым.

Действительно, на протяжении первых семи месяцев своего существования (с января по июль 1857 г.) Секретный комитет по крестьянскому делу, 12-й по счету, не сделал ровным счетом ничего. Зато еще зимой он успел отвергнуть около восьми десятков проектов «разных

лиц», предлагавших всевозможные способы «освобождения крестьян»³. При этом у членов Комитета – высших сановников Империи – выявились серьезные расхождения «в главных началах»⁴. В Комитете велась горячая, но бесплодная полемика; все сходились лишь в том, «что в этих заседаниях нет никакого толка»⁵. Председатель кн. А.Ф. Орлов «уже» задумался о закрытии Секретного комитета с последующей передачей «дела» в Министерство внутренних дел (МВД)⁶. Похожая участь постигла и предыдущие секретные комитеты. Чтобы «решительно окончить чем-нибудь занятия Комитета и затем упразднить оный», Орлов просил коллег дать письменные ответы на «ряд вопросов по предметам, о которых спорили в заседаниях»⁷. Заметим, правда, что эти вопросы были подготовлены не им самим, а товарищем министра внутренних дел А.И. Левшиным и переданы по назначению министром внутренних дел С.С. Ланским⁸.

При этом первые лица МВД сами же и ответили на поставленные ими вопросы. В конце июля 1857 г. Ланской внес в Комитет две записки, составленные Левшиным. Первая, от 26 июля, именовалась «Мнение министра внутренних дел» и содержала ответы на вопросы по поводу «мер... для необходимого устройства участия помещичьих крестьян»⁹. Там на первом месте стояли два вопроса: 1) «Останется ли¹⁰ (при новом порядке) вся земля по-прежнему во власти помещиков?», и 2) «Если останется право владения за помещиком, то должно ли быть ограждено право крестьян пользоваться землею, им отведеною, т.е. может ли помещик безусловно согнать со своей земли освобожденных крестьян или должен подчиниться законным ограничениям?»¹¹. По мнению Ланского и Левшина, «право собственности на землю... неотъемлемо; но при полном, неограниченном развитии сего права из его истекает правомерная возможность для каждого владельца земли удалить с нее

³ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 118.

⁴ Там же.

⁵ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 189.

⁶ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 118.

⁷ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 189.

⁸ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 248, 250.

⁹ Там же. С. 248.

¹⁰ Здесь и далее в цитатах курсив принадлежит автору соответствующего текста.

¹¹ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 248.

поселенных на ней, но не принадлежащих ему крестьян»¹². Юридический закон вступал в явное противоречие не только с народными представлениями о справедливости, но и с государственными интересами. «Здесь, – говорилось в записке, – проявляется столкновение юридических прав владельца с политическими обязанностями правительства – пещись об общем спокойствии и противиться тому, что может нарушить оное, обратив миллионы людей в бесприютных бродяг»¹³. Автор с грустью констатировал, что «владельцу земли гораздо выгоднее не иметь на ней обязательных работников, нежели сохранять их, следовательно, он при первой возможности будет искать средства избавиться от них и тем развязать себе руки»¹⁴.

Во избежание противопоставления «частных интересов общему» и нарушения «общего спокойствия» МВД предлагало поначалу взять за образец прибалтийские (остзейские) губернии, где при Александре I было решено «сохранить право собственности на землю за помещиком, а за крестьянами права пользования землею под непременным условием платы за нее деньгами или работой»¹⁵. Этот образ действия, по мнению ведомства, предотвратит «бродяжничество», защитит «освобожденных крестьян от произвола» и одновременно «сохранит помещику рабочие руки там, где они ему необходимы»¹⁶. МВД желало укрепить отношения крестьян с помещиками путем превращения крестьян в собственников «жилиц своих или усадеб», а позднее – разрешить крестьянам «выкупить или приобрести в собственность ту землю, которая при освобождении будет оставлена за ними только в условном пользовании»¹⁷. Так речь впервые зашла о выкупе крестьянами надельной земли – о том, что когда-то в будущем они смогут «по собственному усмотрению выкупать поля, им отведенные помещиком, частями или целостью в собственное или общественное пользование»¹⁸.

По мнению Ланского и Левшина, последнее «наиболее свойственно народу русскому»: «хотя... этот род пользования землею невыгоден, но он ближе всякого другого к нравам нашим и к исторической жизни

¹² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 249.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 250.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

народа русского, а потому на первое время должно его допустить как средство, удобнейшее к исходу»¹⁹.

Третий вопрос состоял «в том, могут ли помещики надеяться получить от правительства какое-либо вознаграждение как за личность освобожденных крестьян, так и за земли, им отведенные», и делился «на две части: 1-я – люди и 2-я – земля»²⁰. Министр заявил, что в юридическом смысле «право собственности помещика на личность крестьян не подлежит спору», но сразу же оспорил собственное утверждение, заметив, что «крепостное право на крестьян никогда не было положительно установлено в России правительством, но постепенно вкрадось в законодательство наше»²¹. Поэтому и «вознаграждение за потерю сей собственности, как для правительства, так и для крестьян, невозможно»²². МВД напомнило, «что ни в одной стране рабство не было выкупаемо правительством» и что «остзейские дворяне также добровольно и безвозмездно отказались от крепостного права на крестьян»²³.

Затем было указано на различия в аграрном устройстве черноземных и нечерноземных губерний. Отмечалось, что в первом случае «освобождение крестьян без земли вовсе не будет разорительно» для помещиков и что некоторые из них «даже» получат от этого «выгоду в весьма скромном времени»²⁴. Иначе обстояли дела в Нечерноземье, «где весь доход извлекается... независимо от земли»; там «при освобождении крестьян помещики не найдут достаточного вознаграждения в оставшихся у них землях, и потеря их будет невозвратна»²⁵. Личное освобождение крестьян без выкупа нанесло бы помещикам севера Европейской России значительный ущерб. Но отпускать крестьян на волю без выкупа личности в черноземных местностях, а за выкуп – в нечерноземных было неудобно, т.к. «нельзя правительству... действовать по началам различным, нельзя ярославского или вологодского крестьянина заставить выкупить свою свободу, если она будет безвозмездно дарована жителям Курской или Воронежской губерний»²⁶. МВД предложило вести поиск «другого общего для всей Империи способа...»²⁷.

¹⁹ Головин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 250.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Ланской и Левшин планировали освободить крестьян с их усадьбами, допуская, что наделы, которыми крестьяне пользовались при крепостном праве, останутся за помещиком: «Есть предмет, который для поселянина важнее нивы, его питающей. Это жилище... Дать ему свободу без нивы можно; но дать ее без жилища... было бы не совсем человеколюбиво»²⁸. Записка призывала «с освобождением помещичьих крестьян дать им право собственности на осадлость или усадьбу, т.е. на жилище... с огородом и хотя небольшим выгоном для мелкого скота»²⁹. Свои усадьбы крестьянам предстояло «приобрести не иначе как покупкой»; форму платежа, срок оплаты и прочие «условия» министр предлагал определить «только по губерниям»³⁰. Величину крестьянской усадьбы в черноземных губерниях он советовал «уменьшить до последней крайности, и плату за нее, равно и за строения, на ней находящиеся, положить в действительной или самой умеренной их стоимости, имея в виду, что в этих странах жилища плохи, малоценны, земли же дороги, а крестьяне бедны деньгами и не в состоянии вынести высоких платежей, да и нет к тому побудительной причины, потому что здесь освобождение их не разорит помещиков»³¹. В Нечерноземье же, наоборот, «усадьбы ценные, земли неплодородны, а доход помещиков состоит в оброке с личных сил крестьян, которые большей частью зажиточны и легко добывают деньги, а потому здесь количество усадебной земли можно увеличивать, а стоимость ее... довести до того, чтобы помещик мог быть достаточно вознагражден за потерю крестьян»³². Итак, земледельцы черноземной полосы могли рассчитывать на маленькие и необустроенные, но дешевые усадьбы; а крестьяне Нечерноземья – на куда более обширные, но дорогостоящие.

Чтобы «по справедливости» вознаградить помещиков, предполагалось обеспечить строго обязательный характер выкупа усадеб и внесения соответствующих платежей. Последние надлежало разделить «на сроки довольно продолжительные», да и выход крестьян на волю виделся министру постепенным: «самое освобождение не может последовать вдруг, а должно быть также производимо в сроки... а губернские комитеты укажут подробности перехода»³³. Учитывая «различие экономических обстоятельств губерний», МВД предлагало «для

²⁸ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 251.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

этого первого периода освобождения установить и различные сроки», но, вместе с тем, ограничивало данный этап общим для всех сроком «от 10 до 15 лет»³⁴. За это время крестьянам предстояло выкупить в собственность усадебную землю. До выкупа усадебной земли министр считал, что «не должно и объявлять крестьянина освобожденным... но... привести его мерами законодательными из раба в человека – только крепкого земле, дабы потом окончательно его освободить»³⁵. Лишь «тогда» следовало «разрешить и передвижение народонаселения, вначале ограниченное, а потом полное» с подробным изложением этих норм «в положениях губернских»³⁶.

Представив коллегам свой план отмены крепостного права на условиях постепенного (в течение 10–15 лет) выкупа крестьянами усадебной земли в собственность и оставления в их пользовании части полевой земли за повинности, министр считал исчерпанным вопрос «о вознаграждении [помещиков] за землю»³⁷. Намечаемую реформу Ланской и Левшин назвали «переворотом»³⁸. Но ради компромисса с консервативными оппонентами они соглашались на «введение нового порядка постепенно... начав с губерний западных и пограничных, которые... более подготовлены к принятию свободы как в нравственном, так и в экономическом смысле»³⁹. В качестве «первого опыта» предлагалось избрать три северо-западные (литовско-белорусские) губернии – Ковенскую, Гродненскую и Виленскую, управляемые общим для них генерал-губернатором. Но все же составлять губернские проекты должны были, по мнению министра, «одновременно» дворяне «всех губерний», дабы они «повсеместно» знали, «к чему должно идти по указанию верховной власти»⁴⁰. Царское решение уничтожить в скором будущем крепостное право следовало немедленно объявить высшему сословию, ибо есть «одно средство успокоить – высказать откровенно (не публике, а дворянству), чего правительство желает, и, вместе с тем, предложить основания, на которых оно допускает движение к пред назначенной им цели»⁴¹.

³⁴ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 251.

³⁵ Там же. С. 252.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 253.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

Таким стал первый проект программы правительства по крестьянскому вопросу. Другая записка Ланского, составленная Левшиным и датированная 27 июля 1857 г., содержала критический разбор указов о свободных хлебопашцах (1803) и об обязанных крестьянах (1842). Она ставила крест на замыслах положить эти устаревшие нормативные акты в основу грядущей отмены крепостного права: «...Нам нельзя останавливаться на старых законах... следует по крайней мере приступить к немедленному обсуждению начал, на которых это великое дело должно быть основано и двинуто вперед»⁴².

Мнение министра внутренних дел, несмотря на свою половинчатость и крайнюю умеренность, могло стать заметным шагом вперед по пути разработки планов правительства в крестьянском вопросе. Царский брат – генерал-адмирал русского флота вел. кн. Константин Николаевич был незадолго до того (15 июля) назначен членом Секретного комитета. Он «тотчас оценил» записку, представленную С.С. Ланским, и примкнул к его мнению⁴³. П.А. Зайончковский так писал о брате русского царя: «Человек незаурядного ума, великий князь Константин Николаевич был решительным сторонником отмены крепостного права и ряда государственных преобразований. Он являлся по существу главой либеральной бюрократии» [2, с. 78]. Назначение великого князя членом Секретного комитета по крестьянскому делу Зайончковский объяснял царским поручением «активизировать работу комитета и начать подготовку реформы» [Там же].

Ответы членов Комитета на поставленные внутриполитическим ведомством и предложенные председателем вопросы должны были составить просторный свод их итоговых соображений по важнейшим аспектам крестьянского дела. 30 июля 1857 г. Секретный комитет одобрил окончательные формулировки вопросов, и на следующий день Константин получил их вместе с прочитанными ранее докладами и записками. Членам Комитета надлежало представить свои ответы к заседанию 14 августа. В последующие дни Константин провел беседы с остававшимися в Петербурге членами Комитета – Я.И. Ростовцевым, кн. А.Ф. Орловым, С.С. Ланским и К.В. Чевкиным⁴⁴, обсудив с ними будущий ход крестьянского дела. Затем он заполнил полученную анкету.

⁴² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 256.

⁴³ Там же. С. 118.

⁴⁴ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II. Т. I. Берлин, 1860. С. 128.

На первый вопрос: «*Должно ли приступить теперь к общим мерам для освобождения крепостного сословия или следует ограничиться одними частными и переходными мерами?*» – великий князь в полном соответствии с позицией министра внутренних дел ответил: «...Освободить крестьян можно только постепенно и применяясь в способе исполнения к разным условиям разных местностей»⁴⁵. Желая сдвинуть дело с мертвой точки, он не стал дразнить оппонентов призывами к скорому и повсеместному уничтожению крепостничества. По второму вопросу: «...Следует ли... сохранить помещикам право полной собственности на земли или же отдать крестьянам земли, коими они пользуются, или только земли усадебные и огородные с вознаграждением или без вознаграждения помещика?» – царский брат вновь поддержал С.С. Ланского, советуя «предоставить крестьянам: 1) в полную собственность крестьянскую усадьбу... за вознаграждение, которое должно быть весьма умеренно и притом различно по разным местностям, согласно мнению г. министра внутренних дел, предлагающего наделить крестьян в черноземных губерниях небольшим количеством усадебной земли и увеличить это количество в губерниях северных; и 2) во временное пользование... часть пашенной земли, которую вообще предоставить в полную собственность помещиков»⁴⁶. Таким образом, судьба полевых наделов была на данном этапе решена в пользу помещиков.

Поземельное устройство крестьян с усадьбами, но без наделов стало на повестку дня вопрос о судьбе сельской общины: «*Следует ли допустить общинное начало в распоряжении и пользовании крестьянами землей или же оно должно быть уничтожено и заменено личным и отдельным пользованием каждого крестьянина?*»⁴⁷. Великий князь не пожелал быть ни разрушителем общины, ни ее защитником. Он предложил «сохранить общинное начало в отношении к внутреннему управлению селением, раскладке повинностей и т.п., но не стеснять ни помещиков, ни крестьян требованием, чтобы непременно вся община, а не отдельные домохозяева нанимали землю»⁴⁸. Константин считал, что общинный «обычай» уравнительного передела полевой земли после того, как «крестьяне получат в собственность только усадьбы» и «пашенную землю будут нанимать у помещиков», просто «сам собой

⁴⁵ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 258.

⁴⁶ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 201–202.

⁴⁷ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 258.

⁴⁸ Там же. С. 259.

изменится сообразно местным обстоятельствам»⁴⁹. В случае, когда «вся община» будет брать землю в долгосрочную аренду, «быть может, крестьяне сохранят обычай передела»; но если арендаторами выступят «отдельные члены общины, там передела не будет существовать»⁵⁰. Здесь царский брат предстал в роли сторонника «свободного развития хозяйственных отношений»⁵¹. Решение вопроса о сохранении или отмирании общины он был готов отдать на откуп самим крестьянам-домохозяевам.

Проблема поземельных отношений крестьян и помещиков была вновь актуализирована в четвертом вопросе: «...Следует ли сверх нынешних способов освобождения крестьян целыми селениями... даровать помещикам право освобождать их целыми селениями... без земли?»⁵². Данный вопрос побудил Константина, который доселе, вслед за С.С. Ланским, терпеливо искал компромиссы со сторонниками безземельного освобождения, высказаться откровеннее. «Освобождение многочисленных крестьянских общин без земли и без усадьбы нельзя даже называть освобождением, – заявил великий князь. – Это есть правильнее изгнание обчины с места, где жили отцы, деды и вообще предки нынешних крестьян, с места... которое есть их родина... Рассматривая этот предмет с юридической и исторической точки [зрения], подобное изгнание следует признать явною несправедливостью, ибо если нельзя признать за крестьянами права на часть пашенной земли, признанной уже законом собственностью дворянства, то, с другой стороны, нельзя, однако, не признать права крестьян на оседлость...»⁵³. По его словам, «принять подобное освобождение крестьян без земли за общее правило невозможно, ибо это значило бы свершить самую явную несправедливость в отношении к 22-м миллионам подданных и подвергнуть государство всем вредным последствиям того, что люди эти... потеряют всякую оседлость»⁵⁴. Константин горячо поддержал еще одного коллегу – главного начальника военно-учебных заведений генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева, сказавшего, что это значит «выпустить на свободу 22 миллиона нищих и возвратиться ко временам

⁴⁹ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 202.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 259.

⁵³ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 202.

⁵⁴ Там же. С. 203.

годуновским, а государство оседлое обратить опять в кочевое»⁵⁵. Итак, на этот раз царский брат впервые высказался за освобождение крестьян с землей. Он явно сожалел о невозможности прямо настаивать на закреплении за крестьянами их полевых наделов.

Пятый вопрос ставил высших сановников перед лукавой дилеммой: «Должно ли ограничиться пересмотром и улучшением законов об обязанных поселянах и свободных хлебопашцах, или можно допустить совершение условий между помещиками и крестьянами по обоюдному их соглашению без постановления особых для этого подробностей с утверждения или без утверждения высшего правительства?»⁵⁶. Членам Секретного комитета предлагалось выбирать в диапазоне между устаревшим и неработающим законодательством двух предшествующих царствований и кабальными условиями освобождения, которые могли навязать крестьянам помещики с согласия или даже без согласия властей. Великий князь Константин «совершенно» согласился с С.С. Ланским в том, что «нам нельзя останавливаться на старых законах...»⁵⁷. Начать разработку проектов отмены крепостного права правительству предстояло с нуля. Говоря о возможности составления «условий между помещиками и крестьянами по обоюдному их соглашению», Константин предложил взять данный процесс под разумный контроль: «всемерно облегчить помещикам заключение» соглашений с крестьянами и, оставив за «высшим правительством» утверждение «этых условий», не сковывать помещиков «правилами слишком подробными»; а «после освобождения... для подобных условий вовсе не нужно утверждения правительства...»⁵⁸.

От решения шестого вопроса зависела процедура подготовки и рассмотрения законопроектов по крестьянскому делу: «Каким порядком приступить к обработке тех законоположений, которые должны быть составлены об отношениях помещиков и крестьян: предоставить ли это дворянству каждой губернии или же оставить на обязанности самого правительства?»⁵⁹. Великий князь в очередной раз примкнул к С.С. Ланскому, желавшему сохранить за государством руководящую

⁵⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 722 (Константин Николаевич, великий князь, сын императора Николая I, генерал-адмирал). Ф. 722. Оп. 1. Д. 245. Л. 17 об. – 18 об.

⁵⁶ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 259.

⁵⁷ Там же. С. 260.

⁵⁸ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 203–204.

⁵⁹ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 260.

роль, но приобщить предводителей дворянства к предварительному обсуждению планов правительства применительно к «их местности», а затем – первоначальных правительственных проектов; в обоих случаях предводителям надлежало совещаться с наиболее толковыми помещиками. Константин советовал воспользоваться «познаниями помещиков», а также «получить от них разные практические сведения и узнать их образ мыслей», но счел, что доверить «обыкновенным собраниям дворянства составление новых законоположений едва ли удобно»⁶⁰. Поэтому, как и министр внутренних дел, он призывал рассматривать эти вопросы «не на общих дворянских собраниях, а на частных съездах к предводителю нескольких деловых помещиков»⁶¹.

На седьмой вопрос: «Следует ли принять теперь же, до освобождения крепостного состояния, некоторые меры для облегчения и умягчения оного?»⁶², – был дан утвердительный ответ. Константин предложил «гг. членам представить Комитету перечень тех облегчительных мер, которые каждый из них придумает», а после обсуждения их с коллегами, «не ожидая конца всего дела, внести через г. министра внутренних дел в Государственный совет»⁶³.

Последний – восьмой вопрос предлагал членам Секретного комитета высказаться за или против того, чтобы «во всех сих случаях» (видимо, ради успешной подготовки реформы) «предварительно»:

- «учредить особое отделение в Собственной Его императорского величества канцелярии»;
- «ожидать усиления значения местной власти»;
- «издать особый указ для успокоения помещиков и крестьян»⁶⁴.

Видимо, ответом на этот вопрос председатель кн. А.Ф. Орлов надеялся положить конец деятельности 12-го по счету тайного высшего учреждения по крестьянским делам. Идея создать еще одно отделение С.Е.И.В. Канцелярии не вызвала у великого князя ничего, кроме сарказма. Царский брат заметил, «что у нас существует уже такое значительное число разных бюрократических учреждений, из коих многие приносят весьма мало пользы, что следует помышлять об упразднении оных, а никак

⁶⁰ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 204.

⁶¹ Там же.

⁶² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 260.

⁶³ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 204.

⁶⁴ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 261; Он же. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 204.

не учреждать еще новых»⁶⁵. Уповать на чудодейственную силу губернаторской власти, полиции и других местных инстанций тоже не приходилось: многое следовало «улучшить», однако «дожидаться, пока все это состоится, чтоб тогда уже заняться освобождением крестьян, совершенно невозможно»⁶⁶. Лучшей успокоительной мерой Константин считал честное и правдивое объяснение предводителям дворянства замыслов правительства в крестьянском вопросе, способное вразумить помещиков и умиротворить крестьян. Он советовал «обратиться к предводителям дворянства о доставлении соображений их касательно лучшего способа освободить крестьян, причем нужно сказать им *откровенно*, что правительство занимается этим делом и решилось *непременно* достигнуть предположенной цели в продолжение нескольких лет. Помещики успокоятся, видя, что правительство желает воспользоваться в этом деле их опытностью, и будут готовить свои имения к предстоящей перемене крепостных отношений, а между тем станут осторожнее обращаться с крестьянами, а вследствие того и сии последние будут покойнее»⁶⁷. Идею успокоительного «указа» царский брат воспринял скептически по причине невозможности «сказать в нем всю *правду* и изложить действительные виды правительства», которое «еще не разъяснило себе настоящего дела»⁶⁸. Наконец, «никак нельзя ручаться, что подобный указ не был новым поводом к беспорядкам крестьян, несмотря на все предосторожности и на искусную редакцию»⁶⁹. Успокоительный указ мог привести и к обратному результату.

Из ответов членов Комитета на поставленные вопросы был составлен свод мнений, который и обсуждался на заседании Комитета 14 августа 1857 г. Оно прошло, согласно составленному А.В. Головиным «жизнеописанию» великого князя Константина, «столь же шумно, как и все остальные, и осталось бесплодно»⁷⁰. 16 августа бурные прения продолжились. Царский брат явился инициатором компромиссного решения, ставшего по словам Головнина, «прекрасной импровизацией»⁷¹. Стремясь вывести дело из тупика, Константин «объяснил, что при

⁶⁵ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 204.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 261.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 205.

⁷⁰ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 118.

⁷¹ Там же. С. 119.

настоящем положении дела следует заняться не подробностями оного, но составить себе общий план действий»⁷². Он предложил «разделить все дело освобождения крестьян на три периода: *приуготовительный*, или период изучения дела и добровольного соглашения; *переходный*, или освобождения обязательного, но не полного, и *окончательный*, или период полной свободы крестьян»⁷³. В «приуготовительном» периоде предстояло: «1) собрать разные статистические сведения о помещичьих имениях; 2) собрать мнения предводителей и помещиков о лучшем способе освобождения крестьян в различных местностях; 3) издать указ, которым дозволить помещикам освобождать крестьян по добровольному соглашению на каких угодно условиях... но с непременным условием – сохранения крестьянам оседлости; 4) ...дабы побудить помещиков воспользоваться этим указом, издать разные правила, смягчающие крепостное право и ограничивающие власть помещиков»⁷⁴.

В тот же период Константин предлагал «составить на основании сведений, которые будут собраны, закон для обязательного освобождения крестьян»⁷⁵. «Переходный» (второй) период должен был начаться «со времени издания этого закона», при этом «крестьяне оставались бы в некоторой зависимости от помещиков»⁷⁶. Начало «окончательного» (третьего) периода ожидалось «с того момента, когда прекратилась бы всякая зависимость крестьян от помещиков»⁷⁷. Речь великого князя прозвучала, по словам Головнина, «веселья ясно, просто и убедительно», так что «Комитет согласился с ним»⁷⁸.

17 августа члены Секретного комитета были собраны вновь, но уже для составления журнала по случаю выработки первого правительственного решения по крестьянскому вопросу. В своей памятной книжке Константин оставил запись 17 августа 1857 г.: «Крестьянский комитет. Заключение по моему предложению. Определили три периода»⁷⁹. «Приуготовительный», «переходный» и «окончательный» периоды

⁷² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 119.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 189.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 190.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Памятная книжка на 1857 г. с записями в. к. Константина Николаевича // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 722 (Константин Николаевич, великий князь, сын императора Николая I, генерал-адмирал). Оп. 1. Д. 134. Л. 51.

были одобрены единогласно. Далее подробно раскрывалось содержание первого периода. Первый пункт гласил: «Принять прежде всего меры для смягчения или облегчения крепостного сословия»⁸⁰. Во втором члены Комитета сошлись в необходимости «открыть помещикам все средства для увольнения крестьян по взаимному с ними соглашению»⁸¹. При этом один член Комитета, кн. П.П. Гагарин, высказался за наделение помещиков правом отпускать крестьян на волю без соглашения с ними, но с оставлением им «соседства»⁸². Такое «увольнение» фактически позволило бы помещику произвольно диктовать крестьянам свои условия, обезземеливать и закабалять их. Остальные члены Комитета отклонили это предложение. Третий пункт поставил перед МВД задачу «собрать сведения и приготовить материалы, необходимые для указания тех мер, кои должны быть приняты во втором, т.е. переходном периоде»⁸³. В журнале подчеркивалось, что от этого будет зависеть «порядок действий правительства во втором или переходном периоде общего дела по освобождению крепостных крестьян в России»⁸⁴. В свою очередь, «в третий или исполнительный и окончательный период» все зависело от «тех оснований, кои будут приняты для действий во втором, т.е. переходном периоде»⁸⁵. Журнал подписали все члены Комитета и приглашенные лица: кн. А.Ф. Орлов, вел. кн. Константин Николаевич, гр. В.Ф. Адлерберг, кн. П.П. Гагарин, С.С. Ланской, барон М.А. Корф, К.В. Чевкин, Я.И. Ростовцев, П.Ф. Брок и А.Е. Тимашев. Журнал был заверен государственным секретарем В.П. Бутковым⁸⁶.

Подписание журнала состоялось 18 августа⁸⁷. В тот же день Александр II утвердил журнал и отклонил мнение кн. Гагарина. Высочайшая резолюция гласила: «Исполнить, относительно же разногласия разделяю мнение большинства»⁸⁸. От себя царь добавил: «Да поможет нам Бог вести это важное дело с должною осторожностью к желанному результату. Искренно благодарю г.г. членов за первый их труд

⁸⁰ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. Пг., 1915. С. 19.

⁸¹ Там же. С. 20.

⁸² Там же. С. 21.

⁸³ Там же. С. 22.

⁸⁴ Там же. С. 23.

⁸⁵ Там же. С. 24.

⁸⁶ Там же. С. 25–26.

⁸⁷ Памятная книжка на 1857 г. с записями в. к. Константина Николаевича // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 722 (Константин Николаевич, великий князь, сын императора Николая I, генерал-адмирал). Оп. 1. Д. 134. Л. 51.

⁸⁸ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. Пг., 1915. С. 18.

и надеюсь и впредь на их помошь и деятельное участие во всем, что касается до сего жизненного вопроса»⁸⁹. По случаю выработанного Секретным комитетом и утвержденного императором решения по вопросам подготовки отмены крепостного права А.В. Головнин в «жизнеописании» своего патрона торжественно возвестил: «...С этого дня Россия вступила в первый период великого дела освобождения крестьян. Великому князю Константину Николаевичу обязана она прочным логическим основанием и вполне разумной системой этого важного государственного преобразования»⁹⁰. Впрочем, из своих более поздних «Записок для немногих» Головнин удалил эти высокопарные фразы.

В самом деле, решения Секретного комитета о «трех периодах», утвержденные государем, стали лишь первым шагом на пути к отмене крепостного права, регламентировавшим порядок подготовки и проведения реформы, но отнюдь не предопределившим исход дела. Один из близких сотрудников вел. кн. Константина в морском ведомстве, кн. Д.А. Оболенский, записал в своем дневнике 12 сентября 1857 г.: «Государь... утвердил журнал Комитета об эмансипации, которым сильно этот вопрос двинут вперед»⁹¹. Началась подготовка указов, разрешающих помещикам заключать с крестьянами добровольные соглашения, «не стесняясь условиями, указанными в законах об обязанных крестьянах», и одновременно вынуждающих помещиков идти на это из-за «ряда ограничительных мер»⁹². «Вообще, – признавал кн. Оболенский, – это дело принимает, кажется, весьма серьезное направление»⁹³. Но, верный своему всегдашнему скепсису, он добавил: «Что из этого выйдет – одному Богу известно. Мудрено предположить, чтобы все обошлось благополучно, а также нельзя [не] думать, чтобы завязалась какая-нибудь серьезная кутерьма»⁹⁴. Вся борьба была еще впереди.

⁸⁹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. Пг., 1915. С. 18.

⁹⁰ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 119.

⁹¹ Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 172.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

Библиографический список / References

1. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. I–VI. М., 1911. [Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krestyanskij vopros v proshlom i nastoyashchem. Yubilejnoe izdanie [The great reform. Russian society and the peasant question in the past and present. Anniversary edition]. Vols. I–VI. Moscow, 1911.]
2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. [Zajonchkovskiy P.A. Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia]. Moscow, 1968.]
3. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. [Zakharova L.G. Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861 [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia. 1856–1861]. Moscow, 1984.]
4. Литvak Б.Г. Переворот 1861 года: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. [Litvak B.G. Perevorot 1861 goda: pochemu ne realizovalas reformatorskaya alternativa [The Coup of 1861: Why the reformist alternative did not materialize]. Moscow, 1991.]
5. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. [Mironenko S.V. Stranicy tajnoj istorii samoderzhaviya. Politicheskaya istoriya Rossii pervoj poloviny XIX stoletiya [Pages of the secret history of the autocracy. The political history of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow, 1990.]
6. Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. [Osvobozhdenie krestyan. Deyateli reformy [Liberation of the peasants. Reform figures]. Moscow, 1911.]
7. Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. [Hristoforov I.A. Sudba reformy: russkoe krestyanstvo v pravitelstvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.) [The fate of the Reform: The Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow, 2011.]

Статья поступила в редакцию 11.09.2025, принятa к публикации 29.10.2025

The article was received on 11.09.2025, accepted for publication 29.10.2025

Сведения об авторе / About of the author

Воронин Всеволод Евгеньевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет.

Vsevolod E. Voronin – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russia History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: vsevolodvoronin@yandex.ru

В.Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Исторический центр Москвы как социокультурная проблема

Статья посвящена центру Москвы в разные периоды нашей истории, динамике развития градостроительных идей, практике застройки Москвы, важной общественной роли архитектуры. Рассматриваются вопросы формирования городского центра в связи с его территориальным развитием и задачами по управлению процессами преобразования городской среды. В статье исследуются закономерности формообразования архитектурного центра столицы, выявлена специфичность принципов формообразования составных частей структуры центра Москвы, связанная с пространственными свойствами самих архитектурных форм. Дается оценка характерных тенденций в развитии центра нашей столицы в течение последних трех десятилетий советского периода и некоторые предложения по совершенствованию организации ядра города. Даны качественные характеристики архитектурно-градостроительных решений и их роль в формировании облика города, рассматриваются вопросы гуманизации центра столицы.

Ключевые слова: центр Москвы, слободы, транспортные проблемы столицы, градостроительство, реконструкция городов, жилищный фонд, городская архитектура, социальная сфера

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горлов В.Н. Исторический центр Москвы как социокультурная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 74–90. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-74-90

V.N. Gorlov

Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

The historical center of Moscow as a socio-cultural problem

This article explores Moscow's central architecture throughout its history, the dynamics of urban development, the practice of Moscow's development, and the important social role of architecture. It examines the formation of the city center in relation to its territorial development and the challenges of managing urban transformation processes. The article examines the patterns of form-building in the capital's architectural center, identifying the specific principles of form-building within the constituent parts of Moscow's central structure, which are linked to the spatial properties of these architectural forms. It also assesses the characteristic trends in the development of our capital's central architecture over the last three decades of the Soviet period and offers suggestions for improving the organization of the city's core. It also provides qualitative characteristics of architectural and urban planning solutions and their role in shaping the city's appearance, and considers the humanization of the capital's central architecture.

Key words: Moscow center, suburbs, transport problems, urban development, reconstruction, housing stock, architecture, social sphere

FOR CITATION: Gorlov V.N. The historical center of Moscow as a socio-cultural problem. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 74–90. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-74-90

На протяжении всей истории общественный центр города был пунктом притяжения народных масс, местом сосредоточения общественной жизни. Своеобразие Москвы заключается в том, что, в отличие от многих других столиц, основные ансамбли центров которых сформировались в Новое время, в XVIII–XIX вв. (Париж, Вашингтон, Петербург), она сохраняет и формирует ныне свой центр в условиях средневековой структуры XII–XVII вв. Во многом сходны с ней в этом отношении Лондон, Афины, Рим [16, с. 52].

Крепость, возникшая около XII в. на холме у излучины Москвы-реки, с радиально сходящимися к ней дорогами положила начало центричной структуре будущего города. По мере его роста возникали поселения – посады за стенами Кремля, которые в целях безопасности окружались новыми стенами и земляными валами. Там, где были стены, впоследствии возникли Бульварное и Садовое кольца. В местах пересечений радиальных дорог и колец поднялись башни с воротами и заставы. Память о них хранят площади Бульварного и Садового кольца.

С самого начала своего формирования Москва расширялась концентрическими поясами, вбирая в себя, по существу, автономные пригородные поселения. Слободы содержали в себе весь функциональный комплекс отдельного поселения. В то же время, как специализированные поселения, они входили в городскую агломерацию. Городской столичный центр постепенно прорастал сквозь кольца слобод, по существу, не затрагивая их внутренней планировочной структуры. Становясь частью города, слободы достраивались, срастались в секторные планировочные образования, ограниченные основными радикальными улицами и кольцами стен. Эти образования и создали основу собственной планировочной структуры центра. Несмотря на укрупнение сети улиц и переулков, несмотря на изменение характера землевладения и застройки, несмотря на смену эпох, эта структура осталась в принципе неизменной. Она прослеживается практически на всех старых планах Москвы.

Узлами планировочной структуры межмагистральных секторов служили общественные центры, расположенные чаще всего в средней части сектора. В них входили: места приложения труда, торги, учреждения самоуправления и администрации. Такой узел являлся, как правило, центром прихода и формировался при приходском (слободском) храме. На этот центр были ориентированы все внутренние функции слободы – городского района, все его пешеходные коммуникации. Это был не только функциональный, но и пространственный центр сектора. Внимательное рассмотрение планировочной структуры центра города в пределах Садового кольца показывает, что практически каждый межмагистральный сектор сохранил свою систему улиц, сходящихся в срединном узле вокруг небольшого квартала, группы кварталов или небольших площадей [18, с. 6].

С течением времени менялось функциональное назначение срединных узлов планировочной структуры секторов. Исчезали былые центры притяжения: монастыри, приходские храмы, рынки, мануфактуры. Возникали новые: производственные предприятия, учреждения, объекты обслуживания, науки, культуры, просвещения. Функции узлов не только

выморачивались, но и видоизменялись. В старую планировочную структуру постепенно вливалась новая жизнь. И теперь уже не функция формировала планировочную структуру, а пространственные центры секторов притягивали к себе функцию [8, с. 163].

Первыми границами Московского городища были каменные стены Кремля, возведенные в 1367–1368 гг. при Дмитрии Донском на месте дубовых стен Ивана Калиты. Посады и слободы, расположенные вокруг Кремля, оставались незащищенными еще 167 лет. Все эти годы город не имел четких границ.

Рост города и его явная незащищенность стали причиной интенсивного возведения укреплений в XVI в. Первым получил мощную защиту наиболее важный для Москвы Великий посад – центр общественной и экономической жизни города. В 1535–1538 гг. он был обнесен каменной стеной со рвом и плацдармом перед ним. До XVI в. Великий посад имел неустойчивые границы, что было обусловлено его территориальным ростом. Функцию защиты посада первоначально выполняли укрепления временного характера – небольшой вал со рвом и локальные очаги обороны: «осадные», т.е. укрепленные дворы бояр и богатого купечества [1, с. 184]. Теперь посад именовался Китай-городом.

К концу XVI в. резко увеличилась интенсивность заселения вокруг Кремля и Китай-города, и на месте прежнего Земляного вала в 1586–1593 гг. был возведен второй оборонный пояс: стены Белого города с целью служить плацдармами. Но и за пределами Белого города посады и слободы оказались заселенными настолько плотно, что, одновременно с его стенами, в 1591 г. на земляном валу со рвомозвели деревянную стену Скородома – последнее средневековое укрепление Москвы.

К исходу XVII в. Москва была уже немалым по тем временам городом, вобравшим великолепные дворцы, монастыри и храмы, крепостные стены и торговые ряды. И несметное число рубленых домов и домишек простого люда, что селился по холмам вширь от кремлевских стен, придававших городу те самые черты, за кои издавна звалась Москва «большой деревней». В подобном определении вовсе не содержалось чего-либо оскорбительного для города. Напротив, в нем ощущалось теплое к нему отношение, обозначающее то особенное, что делает Москву близкой и дорогой каждому русскому сердцу.

Москва допетровская, точнее говоря, допетербуржская, постепенно отстраивалась по своим законам, формируя тот особенный, единственный облик, черты которого так ценны в наши дни. Они в природной среде города, в структуре радиально-кольцевого московского плана, в живописности, непринужденности строений монастырских комплексов, в просторных городских усадьбах и в скучившихся посадами

жилых образованиях. Особенности Москвы в известной мере определялись степенью свободы градостроительных действий, отсутствием строгого законодательства. И в этом тоже выражался московский дух, явившийся олицетворением неповторимого московского образа жизни.

В конце XVI в. посады, слободы и загородные усадьбы территориально объединились вокруг Кремля, образовав систему четырех «городов», каждый из которых был окружен своей стеной: Кремль, Китай-город, Белый город и Скородом (с 1630 г. – Земляной город). Друг от друга они отделялись оборонительными поясами. Таким образом, до конца XVIII в. пояса обороны, с одной стороны, территориально объединили земли вокруг Кремля в городской организм, а с другой – планировочно разграничили его на достаточно самостоятельные части. Границей города была не просто линия укреплений – стен, а целая полоса обороны – сложная, составная граница. Все ее элементы: и «осадные дворы», и стены со рвом, и плацдармы, и монастыри – способствовали пространственно-планировочному разъединению городской ткани, усиливая разъединяющую, барьерную функцию границы. Оборонительные полосы препятствовали планировочному взаимодействию всех частей города, связанных только по основным радиусам – через ворота. Интересно, что из соображений безопасности у Ильинских ворот была даже разорвана связь радиальных улиц Белого города и Китай-города [20, с. 21–22].

Снос стен Белого города в 1760–1770 гг. положил начало новому этапу в эволюции граничных территорий: объединению обособленных частей в целостный организм. Ко времени сноса стен Москва являлась городом в пределах Камер-Коллежского вала. Границы «городов» превратились во внутренние городские границы. Интенсивный рост территории Москвы заставил уже в начале XVIII в. перенести таможенную границу к современным заставам, где в 1730 г. был воздвигнут Компанийский и в 1742 г. – Камер-Коллежский вал. После отмены в 1754 г. внутренней таможни в России этот вал стал фактической городской границей. К этому времени исчезла необходимость в оборонительных сооружениях [22, с. 6–7].

История свидетельствует о том, что почти все крупномасштабные, радикальные планы реконструкции столицы оставались нереализованными. Первой попыткой преодолеть тесноту средневекового города на серьезной плановой основе был, как известно, проект 1775 г.

Императрица Екатерина II, задумав реконструкцию Кремля, обратила внимание и на окрестную московскую застройку, раздражавшую ее своей хаотичностью и часто неухоженностью. По указу Екатерины II в недрах «Комиссии для строения столичных городов Москвы

и Петербурга» к 1775 г. был создан первый серьезный план урегулирования и благоустройства, т.н. проектированный план. Главное место в нем отводилось созданию полукольца площадей в центре города, а на них должны были быть «кварталы и корпуса под строение публичных и обывательских домов по фасадам, которые по сочинении высочайшей конфирмации удостоятся» [13, с. 102–103].

Однако прекрасная идея оказалась трудновыполнимой из-за вечной и банальной нехватки средств. И поэтому реальная жизнь и частновладельческие интересы продолжали диктовать застройку вокруг берега Неглинной и на южной стороне Моховой улицы. Тем более, что к 1780-м гг. Екатерина II явно охладела к переустройству Москвы, а главнокомандующий З.Г. Чернышев давал разрешение на застройку по своему усмотрению [5, с. 8–9].

Такой была Москва до войны 1812 г., который резко изменил ее облик. В 1813 г. после пожарищ Отечественной войны знаменитым петербургским архитектором В. Гесте был составлен проект радикальной реконструкции Москвы, который, в соответствии с требованиями нового времени, намечал в городе развитую сеть широких магистралей и просторных площадей, раскрывал пространства вокруг значительных и монументальных комплексов – Кремля, культовых зданий, а также закладывал площади на въездных заставах и пересечениях магистралей. Но столь радикальная реконструкция требовала огромных средств. Комиссия для строения Москвы писала в своем заключении, что «многие годы и великие суммы надобны, чтобы выстроить Москву по этому плану» [цит. по: 15, с. 26]. План Гесте знаменовал новое, по преимуществу архитектурное отношение к вопросам градостроительства, но отвлеченный «геометрический» радикализм проекта, наряду с пренебрежением к вопросам экономики, сделал его беспочвенным [7, с. 60; 16, с. 247–248]. Гесте действовал таким же образом во всех русских городах, куда его отправляли с целью их реконструкции [2, с. 8–9].

В тот период не возникали вопросы сохранения исторического наследия, более того, новые представления о городе во многом основывались на отрицании средневековой традиции. Ввиду же недостатка средств, развитие столицы шло по пути малых локальных преобразований, не снимавших, а наоборот, закреплявших и усугублявших нарастающее диалектическое противоречие между новым содержанием столицы (социально-экономическим, идеологическим, художественным) и его старой формой.

Принципиально изменилось отношение застройки к улице: в проездах вдоль стен Белого города в конце XVIII – начале XIX вв. располагались усадьбы, подчеркнуто обращенные фасадами на улицу.

Плацдармы определенным образом застраивались жилыми кварталами, церковными и торговыми строениями задолго до сноса стен, в основном, уже в конце XVII в. На месте бывших ворот Белого города возникли площади, застроенные общественными сооружениями. На рубеже XVIII–XIX вв. были созданы замечательные проекты ряда площадей, располагавшихся по линии бывшей границы Белого города. Стены со рвом Белого города сменились бульварами. Первый из них, Тверской, возник в 1796 г., к 1862 г. появились и другие бульвары: Пречистенский, Никитский, Страстной, Петровский, Сретенский, Покровский. Территория разрушающегося местами Земляного вала застраивалась лавками, кузницами и жильем. На месте вала был устроен проезд (современное Садовое кольцо), а излишки земли переданы домовладельцам для устройства палисадников. Вместо ворот Земляного города появились рынки (Смоленский, Сухаревский, Таганский); были спроектированы Калужская и овальная Серпуховская площади [22, с. 6–7].

Так в конце XVIII – первой половине XIX вв. три части Москвы – Белый город, Земляной город и периферийный пояс застройки – как бы «сшиваются» полукольцом бульваров и кольцом Садовых улиц, узлами площадей и рынков, новыми радиальными связями. Пространственно-планировочная структура бывших граничных территорий, ставших «внутренними», приспосабливается к их новой функции: границы, служившие преградами, «барьерами», становятся «швами», выполняющими функцию соединения.

Таким образом, в первой половине XIX в. завершился этап формирования Москвы как относительно целостного в своей сложности организма. Произошло выделение ядра города (в пределах Камер-Коллежского вала). Трансформация пространственной и функциональной структуры городских границ послужила средством соединения изначально самостоятельных «клеточек» в более сложную структуру – целостный городской организм с центром и периферией. Пространственно-планировочная структура центра Москвы отличалась частой сетью улиц и переулков, этих своеобразных дублеров основной сети. Вся система, находящаяся в сложном пространственно-иерархическом соподчинении, как бы стягивалась к Кремлю, панорама которого на дальних и ближних подступах активно участвовала в формировании градостроительного ландшафта даже отдаленных от него улиц и слобод.

Своебразие и живость московского городского ландшафта уже многие столетия определяется близким соседством разновременных и разностильных построек. Визуальные связи между ними традиционно осуществлялись с помощью системы ярусных высотных ориентиров:

главным образом церквей и колоколен, композиционно и идеино-образно закреплявших все наиболее значимые пространственные членения: площади, перекрестки, излучины рек, изгибы улиц, холмы. На поверхку, однако, в разностилье и разнохарактерности застройки исторического центра Москвы «случайности» сплавляются в глубокую пространственную закономерность. Типы пространств, из которых «набран» исторический центр города, разворачиваются в веками осмысленной последовательности так, что мы никогда не чувствуем себя потерянными в этом кажущемся хаосе. Естественность и непринужденность маршрутов движения позволяют переключать внимание с одного объекта на другой, придавая их взаимосвязи смысловую глубину и перспективу.

В первые годы Советской власти творческая мысль зодчих была направлена на поиски путей вывода центра новой, социалистической Москвы из исторически сложившейся средневековой структуры на пространства, отвечающие новым социальным, политическим функциям и потребностям города, современным масштабным и эстетическим представлениям. Проекты советских архитекторов в первые десятилетия после Октябрьской революции открывали широкие возможности для пространственного развития центра столицы нового времени, формирования ее современных ансамблей. Предлагался активный «ход» от средневекового ядра к свободным территориям, козвучным новой эпохе решениям. Однако эти замыслы не были реализованы [18, с. 8–9].

Проблемы развития Москвы находились в стадии поисков, а практическая деятельность решала текущие проблемы. Из-за этого многие учреждения ведущего идеино-политического значения были размещены в зданиях дореволюционного времени (музей Революции, музей В.И. Ленина и др.).

1930-е гг. и, особенно, вторая их половина, стали временем преобразования столицы в прямом смысле этого слова, временем создания нового образа Москвы. Новые московские черты, обретенные в годы реконструкции, решительная трансформация масштаба застройки – все это в самом общем смысле складывалось опять-таки по-московски.

В планировке и застройке города, в организации ее силуэта сложилось традиционное расположение главнейших архитектурных доминант. На основных пересечениях Бульварного кольца крупные церкви и колокольни при малоэтажной застройке старой Москвы являлись значительными высотными акцентами. Крупные высотные акценты находились и на основных пересечениях Садового кольца. Эти доминанты выявляли композиционную структуру города, служили ориентиром в застройке. Сложная система XVI–XVII вв. фактически сохраняла свою роль на протяжении двух последующих столетий. Московские «сорок

сороков» перестраивались, их облик менялся, но все они оставались на прежних местах, задавая структуру визуальной картины исторического центра Москвы [12, с. 98–99].

Очевидно, что в новых условиях город требовал новых доминант силуэта, с иным масштабом. В этом смысле высотные здания начала 1950-х гг. представляют собой значительное достижение в организации силуэта города, в развитии традиций московской архитектуры. Сегодня трудно представить себе город без этих запоминающихся зданий.

В 1950-е гг. проблема развития центра Москвы возникла вновь. Выдвигалась и прорабатывалась концепция активного освоения юго-западного направления, создания на свободной территории крупного общественного форума с Дворцом Советов, Пантеоном, широкими эспланадами и площадями [4, с. 40–41]. Однако и эта идея осталась нереализованной. Перспективное юго-западное направление, уже к тому времени закрытое высотным зданием МГУ им. М.В. Ломоносова, позже стало застраиваться самыми разнородными объектами [3, с. 47–48].

Авторы Кремлевского Дворца съездов, казалось бы, с большим вниманием отнеслись к проблеме композиционного убедительного включения нового здания в исторический ансамбль, однако с течением времени этот современный элемент кремлевского ансамбля вызывал все большую неудовлетворенность. Главная причина кроется в растущем осознании того факта, что строительство Дворца съездов повлекло за собой невосполнимые потери в уникальном культурном наследии, которым обладает Московский Кремль. Представительное здание Дворца съездов, размещенное в теснине средневековых построек Кремля, не дало столице нового градостроительного качества. Строительство в историческом центре Москвы гостиницы «Россия» также не могло не вызывать острой критики.

В 1960-е гг. снова начались поиски решения проблемы центра, теперь снова в исторической части города: в границах Земляного города – Садового кольца. Эти работы вновь со всей очевидностью показали назревшее несоответствие сложного, многогранного содержания современных столичных функций, масштабов их архитектурного выражения с ограниченными пространственными возможностями средневекового ядра, назревшую необходимость решения этой проблемы. Но и на этот раз эта принципиальнейшая для развития города и его архитектуры задача так и осталась неразрешенной, а Генеральный план 1971 г. распредоточил новые объекты столичного центра опять-таки в средневековом ядре – в черте бывшего Земляного города [11, с. 30].

Внутри затесненного средневекового квартала центра выросли новые корпуса Госплана СССР и ряда других учреждений; союзные министерства и комитеты легкой, угольной, metallurgической, пищевой

промышленности были размещены на проспекте Калинина (сегодня – улица Новый Арбат), другая их часть – на Октябрьской площади и т.д. Даже располагаясь на видных местах, эти объекты большей частью были распылены, рассредоточены и не образовали целостного как функционального, так и архитектурно-художественного, идеино-символического единства. Правительственные учреждения союзного значения на проспекте Калинина оказались в одной «связке» с торговым центром и жилыми зданиями. Аналогичная ситуация сложилась и на Октябрьской площади [14, с. 31].

Включение отдельных, тем более уникальных современных зданий в исторически сложившуюся застройку Москвы являлось все же далеко не самой большой и трудноразрешимой проблемой. Гораздо большие трудности представляло создание целостных архитектурно-пространственных комплексов в центральных районах Москвы.

Такие комплексы, как проспект Калинина, Октябрьская площадь, жестко определяли не только масштаб и архитектурную стилистику, но и всю пространственную структуру центра города. Уцелевшие фрагменты исторической застройки, отдельные памятники, включаясь в эти новые градостроительные структуры, композиционно подчинялись им и теряли права на самостоятельное бытие. Подавленные современной пространственной средой, эти памятники утрачивали во многом и свое социокультурное значение, которое было присуще им как свидетелям определенной эпохи, как носителям свойственных эпохе архитектурных и градостроительных принципов. Такой современный художнический взгляд на включение архитектурных памятников в новый крупномасштабный ансамбль города оставил особенно глубокий след, например, на церкви Симеона Столпника, оказавшейся у подножия многоэтажного жилого дома в начале проспекта Калинина. Аналогичную роль композиционных акцентов, пластически обогащающих несоизмеримые с ними современные фасады, играли и оставшиеся вокруг гостиницы «Россия» памятники Зарядья [21 с. 45–46].

За годы и столетия, прошедшие со времени сложения структуры древней Москвы, где концентрировались все новые и новые общественные сооружения, в стране и в самом городе произошли огромные социальные, экономические, политические перемены. В результате этих перемен сложными, многообразными и чрезвычайно разветвленными стали функции Москвы – столицы государства, изменились состав и внутренняя структура аппарата ее политических, административных и общественных учреждений, что нашло отражение в объемах новых сооружений. Вместе с тем, пространственные параметры исторически

сложившейся части города, где продолжали размещаться новые объекты развивающегося центра, по существу, не изменились, оставались прежними.

Сегодня приходится признать, что сама по себе структурная переориентация такого гигантского города, с невероятно мощной инерцией развития (а к необходимости этого приводят не только проблемы центра, но и, к примеру, экологические), практически если и возможна, то требует колоссальных капитальных вложений в новой реалистичной концепции.

В связи с рассмотрением проблем развития столичного центра и вообще образа столичного города невольно возник вопрос о промышленном потенциале Москвы. Трубы ТЭЦ, промышленных предприятий, заводские корпуса в панорамах города, обширные производственные территории, конструкторские бюро, здания больших научно-исследовательских институтов, заполнившие Москву, а также «спровоцированные» ими транспортные потоки, новые корпуса общежитий, жилья и т.п. создавали определенную семантическую картину – промышленного города, в котором подлинно столичные объекты растворены и исчезают из поля зрения. Объекты, принципиально значимые для московского культурно-исторического ландшафта, перемещались на периферию. Поэтому рассматриваемая проблема оказывалась непосредственным образом завязанной и даже зависимой от структуры экономической базы Москвы [23, с. 150–151].

Престижный характер землепользования в центре города, удобство транспортных связей и многие другие преимущества стимулировали конкурентную борьбу между различными организациями за высвобождающиеся здания и участки. В результате часто побеждал более сильный, и вопрос о пользователе решался не всегда благоприятным для города образом.

В 1970–1980-е гг. был выполнен значительный объем строительства в центре: построены новые крупные объекты, отреставрировано значительное количество памятников архитектуры, Московский Кремль. Однако процесс реконструкции в этот период сопровождался рядом негативных явлений, связанных с нарушениями градостроительных принципов формирования центра, его исторического облика, диспропорциями в сферах городского хозяйства.

Историческое ядро Москвы к середине 1980-х гг. представляло собой конгломерат административных и научных учреждений, объектов культуры, предприятий торговли и общественного питания, жилых кварталов и производственных территорий. В этой ситуации отчетливо проявлялись устойчивые негативные тенденции. Происходила постепенная

утрата своеобразия исторически сложившегося облика и традиционного московского характера застройки, строительство новых зданий, несомасштабных исторической среде города; активное строительство административных зданий в пределах Садового кольца. Крупные общественные и жилые здания размещались случайно, изменяя к худшему облик дорогих москвичам мест. Было необоснованно снесено в угоду моде много ценной исторической застройки. Ширилась практически нерегулируемая экспансия контор, мелких производств, хозяйственных организаций, превращающая центр в сугубо деловой район и вызывающая возрастание пиковых нагрузок на объекты обслуживания, а также маятниковых миграций из периферии города в центр и обратно. Положение усугублялось медленным развитием системы культурно-бытового обслуживания и закрытием многих мелких традиционно-популярных объектов социальной сферы, отсутствие которых создавало в центре т.н. дефицит городской среды [6, с. 96–97].

Программы по выводу предприятий и учреждений из центра, принятые в Генеральном плане Москвы 1971 г., не выполнялись. Некоторые предприятия шли по пути перепрофилизации, укрепления материальной базы и оставались в столице. Это, в свою очередь, опять приводило к значительной перегрузке транспортно-коммуникационной структуры центра (основные магистрали и улицы находились на пределе пропускной способности), значительному увеличению транзита по отдельным участкам, отставанию в реконструкции транспортных узлов по Садовому кольцу. Существенно сократился жилищный фонд за счет передачи его министерствам и ведомствам под административные нужды. Резко уменьшилось постоянно живущее в пределах Садового кольца население (к середине 1980-х гг. почти в 4 раза по сравнению с 1960 г.) [18, с. 6–7]. И, как следствие, возникли безлюдные улицы в вечернее время, т.е. были нарушены границы зон психологического комфорта. Городской центр начинал терять полноту представительства, из него пропали некоторые возрастные категории москвичей. Превращение центральных районов города в «мертвый» город после окончания рабочего дня отражало процесс общей деградации жилой среды исторического центра.

Существенно отставали темпы ремонта жилищного фонда, в результате чего около его половины в пределах Садового кольца требовало проведения реконструкции и капитального ремонта. Возникла громадная диспропорция между процессом старения жилищного фонда и его обновлением. Проявились экологические нарушения в части состояния воздушного бассейна центра, превышение уровня допустимых концентраций выбросов автотранспорта, норм шумового режима.

Причины возникновения указанных диспропорций и негативных явлений крылись в отсутствии узаконенной и твердой градостроительной политики, преобладании ведомственных интересов над городскими, недостатке средств и мощностей строительных организаций для проведения комплексных работ, отставании в развитии сети торговли и других видов обслуживания в срединной зоне города вне исторического центра, пассивной, а иногда и непринципиальной позиции архитектурного руководства и архитекторов, работавших в центре.

Проблема своеобразия Москвы, которая в советский период рассматривалась, в первую очередь, как политическая, заключалась не только в архитектурном облике городской среды, но и в ее функциональном содержании. Неизвестно изменились как образ, так и функции многих участков Садового и Бульварного кольца, улиц, переулков и набережных в историческом центре. Именно к этому вел стихийный процесс «оккупации» центра всевозможными министерствами и ведомствами, процесс отторжения у горожанина его исконных пространств обитания – двора и улицы, процесс, вызванный недальновидной градостроительной политикой вообще и функциональной в частности.

До появления московского метрополитена зоны городской активности следовали плану основных магистралей и площадей. Они избирательно занимали отдельные участки, реагируя изменением конфигурации и числом объектов на появление новых фокусов притяжения (вокзалов, дорог, промышленных объектов и пр.). Они меняли дислокацию из-за крупных реконструктивных мероприятий (расширение Садового кольца, снос стен Китай-города и др.). На улицах, ведущих от застав и вокзалов в центр, объектов обслуживания было больше, чем на соседних. Появление метрополитена существенно усложнило схему внутригородских передвижений и изменило всю логику формирования зон активности, переориентировав их на плане, сделав более прерывными и менее зависимыми от наземной планировки и ее традиционных тяготений. Усилилась неравномерность концентрации активности: зоны без метро заметно отстали [9, с. 146–148].

Несмотря на то, что генеральные планы реконструкции Москвы в целом правильно трактовали социально-функциональную роль городского центра, разрушение части пространственно-планировочной структуры центра, ее упрощение нарушило соответствие пространственного масштаба застройки и масштаба деятельности на всех уровнях: от восприятия человеком фрагментов и деталей застройки, до уровня общегородских пространственно-функциональных взаимодействий. Однако сохранение соответствия масштабов пространств и масштабов деятельности совсем не означает, что следует отказываться от его дальнейшего

функционального обогащения. Наоборот, у центра огромные резервы, запасы «центральности». Их обеспечивает густая уличная сеть, тихие, любимые коренными москвичами переулки: Старосадский, Хохлов, Чистый, Кривоарбатский, Девяткин и множество других. Важно предохранять частую уличную сеть центра Москвы от упадка и деградации, памятуя о том, во-первых, что именно уличная сеть является основным «резервом» функционального насыщения городского пространства, во-вторых, что не только здания, но и пространственно-планировочная структура центра Москвы, ее ландшафт, складывавшийся на протяжении столетий, являются культурным достоянием.

Сохраняется нечто большее, чем архитектура: сохраняется взаимосвязь и взаимодействие городского пространства и людей, горожан, с их привычками и пристрастиями, ценностными ориентациями и привязанностями. Городской центр подлежит охране и развитию не только как средоточие культурных ценностей, но и как пространство городских взаимодействий, среда человеческой жизнедеятельности, исторически сложившееся ядро. Процессы градообразования в нем были медленными и постепенными. Веками создававшаяся и органически росшая городская среда обогащалась новыми культурными напластованиями, отбирая «методом проб и ошибок» наиболее важные в композиционном и пространственном отношениях элементы. В этой среде, в многовековом отборе, сплавляется уникальное и типичное, старинное и современное. Исторический опыт показывает: как бы ни вымораживались функции города, как бы рьяно ни уничтожались здания и целые кварталы, как бы интенсивно ни шла реконструкция, – скелет города остается вещественной реальностью, город сохраняет свою планировочную структуру.

Центральное ядро Москвы в пределах Садового кольца является уникальной исторической зоной, сохранившей индивидуальный облик и включающей сотни памятников архитектуры и ценных строений, составляющих т.н. историческую среду города. Активизируя столичную культурно-обслуживающую деятельность в центральных кварталах, нельзя не помнить, что эта часть города исторически сложилась именно как жилая среда, с присущим ей ритмом жизни, масштабом и всей сложной внутренней организацией. Необходимы настойчивые поиски в создании оптимальных условий для жизни в центре старого города, т.к. утрата жилых функций неизбежно приведет к перерождению и самой пространственной среды, поскольку характер требований, предъявляемых к ней, изменился под влиянием растущих учреждений, институтов и ведомств.

Эта задача может быть решена не путем пассивного сохранения существующего жилищного фонда, а благодаря более активному выделению

собственно жилых территорий при проведении четкой дифференциации многофункциональных наслойений различных видов столичной деятельности. Активное обновление жилых кварталов центра Москвы вполне реально, экономически целесообразно и может быть осуществлено без ущерба для исторически ценного окружения. Такое обновление может предотвратить упадок жилых функций в центре города, весьма опасный для дальнейшей судьбы его исторически сложившейся планировочной структуры и старой застройки. Более того, решительное реконструктивное вмешательство является необходимым средством давно назревшего совершенствования сложившейся среди центральной части города.

Заведующий отделом перспективных исследований и экспериментальных предложений Института Генерального плана Москвы А.Э. Гутнов отмечал, что «центр – это наиболее важная, говоря профессиональным языком, структурообразующая часть города, его ядро, сердцевина, можно сказать, что это самая “городская” часть города. Меняется характер города, меняется характер центра. И, наоборот, изменения в центре отражаются на облике всего города» [10, с. 190]. Центр Москвы при всех условиях сохранил свою многофункциональность, т.е. он остался средоточием активной городской жизни, причем самых различных ее сторон. Приобщенность к совершенно особому, сугубо городскому ритму жизни составляет одну из самых привлекательных и неповторимых черт центра. Решительно все компоненты центра по отдельности можно обнаружить во многих других районах города. И все же там нет специфической атмосферы, присущей центру. Только здесь по-настоящему ощущается удивительное разнообразие и многокрасочность городской жизни.

В наш век господства техники становится все отчетливее, все ощущимее потребность в поддерживающих и формирующих человеческую личность художественных и духовных ценностях. Необходимо противостоять уничтожающему Москву функциональному техницизму и административному волонтаризму. Художественный облик Москвы слишком много значит для нашей истории, для глубинных ценностей русской культуры, и мы должны воспрепятствовать его бездумному, а иногда сознательному искаjению, как это было в прошедшие годы. Задача наших архитекторов – научиться строить рядом со старой архитектурой, раскрывая лучшее, что сохранилось в Москве, придавая жизнь старой застройке и создавая новые произведения, развивающие лучшие традиции московской архитектуры.

Сегодня для нас важен уже сам факт исторической преемственности в развитии собственной планировочной структуры центра Москвы. Необходимо, чтобы эта преемственность складывалась не только из мозаики отдельных случаев, но планомерно, как система, легла в основу градостроительной политики.

Библиографический список / References:

1. Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989. [Alferova G.V. Russkie goroda XVI–XVII vekov [Russian cities of the 16th–17th centuries]. Moscow, 1989.]
2. Андреева Е.А. История градостроительства городов Вятской губернии (конец XVIII – начало XX вв. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2013. № 4. С. 5–16. [Andreyeva Ye.A. History of urban development of the cities of the Vyatka province (late 18th – early 20th centuries. Locus: People, Society, Culture, Meanings. 2013. No. 4. Pp. 5–16. (In Rus.)]
3. Астафьева-Длугач М.И. Рассказы об архитектуре Москвы. М., 1997. [Astafyeva-Dlugach M.I. Rasskazy ob arhitekture Moskvy [Stories about the architecture of Moscow]. Moscow, 1997.]
4. Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П. Москва строится. М., 1983. [Astafyeva-Dlugach M.I., Volchok Yu.P. Moskva stroitsya [Moscow is under construction]. Moscow, 1983.]
5. Вострышев М.И. Московские обыватели. М., 1999. [Vostryshhev M.I. Moskovskie obyvateli [Moscow townspeople]. Moscow, 1999.]
6. Глушкина В.Г. Социальный портрет Москвы на пороге XXI века. М., 1999. [Glushkova V.G. Socialnyj portret Moskvy na poroge XXI veka [Social portrait of Moscow on the threshold of the 21st century]. Moscow, 1999.]
7. Гольденберг П.И. Старая Москва. М., 1947. [Goldenberg P.I. Staraya Moskva [Old Moscow]. Moscow, 1947.]
8. Гольденберг П.И., Гольденберг Б.М. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв. М.; Л., 1935. [Goldenberg P.I., Goldenberg B.M. Planirovka zhilogo kvartala Moskvy XVII, XVIII i XIX vv. [Layout of residential quarters in Moscow in the 17th, 18th and 19th centuries]. Moscow; Leningrad, 1935.]
9. Градов Г.А. Город и быт. М., 1968. [Gradov G.A. Gorod i byt [City and everyday life]. Moscow, 1968.]
10. Гутнов А.Э. Города и люди. М., 1993. [Gutnov A.E. Goroda i lyudi [Cities and people]. Moscow, 1993.]
11. Иконников А.В. Гуманистическая направленность советской архитектуры. М., 1980. [Ikonnikov A.V. Gumanisticheskaya napravленnost sovetskoj arhitektury [The humanistic direction of Soviet architecture]. Moscow, 1980.]
12. Киселевич Л.Н., Рабинович И.Л. Композиция массовых жилых домов и ансамбля застройки. М., 1973. [Kiselevich L.N., Rabinovich I.L. Kompoziciya massovyh zhilyh domov i ansambla zastrojki [Composition of mass residential buildings and development ensemble]. Moscow, 1973.]
13. Клименко Ю.Г. «Проектированный» план Москвы 1775 года (к вопросу об атрибуции чертежей) // Архитектурное наследство. Вып. 56. М., 2012. С. 102–112. [[Klimenko Yu.G. “Projected” plan of Moscow in 1775 (on the issue of attribution of drawings). Arhitekturnoe nasledstvo. Issue 56. Moscow, 2012. Pp. 102–112. (In Rus.)]
14. Кудрявцев О.К. Планировочная структура крупного города. М., 1974. [Kudryavcev O.K. Planirovochnaya struktura krupnogo goroda [Planning structure of a large city]. Moscow, 1974.]

15. Муравьев В.Б. Москва. 1812 год // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 12. С. 25–27. [Muravyov V.B. Moscow. 1812. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1987. No. 12. Pp. 25–27. (In Rus.)]
16. Мышковский Я.И. Жилища разных эпох. М., 1975. [Myshkovskiy Ya.I. Zhilishcha raznyh epoh [Dwellings of different eras]. Moscow, 1975.]
17. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. [Orlov A.A. Soyuz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskiye otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn [The Alliance of St. Petersburg and London. The Russian-British relations during an epoch of Napoleonic wars]. Moscow, 2005.]
18. Павлов Н.Л. Планировочная структура центра: проблемы развития и преемственности // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 7. С. 6–7. [Pavlov N.L. Planning structure of the center: Problems of development and continuity. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1987. No. 7. Pp. 6–7. (In Rus.)]
19. Полянский А.Т. Творческие проблемы советской архитектуры. М., 1982. [Polyanskiy A.T. Tvorcheskie problemy sovetskoy arhitektury [Creative problems of Soviet architecture]. Moscow, 1982.]
20. Пронин Е.С. Формирование городских центров. М., 1983. [Pronin E.S. Formirovanie gorodskih centrov [Formation of urban centers]. Moscow, 1983.]
21. Соколов Л.И. Административные центры городов. М., 1979. [Sokolov L.I. Administrativnye centry gorodov [Administrative centers of cities]. Moscow, 1979.]
22. Ухина Н.С. Исторические границы Москвы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 10. С. 6–7. [Uhina N.S. Historical boundaries of Moscow. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1985. No. 10. Pp. 6–7. (In Rus.)]
23. Хасиева С.А. Архитектура городской среды. М., 2001. [Hasieva S.A. Arhitektura gorodskoj sredy [Architecture of the urban environment]. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 12.10.2025, принята к публикации 09.11.2025
 The article was received on 12.10.2025, accepted for publication 09.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr. Hab. of History; Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Science, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-91-101

УДК 94(3)

Ю.В. Куликова

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Титулатура императора Аврелиана и становление домината

События середины третьего столетия едва не оказались фатальными для Римской империи. Однако пришедший к власти император Аврелиан за пять лет своего правления сумел использовать опыт политики предыдущих императоров, восстановив единство Римской империи. Одновременно с этим наблюдается повышение авторитета императорской власти, поэтому весьма важно выявить основы будущей новой системы управления, которая нашла отражение в титулатуре и личности императора. Последовательная политика императора Аврелиана прослеживается в иконографии и легендах его монет, их изучение позволяет выявить становление нового статуса императора и его власти.

Ключевые слова: Римская империя, монетные легенды, надписи Римской империи, император Аврелиан, становление домината, пропаганда Римской империи, вторжения германцев, держава Сасанидов, титулатура римских императоров

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. Титулатура императора Аврелиана и становление домината // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 91–101. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-91-101

Yu.V. KulikovaMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The Titulature of Emperor Aurelian and the formation of the dominate

The events of the middle of the third century almost proved fatal for the Roman Empire. However, Emperor Aurelian, who came to power, managed to use the experience of the policy of previous emperors during the five years of his reign, restoring the unity of the Roman Empire. At the same time, the authority of the imperial power was growing, making it crucial to identify the foundations of the future new system of governance, as reflected in the emperor's personality and titles. Emperor Aurelian's consistent policy is reflected in his coin legends, the study of which allows us to identify the formation of the new status of the emperor and his power.

Key words: the Roman Empire, coin legends, inscriptions of the Roman Empire, Emperor Aurelian, becoming a dominate, propaganda of the Roman Empire, invasions of the Germans, Sasanian Empire, titulature of the Roman emperors

CITATION: Kulikova Yu.V. The Titulature of Emperor Aurelian and the formation of the dominate. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 91–101. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-91-101

Становление домината является сложным процессом, который, как принято считать в научной историографии, последовал непосредственно после т.н. «кризиса III века». Хронологически его начало большинство исследователей традиционно относят ко времени прихода к власти императора Диоклетиана, т.е. датируют 284 г. и даже 285 – годом начала реформ. Однако существующие факты позволяют утверждать, что процесс становления домината не начался с разрушением принципата, а как раз стал следствием трансформации предыдущей системы управления. Более того, реформы Диоклетиана проводились на определенном базисе, заложенном политикой и реформами предшествующих императоров. Важной, если не сказать, основной вехой создания основ

домината является политика императора Аврелиана и, прежде всего, благодаря восстановлению им территориального единства Римской империи. Ю.Б. Циркин указывает, что Аврелиану удалось поднять не только императорскую власть, но и личность императора на сверхчеловеческую высоту [6, с. 108].

До времени правления Аврелиана пропаганда стала более целенаправленной и продуманной, однако все легенды и используемые эпитеты использовались в рамках привычных традиций Рима.

Несмотря на существующее дискуссионное мнение в историографии [11], стоит все же говорить о том, что сенат в этот период перестал быть значимой политической силой. Политика Аврелиана не являлась попыткой угодить сенату [5], наоборот, его мероприятия, продолжая политику предыдущих императоров, способствовала поддержанию авторитета сената, являвшегося хранителем римских традиций и морали [3, с. 653]. Несмотря на все конфликты с сенаторами, Аврелиан носил титул GENIVS SENATVS, что придавало его власти особый статус покровителя, ведь теперь император не нуждался в подтверждении легитимности своего правления.

Базисом императорской власти была армия, укрепившая свои политические позиции в борьбе с сенатом. Однако при Аврелиане римские легионы в полной мере насладились забытым чувством триумфа от побед. Для этого потребовались неимоверные усилия самого императора, помноженные на верность его солдат. Армии пришлось меняться вместе с императорской властью, и из вершителя судеб трансформироваться в прочную основу трона. Процесс, однако, оказался долгим и затянулся до реформ Диоклетиана.

Тем не менее, Аврелиан внедрял изменения фактически по ходу проводимых им военных кампаний, стараясь заполнить лакуны и слабые места, появившиеся за долгие десятилетия военных действий на западе и востоке Империи, а также гражданского противостояния приходивших к власти императоров между собой.

Продолжая политику своих предшественников, Аврелиан использовал монетные легенды, которые должны были демонстрировать укрепление связи императора с армией, ведь от этого зависела безопасность границ и провинций от внешних и внутренних угроз. Именно поэтому в данный период процветали культуры гениев – покровителей легионов, которые позиционировались в монетных легендах, например, императора Галлиена, а возвышение полководцев из придунайских регионов способствовало сосредоточению внимания на дислоцированных на дунайском лимесе военных подразделениях. Так, император Деций Траян пытался объединить культ Гения Августа и культ Гения –

покровителя армии [1, с. 273], в связи с чем императоры этого периода активно использовали легенды GENIVS EXERCITVS; GENIVS EXERCITVS ILLYRICIANI (Cohen, Decius¹, 64; RIC, Decius, 3–4; Gallien., 199; Claud. II, 48–49)) и Гения отдельных регионов и дислоцированных там военных подразделений (GENIVS ILLYRICVS (RIC, Aurelian., 223)). Также использовались другие легенды, в частности, с титулом CONSERVATOR² (RIC, Valerian I, 37, 71, 93–94; Gallien., 171, 179; Postum., 308; Aurelian., 353, 383–384), и RESTVTVTOR (RIC, Postum., 223; Gallien., 27, 29, 32, 236); вар. – RESTITVTOR GENER HVMANI (RIC, Valerian. I, 220).

Важнейшей проблемой в политике императоров в это сложное время была, безусловно, проблема боеспособности и обороноспособности. Аврелиан старался решать в этом направлении сразу несколько задач и, помимо реконструкции оборонительных сооружений и строительства известной стены вокруг Рима, в плотную занялся восстановлением армии. Он не просто пополнил легионы (недаром на монетах он называется Restitutor Exerciti и Genius Exerciti (RIC, Aurelian., 366)), а реструктурировал их состав, создав, в частности, дополнительно два новых легиона (Legio I Illyricorum и Legio IV Martia) и сформировав новую армию на Востоке.

До этого за прошедшие десятилетия военные подразделения, дислоцирующиеся в восточных провинциях или временно переведенные в регион, были частично или полностью уничтожены в результате противостояния с Сасанидами, либо оказывались вне подчинения центральной власти.

Имперская пропаганда всячески позиционировала военные успехи Аврелиана, прославляя его храбрость, доблесть, прозорливость VIRTVS AVG, PROVIDENTIA AVG (RIC, Aurelian., 149, 335, 408), акцентируя внимание на том, что ему покровительствовали сам бог войны Mars (MARS INVICTVS (RIC, Airelian., 355, 357–358)), богиня Победы (VICTORIA AVG (RIC, Aurelian., 143, 236)), Мудрости (MINERVA

¹ Сокращения: Aé – L'Année épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine. Paris; Aur. Vict. – Sextus Aurelius Victor. Liber de Caesaribus / F. Pichlmayr (Teubner). Leipzig, repr. 1970; CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936; Epitom. – Pseudo-Aurelius Victor. Epitome de Caesaribus. URL: <http://thelatinlibrary.com/victor.caes2.html> (visit: 01.08.2018); Eutr. – Eutropius. Breviarium ab Urbe condita / ed. F. Ruehl. Lipsia, 1901; Oros. – Orosius Paulus. Historiae adversus paganos / ed. C. Zange-meister. (Teubner). Leipzig, 1889; RIC – The Roman Imperial Coins. H. Mattingly et al. (eds.), Roman Imperial Coinage (L., 1923); SHA – Scriptores Historiae Augustae. P. Magie (ed.), (Loeb). L., 1954.

² С этим титулом в монетных легендах могут выступать разные боги: Юпитер, Mars, Аполлон, а также сам Август, или, как в случае с Валерианом, и его сын-соправитель Галлиен (RIC, Valerian. I, 83).

AVG (RIC, Aurelian., 334)) при ведении справедливой войны, поэтому он – *victorissimus* (CIL VIII 10177; CIL XI 3878; CIL XI 1214; [Fortis] simo et Victoriosissimo Principi – CIL VI 1112; *Super omn[es pr]incipes Vic[toriosis]simo Imp(eratori)* [14, p. 182; 15, № 37]).

В надписях и на монетах Аврелиана, помимо уже привычных для императоров этого периода победных титулов: *Germanicus Maximus* (CIL XIII 8904; CIL III, 6238, CIL XI 4178, CIL VIII 1001), *Sarmaticus Maximus* (CIL III, 13715), *Gothicus Maximus*³ (CIL VIII, 9040, CIL XIII, 8973), встречаются многочисленные эпитеты. Одна из надписей в честь побед над германцами ассоциирует Аврелиана с Геркулесом и описывает императора как «непобедимого»; другая называет его победу вечной (думается, тут лучше – бессмертная) (CIL XI 6308; 6309), а на монетах появляются легенды, связанные с богиней победы: *VICTORIA GERM*; *VICTORIA GOTHIC*; *VICTORIA PARTHICA*; *VICTORIA AETERNA* (RIC, Aurelian., 51, 71, 240, 355, 339).

Титул *Dacicus Maximus* носил император Деций Траян (CIL II 4949, 4957), но, при всех заслугах Аврелиана и попытках сохранить присутствие римлян на Дунае, создав новую провинцию Дакию, титул *Dacicus Maximus* отдельно упоминается только в одной надписи, но встречается в титулатуре императора (CIL II, 2200; CIL VIII, 1430; CIL XIII 8973). Надпись с титулом *Carpicus Maximus*⁴ (CIL XIII 8973) датируется концом правления Аврелиана и в свете его поражения от карпов в 272–273 гг., скорее всего, отражает очередную победу императора над готовами [16, p. 55].

Титул *Britannicus Maximus* (CIL III 13715) включается в титулатуру по уже устоявшейся традиции. Юридически территория Британия, входившая в состав «Галльской империи», была возвращена Риму после сдачи в плен и соответственно полномочий последних галльских императоров Тетриков, но фактически, избрав нового императора, Британия оказалась вне зоны влияния Римской империи. Возможно, если бы не убийство Аврелиана, он бы окончательно завершил объединение государства, но у последующих императоров долгое время не было ни времени, ни сил – как финансовых, так и военных, для окончательного захвата острова.

Неизвестно, когда именно Аврелиану пришлось напрямую столкнуться с персами, о чем упоминают античные авторы (SHA, XXVI, 35, 4; 41, 9; Aur. Vict. XXXV, 1). Шах Варахран I, видимо, решил воспользоваться

³ Аврелиан фактически завершил крупную кампанию против готов, которую он вел вместе с Клавдием II Готским.

⁴ До этого Филипп Араб получил титул *Carpicus*, но именно Аврелиан стал первым носителем титула *Carpicus Maximus*.

ситуацией и захватить часть Месопотамии, однако римлянам каким-то образом удалось подтолкнуть племена на Кавказе выступить против персов и вторгнуться в Антропатену. Варахран I вынужден был отступить. Стоит обратить внимание на мнение К. Фарроха о том, что только смерть Аврелиана избавила державу Сасанидов от опасности, т.к. римский император в 275 г. уже был готов к походу против Сасанидов [4, с. 215], хотя А.В. Банников не усматривает четкой и понятной политики Аврелиана в отношении Персии [2, с. 151–153], но это и понятно в условиях фрагментарности и малочисленности источников. Во всяком случае о военном столкновении с персами свидетельствует титул Аврелиана *Persicus Maximus* (по старой традиции сохранялся титул *Parphicus* (CIL XIII 8973, CIL XII, 5549, CIL III 7586) [12, р. 155; 16, р. 76–77]). Кроме того, не желая, очевидно, втягиваться в конфликт, Сасаниды отправили посольство к римскому императору, о переговорах с персами упоминает только Флавий Вописк Сиракузянин (SHA, XXVI, 28, 2). Тем не менее, Аврелиан получил титул *Adiabenicus*⁵, что может указывать на переданные или попавшие под контроль Рима спорные территории в Месопотамии.

Непобедимость императора отражает эпитет *Invictus* (CIL XIII 8997; XVI, 3 404; 1; 10, 260; 351; 401), который стал употребляться по отношению к нему наравне с богами, более того, он становится частью титулатуры, определяя достаточно постоянное место в ней. Это демонстрировало значительное изменение в политической, социальной и религиозной позиции императора по отношению к своим подданным, хотя он и оставался принципом *invictissimus princeps* [9, № 16, 25–26, 28].

Эпитет *pacator* становится также важной частью титулатуры Аврелиана [14, р. 181], начиная с побед на Востоке – *PACATOR ORIENTIS* (RIC, Aurelian., 231) и особенно после победы на Каталаунских полях, и постоянно используется в надписях и на монетах как обязательная часть пропаганды – *PACATOR ORBIS*⁶ (RIC, Aurelian, 4, 6–7; CIL V 4320; VIII 15450), в т.ч. и в превосходной степени – *Pacatissimus* (CIL VIII, 22103, 22113, 22175), *Pacatissimus imperator* [13, № 15, 33, 39]⁷.

Тогда же впервые появляется формула *perpetuus imperator (Perpetuo Victoriosissimo Indulgentissimo Imp(eratori)* (CIL VIII 20537; 10205;

⁵ Адиабена – государство в Месопотамии, территории которого была спорной между Римом, Парфией, затем и Сасанидами. Возможно, титул Аврелиана повторяет победный титул Септимия Севера (CIL VIII 24004), что лишний раз подтверждает складывание императорской титулатуры.

⁶ Эта легенда и титул был впервые использованы императором Коммодом [13, № 101, 132].

⁷ Надписи с этим титулом найдены в Северной Африке [13, № 15, 33, 39].

10217) [15, № 38, 41, 43, 48]), которая в конце III–IV вв. становится обычным элементом императорской титулатуры. Эпитет *perpetuus* на самом деле не был новым, хотя и редко использовался, обычно для характеристики персонифицированных абстрактных сущностей, таких, как Мир, Согласие, Безопасность, для того чтобы подчеркнуть значимый вклад правителей в благополучие своих подданных. Эти формулы были частью обычного репертуара имперской пропаганды, распространявшейся по всей империи, например, *Securitas perpetua* превозносились во времена правления Валериана, Галлиена и Клавдия II Готского (RIC, Valerian., 17, 25; Claud. II Goth., 242–243), в правление Аврелиана в посвятительных надписях это наиболее распространенная формула, в которой *perpetuus* напрямую связан с титулом/именем императора, например, «Вечному императору Цезарю Л. Домицию Аврелиану, непобедимому, благочестивому, счастливому Августу» [14, р. 182]. Впоследствии имперская пропаганда будет еще сильнее акцентировать внимание на титуле *perpetuus*, формируя мысль о пожизненном и непрерывном правлении, хотя формулировки будут несколько иными, а эпитет *perpetuus* будет вписан в сам текст императорской титулатуры, однако посвящение *perpetuo imperatori* практически больше не засвидетельствовано в этой форме после Аврелиана. Начиная с тетрархии, *perpetuus* больше относится к выражению *semper Augustus*, чем к характеристике императора, становясь классическим элементом титулатуры и редко встречается в таком качестве во вводных формулах [9].

Еще одним нововведением было появление в титулатуре императора эпитета «*Magnus*», который некоторые исследователи связывают с введением культа *Sol Invictus* [8]. Объясняется это тем, что император является дополнительным звеном в цепи победоносных лидеров Империи, приверженцев традиционных богов римского пантеона, среди которых *Sol*, и для всех них, включая императора, используются одни и те же эпитеты. Так, *magnus* в отношении Аврелиана используется в нескольких надписях⁸ (CIL VI 1 114; CIL XIII 8997), при этом словосочетание *magno perpetuo Imp*, по мнению А.Л. Дагет [9, р. 184], может проводить аналогию между Аврелианом и Помпеем, образуя таким образом непрерывность непобедимости Рима.

⁸ *Magno [perpetuo]*
Imp(eratori) Caes(ari) [L(ucio) Domitio]
Aurelian[o] pio felici]
invicto [Aug(usto) pont(ifici) max(imo)]
trib(unicia) pot[est(ate) VI co(n)s(uli)]
III p(atri) p(atriae) p[ro]co(n)s(uli)]
a D(ariorito) l(eugas) XI. (CIL, XVII, 2, 404)

В 273 г. восточные, а в 274 г. и западные провинции вновь признали власть Рима, по словам Павла Орозия, устрашенные судьбой Пальмиры и ее правителей (Oros., VII, 23). Аврелиан вернулся как победитель в Рим, в котором его ожидал грандиозный триумф. На монетах, выпущенных на монетных дворах Медиолана, Сисции и Византия, появляются его титулы: Restitutor Orientis, Pacator Orientis, Restitutor Saeculi (RIC, Aurelian., 6, 231, 234–235, 401, 403), а также победные титулы Arabicus Maximus (CIL II 4506; ILS 576; Aé, 1936, №129) и Palmyrenicus Maximus (CIL V 4319; 4320; VIII 15450) [13, № 101, 116, 127, 132], в то же время легендой ORIENS AVG подтверждая свое главенство и власть на Востоке (RIC, Aurelian., 61–63, 150, 247–249, 251).

Благодаря своим победам император Аврелиан смог восстановить мир – PAX AVG (RIC, Aurelian., 232), обеспечив его для всех жителей Империи, воплотить renovatio temporum (SAECVLI FELICITAS, FELICITI TEMP (RIC, 327, 352) и, таким образом, восстановить связь с традициями. О его победах над врагами Римского государства упоминают античные авторы (SHA, XXVI, 30), а Евтропий именует его Освободителем Востока и Запада (receptor Orientis Occidentisque) (Eutr., IX, 13, 2).

После проведенного триумфа⁹ Аврелиан вновь получил традиционные магистерские полномочия. Фасти предоставляют данные, что он занимал консульскую должность в 271, 274 и 275 гг. [10, р. 72–73]¹⁰. Трибунские полномочия подтверждаются надписями и монетными легендами, доказывая, что вопреки всему Аврелиан обладал VII tribunicia potestas (CIL VIII.9040; RIC, Aurelian., 240).

В последние годы правления Аврелиана в свете его знаменательных побед и восстановления единства Римской империи титулатура императора Аврелиана пополнилась титулами, некоторые из которых приобрели новый смысл и новое значение, способствуя усилению императорской

⁹ Триумфальная надпись Аврелиана на римском форуме:

*Imp(eratori) Caes(ari) L(ucio) Domitio
Aureliano pio felici
invicto Aug(usto) pontif(ici) maximo
Gothico max(imus) Germanico max(imus)
Parthico max(imus) Carpico max(imus)
[tr]ib(unicia) pot(estate) V cons(uli) II desig(nato) III imp(eratori) III
[p•p•pr]oconsuli Restituti orbis
[fortissi]mo et victorissimo
principi
[virius•orfitus•v•c•]praef(ecti) Urbi
[devotus•numini•mai]lestatiq(ue) eius (CIL VI 1112).*

¹⁰ 271. IMP. CAESAR L. DOMITIVS AVRELIANVS AVGVSTVS, (TI) POMPONIVS BASSVS II; 274. IMP. AVRELIANVS II, CAPITOLINVS; 275. IMP. AVRELIANVS III, MARCELLINVS.

власти и повышению ее авторитета, что, собственно, и являлось целью Аврелиана. Стоит отметить, что пышность и разнообразие титулов прямо указывает на изменившуюся позицию императора во всей структуре власти Римской империи. Так, в надписях появились эпитеты, некоторые из которых стали использоваться в качестве части титулатуры только с правления Аврелиана: *indulgentissimus* (CIL XII 2673), *sanc-tissimus et super omnes principes victoriosissimus* (CIL XI 3878), *glorisis-simus* [9, № 15, 20].

Весьма значимыми шагами Аврелиана в продвижении идеи превосходства личности императора и укрепления единоличной власти было принятие официальных титулов *Dominus* и *Deus*. В первом случае подобное обращение пытались ввести императоры более раннего периода, например, Домициан из династии Флавиев. А вот *Divus* (божественный) сменяется на более значимое – *Deus*, таким образом император не просто посредник между людьми и богами, он сам при жизни является богом, что полностью завершает трансформацию, давно внедряемую римскими императорами идею эллинистической монархии. Согласно надписям из Италии, Испании и Северной Африки¹¹, его провозглашение императором приравнивалось к провозглашению богом. Аврелиан явился первым из императоров, кого официально почитали в качестве бога с титулом *Deo et Domino Nato* – рожденный богом и господином: *IMP DEO ET DOMINO AVRELIANO AVG* (RIC, Aurelian., 305–306). Для примирения с галльской аристократией Аврелиан обращает особое внимание на куль Геракла, и это почитаемое божество, герой и защитник становится его соправителем (*consors*) [7, с. 484]. Кроме того, Аврелиан в надписях и на монетах идентифицировался с другими богами, что указывает на тщательно продуманную политику и пропаганду для сохранения самого основного ядра идентичности Рима – религиозного и мировоззренческого.

Имперская пропаганда позиционирует Аврелиана как хранителя римского мира: *CONSERVATOR ORBIS* (CIL V 4319, RIC, Aurelian., 6), *CONSERVATOR PATRIAЕ* (RIC, Aurelian., 369), в его титулатуру включаются титулы, указывающие на него как реформатора, восстановившего Империю в целом, регионы в частности, а также традиционные устои: *Restitutor Orbis* (RIC, 62, 139–140, 289–290, 295–298; CIL VI 1112; VIII 10217), *Restitutor Orientis*, *Restitutor Galliarum*, *Restaurator*¹² (CIL VI 1112;

¹¹ Если до религиозной реформы Аврелиана в его надписях встречается титул *Divus* (CIL VIII 11318, 25820, 10961, 9758), то после реформы в Далмации, Испании, Греции, Нумидии, Африке он именуется *Deo Aureliano* (CIL XI 556; VIII 4877; Aé, 1938, № 24; Aé, 1972, № 284).

¹² Победные титулы Аврелиана были и на греческом языке (см. напр.: Aé, 1927, № 81, а также [15, № 57]).

VIII 10217; 22449; CIL VIII 10205; RIC Aurelian., 6, 139–140, 258, 289). Евтропий упоминает и еще один новый титул – receptor Orientis Occidentisque (Eutr., IX, 13, 2), но и как восстановитель римской свободы (прежде всего свободы от нелегитимной власти провозглашенных в этих регионах императоров), римского мира, Отечества и всего римского рода – RESTITVTOR LIBERTATIS, RESTITVTOR PATRIAЕ (CIL III 7586), RESTITVTOR GENTIS (RIC Aurelian., 401), RESTITVTOR SAECVLII (RIC Aurelian., 235), и что особенно важно, восстановитель римской военной мощи и побед, пропаганда чего особенно заметна в легендах, посвященных Марсу, Юпитеру, безусловно, Fides, ведь благодаря верности войск и вере в своего императора, были достигнуты победы Аврелиана.

Таким образом, отражением усиления единоличной власти императора явилась его титулатура, постепенно включавшая в себя новые эпитеты, делая постоянными те, которые ранее императоры использовали лишь изредка и подчас с большой осторожностью, а сами эпитеты обретали стабильное значение и наполненность. Изменения власти императора были как внешние (он теперь постоянно носил диадему, символизирующую верховенство его власти (Epitom., XXXV, 5), к нему обращались только как к Господину, перед которым остальные лишь верноподданные), так и внутренние, включая сочетание титулов Deus et Dominus (CIL 11.3832, CIL XI 6303, CIL XI 5 56). Все это стало основой новой системы управления – домината.

Победоносные войны, восстановление счастливого времени дает право с уверенностью утверждать, как пишет Флавий Вописк Сираизуянин, что храбрее и полезнее императора, чем Аврелиан, не было: quoneque fortior neque utilior fuite quisquam (SHA, XXVI, 41, 6).

Библиографический список / References

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. [Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsialnoy politiki Rimskoy imperii [Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. Moscow, 1995.]
2. Банников А.В. Персидские войны Рима. СПб., 2020. [Bannikov A.V. Persidskiye voyny Rima [Persian wars of Rome]. St. Petersburg, 2020.]
3. Голдуортி А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семеновой. М., 2014. [Goldsworthy A. Padeniye Zapada. Medlennaya smert Rimskoy imperii [The fall of the West. The slow death of the Roman Empire]. A.V. Korolenkov, E.A. Semenova (transl. from English). Moscow, 2014.]
4. Фаррох К. Персы. Армия великих царей / пер. с англ. М., 2009. [Farrokh K. Persy. Armiya velikikh tsarey [Persians. Army of the Great Kings]. Transl. from English. Moscow, 2009.]

5. Циркин Ю.Б. «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.) // Мнемон. 2010. Вып. 9. С. 271–288. [Tsirkin Yu.B. “Military Anarchy” (from the political history of Rome in the 3rd century AD). *Mnemon*. 2010. Issue 9. Pp. 271–288. (In Rus.)]
6. Циркин Ю.Б. Политическая история Римской империи. Т. 2. СПб., 2009. [Tsirkin Yu.B. Politicheskaya istoriya Rimskoy imperii [Political history of the Roman Empire]. Vol. 2. St. Petersburg, 2009.]
7. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. [Shtayerman Ye.M. Krizis rabovladelcheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii [The crisis of the slave system in the western provinces of the Roman Empire]. Moscow, 1957.]
8. Christol M. Aurélien, magnus et perpetuus imperator sur les milliaires de l’Occident romain (CIL, XIII, 8997 = CIL XVII 3 404 ; AE, 1983, 696). *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2001. Vol. 12. No. 1. Pp. 269–274.
9. Daguet A.L. Domitianus Aurelianus perpetuus imperator. *Antiquités africaines*. 1992. T. 28. Pp. 173–186.
10. Degrassi A. I Fasti consolari dell’Impero romano dal 30 avanti Cristo al 613 dopo Cristo. Roma, 1952.
11. Drinkwater J. The principate – lifebelt, or millstone around the neck of the Empire? *Crises and the Roman Empire: Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June ed. 20–24, 2006)*. O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.). Leiden; Boston, 2007. Pp. 67–69.
12. Graf D.F. Zenobia and the Arabs. *The Eastern Frontier of the Roman Empire*. D.H. French, C.S. Lightfoot (eds.). Vol. I. Oxford, 1989. Pp. 143–167.
13. Peachin M. Roman Imperial Titulature and Chronology, A.D. 235–284. Amsterdam, 1990.
14. Syme R. Imperator Caesar: A study in Nomenclature Augustus. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1958. Vol. 7. Pp. 172–188.
15. Sotgiu G. Studi sull’epigrafia di Aureliano. Cagliari, 1961.
16. Watson A. Aurelian and the Third Century. Routledge, 1999.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025, принятая к публикации 15.09.2025
The article was received on 28.07.2025, accepted for publication 15.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; associate professor at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: yuv.kulikova@mpgu.su

Международные отношения: история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-102-119

УДК 94

А.Л. Волков

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
414056 г. Астрахань, Российская Федерация;

Астраханский филиал Международного юридического института,
414000 г. Астрахань, Российская Федерация

В тени недоверия: к вопросу о взаимодействии русских и английских войск в Голландии (август–ноябрь 1799 г.)

Статья посвящена анализу сложного и противоречивого взаимодействия русских и английских войск в ходе Голландской экспедиции 1799 г. В рамках исследования рассматриваются причины, приведшие к формированию взаимного недоверия между союзниками, а также его влияние на ход военных действий и их результаты. Автор, опираясь на архивные материалы, дипломатическую переписку, донесения командиров и свидетельства очевидцев, выявляет ключевые факторы, обусловившие напряженные отношения между русскими и англичанами. В статье уделяется особое внимание последствиям недоверия для боеспособности союзных войск, приводятся конкретные примеры, демонстрирующие негативное влияние разногласий на эффективность операций. Результаты исследования позволяют переосмыслить роль Голландской экспедиции в контексте русско-британских отношений того периода, выявить уроки, актуальные для понимания механизмов взаимодействия между союзниками в условиях военных коалиций, и оценить влияние политических факторов на ход военных кампаний.

© Волков А.Л., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Голландская экспедиция 1799 г., герцог Йоркский, межсоюзнические отношения, битва при Бергене, генерал И.И. Герман, генерал И.Н. Эссен

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Волков А.Л. В тени недоверия: к вопросу о взаимодействии русских и английских войск в Голландии (август–ноябрь 1799 г.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 102–119. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-102-119

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-102-119

A.L. Volkov

Astrakhan State University name of V.N. Tatishchev,
Astrakhan, 414056, Russian Federation;

Astrakhan Branch of the International Law Institute,
Astrakhan, 414000, Russian Federation

In the shadow of distrust: On the question of the interaction between Russian and British troops in Holland (August–November 1799)

The article analyses the complex and contradictory interaction between Russian and British troops during the Dutch expedition of 1799. The study examines the reasons that led to the formation of mutual distrust between the allies, as well as its impact on the course of military operations and their results. The author, relying on archival materials, diplomatic correspondence, reports of commanders, and eyewitness accounts, identifies the key factors that led to tense relations between the Russians and the British. The article pays special attention to the consequences of mistrust for the combat effectiveness of the Allied forces, citing specific examples that demonstrate the negative impact of disagreements on the effectiveness of operations. The results of the study allow us to rethink the role of the Dutch Expedition in the context of Russian-British relations of that period, to identify lessons relevant for understanding the mechanisms of interaction between the Allies in military coalitions, and to assess the influence of political factors on the course of military campaigns.

Key words: Helder Expedition of 1799, Duke of York, inter-allied relations, Battle of Bergen, General I.I. Herman, General I.N. Essen

FOR CITATION: Volkov A.L. In the shadow of distrust: On the question of the interaction between Russian and British troops in Holland (August–November 1799). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 102–119. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-102-119

В современной отечественной науке все отчетливее проявляется интерес к англо-русской кампании в Северной Голландии, в т.ч. и к такому вопросу, как состояние и развитие межсоюзнических отношений, что ярко прослеживается в работах М.А. Смирновой, К.Б. Назаренко, А.А. Куницына и А.А. Егорова [6, с. 248–255; 8, с. 52–67; 9, с. 74–84; 10, с. 132–146; 13, с. 200–205; 15, с. 136–190]. Участие иностранных войск в столь важной для Британии операции, как овладение Голландией, стало возможным и даже необходимым в связи с тем, что к началу 1799 г., вследствие проигранных кампаний 1793–1794 гг. и тяжелой Вест-Индской кампании 1795 г. британской кадровой армии практически не существовало¹.

Чрезвычайными усилиями британскому правительству для похода в Голландию удалось набрать порядка 25 тыс. чел., но их боевая ценность была более чем сомнительной, поскольку полки состояли, в основном, из вчерашних ополченцев, имевших минимальную подготовку [16, р. 27], и их численность не переросла в качество [18, р. 641]. В то же время, согласно конвенции, заключенной между Россией и Англией 11 июня (ст. ст.) 1799 г., Россия предоставляла для операции корпус численностью 17 593 чел. (17 батальонов пехоты, 2 роты артиллерии, роту пионеров [салперов], эскадрон гусар).

Взаимоотношения между командующими русского и английского корпусов определялись трактатом от 18 февраля 1795 г. или «трактатом с Венским двором» от 14 июня 1792 г. (ст. IX Конвенции). Данная статья гласила, что начальником русского вспомогательного корпуса останется « тот, коему такое начальство вверено»² со стороны России. При этом общее командование осуществлял представитель Великобритании с условием, что все важные решения и действия должны приниматься на Военном совете, в присутствии русского командующего³, который

¹ The campaign in Holland, 1799, by a Subaltern. L., 1861. P. 3.

² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россию с иностранными державами. Т. IX (Х). Трактаты с Англией. СПб., 1892. С. 436.

³ Там же. С. 375.

имел право голоса и должен был участвовать в обсуждении всех важнейших вопросов, однако окончательное решение оставалось за старшим начальником экспедиции – фельдмаршалом Фредериком герцогом Йоркским и Олбани. При этом отдельно оговаривалось, что русские войска несли службу в соответствии с собственными уставами, солдаты могли быть судимы в соответствии с российскими уставами и артикулами, имели право на беспрепятственную почтовую связь с Россией, а также на окормление собственными священниками во время православного богослужения⁴.

В боевых операциях войска должны были быть использованы соразмерно силе союзной армии⁵. Наконец ст. XVIII прямо запрещала «просящей стороне» (Великобритании) заключать какие-либо перемирия или мир, в силу которых «просимая сторона» (Россия) «не претерпела никакого вреда по ненависти за то, что давала помочь союзнику своему»⁶. В целом, как справедливо отмечал отечественный военный историк А.В. Висковатов, русские войска состояли в «непосредственном распоряжении своих союзников, и было обязано слепо подчиняться Английскому начальству» [1, с. 642].

Отметим, что в среде русского генералитета имелась точная установка, что британцы являются «высокосоюзниками Государя Императора» и взаимодействие с ними должно быть направлено на «общесоюзную пользу»⁷. При этом интересна интерпретация причин участия русского вспомогательного корпуса в походе, сделанная английским генерал-майором сэром Генри Банбери, писавшим в своих воспоминаниях: «Он (император Павел I. – А.В.) жаждал послать своих московитов всюду и куда угодно при условии, что другие правительства (английское, в частности) будут нести значительную долю расходов, необходимых для участия его армии в кампаниях против Франции» [цит. по: 15, с. 107]. На самом деле, несмотря на то что переговоры между Англией и Россией происходили быстро, они не были легкими, и первоначальное предложение британцев осуществить операцию силами только русских войск было отвергнуто, а в дальнейшем английской стороне даже пришлось спешно увеличивать свой контингент с 8 тыс. до, как указывалось выше, 25 тыс. чел. Кроме того, планировалось (но не удалось) привлечь к операции воинские контингенты из Швеции, Дании и Пруссии.

⁴ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. IX (Х). Трактаты с Англией. СПб., 1892. С. 375.

⁵ Там же. С. 376.

⁶ Там же. С. 378.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 24 об.

Как отечественные, так и зарубежные историки справедливо делят развитие межсоюзнических отношений на два периода – до и после битвы при Бергене 8/19 сентября 1799 г. [20, р. 128], которые изменились от, в целом, дружелюбно-нейтральных в начале кампании, до откровенной неприязни в конце [15, с. 108], что станет одной из причин провала экспедиции [16, р. 36].

Голландская экспедиция стала первым опытом взаимодействия двух принципиально разных армий: русской, профессиональной и закаленной в боях, и британской, чья численность быстро росла, но не сопровождалась соответствующей подготовкой. До этого момента ни одна из армий не имела опыта совместных действий ни в качестве союзников, ни в качестве противников, что порождало неопределенность в оценке военного потенциала, тактики и стратегии друг друга. Британские надежды во многом подпитывались славой побед фельдмаршала А.В. Суворова в Италии, что позволяло им считать русских одним из самых ценных активов экспедиционных сил.

Об этом свидетельствуют донесения капитана 1-го ранга Х.Р. Попхема, отвечавшего за формирование и отправку русского корпуса в Голландию со стороны Англии. Он писал, что, осматривая сводно-гренадерский батальон Огарёва, «не видывал людей ни мужественнее, ни лучше одетых» [8, с. 57]. В воспоминаниях Эдварда Уолша, военного хирурга, значится, что внешний вид и обученность русских войск позволяла сделать вывод, что «войска сформированы были исключительно для службы, а не для показухи»⁸. Лейтенант Френсис Мол указывает, что высадка русских союзников зародила в англичанах надежду на военный успех, что русские войска были храбры, «как и вся их нация в целом»⁹.

Разочарование британцев будет тем сильнее, чем выше были их ожидания. Однако они упускали из виду, что русский корпус в Голландии был ограничен в своих действиях решениями, ответственность за которые несло именно британское командование.

Следует упомянуть и о мотивации войск, понимании ими конечных целей экспедиции. Так, русские войска отправлялись в далекий поход с мыслью о «единственном прямодушном намерении водворить спокойствие в землях древних торговых друзей России и в возмездие

⁸ Walsh E. A narrative of the expedition to Holland in the autumn of the year 1799: illustrated with a map of North Holland, and seven views of the principal places occupied by the British forces. 2-nd ed., corrected and enlarged. L., 1800. P. 44.

⁹ Maule F. Memoirs of the Principal Events in the Campaigns of Holland and Egypt. L., 1816. P. 145.

присоединить остров Мальту к своей Державе»¹⁰. Примечательно, что русский офицер А.Я. Дубянский в своих воспоминаниях считает британские цели в данной кампании более меркантильными – захват голландского флота и «для совершенного искоренения с оным богатейшей коммерческой конторы всей Европы»¹¹.

В то же время, во многом из-за отсутствия должного планирования, столь точного осознания задач экспедиции в британских войсках, по всей видимости, не было [20, р. 108]. Одни британские офицеры считали, что войска отправляются в Голландию «с целью изгнать французов, свергнуть республиканское правительство, созданное под их защитой, и снова поставить страну под власть Дома Оранских и Штатгальтера»¹². Другие, в т.ч. и генерал-лейтенант Ральф Аберкромби, считали, что основанной задачей операции был захват флота [17, р. 149].

Командовавший русскими войсками в начале кампании генерал-лейтенант И.И. Герман был опытным штабным офицером, к тому же имевшим и немалый «придворный» опыт, что было чрезвычайно важно, поскольку союзную экспедицию возглавил герцог Йоркский – второй и любимый сын короля Георга III. Однако русский двор не был доволен выбором английской стороны, и император Павел I даже писал русскому послу в Лондоне гр. С.Р. Воронцову, чтобы тот настоял на иной кандидатуре [5, с. 38]. Действительно, при наличии административных способностей и личном мужестве, командующий экспедицией военными талантами наделен не был и имел в своем активе многие военные поражения, в т.ч. и во Фландрской кампании 1793–1794 гг. Поэтому, а также учитывая то обстоятельство, что стратегический замысел операции и планы сражений полностью разрабатывались британцами, русская сторона настояла на создании Военного совета, который должен был принимать все важнейшие решения. Но на деле совет первоначально превратился в некий «утверждающий» решения герцога орган, что проявилось уже при обсуждении плана первого сражения при Бергене, когда герцог просто предложил генералам уже разработанный им план. Подробности совета неизвестны, но план сражения былдержан в т.ч. и генералом Германом¹³.

¹⁰ Дубянский А.Я. Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 года // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 9. С. 54–55.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² The campaign in Holland, 1799, by a Subaltern. L., 1861. P. 1.

¹³ Fortescue J.B. The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. Vol. V. L., 1906. P. 426–427.

Разработанный герцогом план баталии заключалось в том, что союзной армии предлагалось проведение одновременно сразу двух сложных операций – нанесения фронтального удара в сочетании с глубоким обходным маневром, который должен был способствовать удлинению вражеской боевой линии, что ослабило бы его центр и левый фланг, в результате чего союзники имели бы шанс нанести поражение республиканцам [21, р. 188]. Сложность и невыполнимость данного плана признавалась, прежде всего, британскими генералами¹⁴, поскольку успех фронтальной атаки напрямую проистекал от активности обходной колонны генерала Аберкромби в районе Хорна и Пурмэренда. Этот маневр должен был привлечь к себе внимание и значительную группировку сил французов и голландцев [Ibid., р. 192], а движения армии на поле боя должны были регулироваться маршем левой колонны¹⁵.

Однако совет утвердил его, и в данном случае позиция генерала Германа вполне понятна: не имея опыта в сражениях в Голландии, русский командующий полностью положился на знания союзников, тем более что никто из английских генералов не стал возражать открыто. В этом сражении в первый и в последний раз в течение кампании крупные русские и английские контингенты были объединены друг с другом.

В Первом отделении генерала Германа, находившегося на правом фланге боевой линии, где были, в основном, собраны русские войска, их поддерживали британские подразделения: пехотная бригада генерал-майора Р. Маннерса (3 батальона) и 7-й полк легких драгун лорда Г.У. Пэджета, а во Второе отделение (колонна генерал-лейтенанта Д. Данадаса) входил отряд генерал-майора А.К. Седморацкого: рота егерей, сводный гренадерский батальон Эриксона, полк Седморацкого и четыре 12-фунтовых единорога¹⁶. Всего порядка 2100 чел. [12, с. 43].

В день сражения этот отряд стремительной атакой ворвался, при поддержке британской гвардии, в д. Варменгейзен, захватил 700 пленных и 3 пушки [Там же, с. 50], о чем герцог упомянул в рапорте Павлу I. Отметим, что генерал Седморацкий в ходе боя четко выполнял приказы английского командующего, чего, к сожалению, нельзя сказать об английском генерале Маннерсе и лорде Пэджете, которые не только перестали подчиняться командующему колонны, но и фактически, по единодушному мнению русских, а также голландцев и французов,

¹⁴ Bunbury H.E. Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799–1810. L., 1854. P. 15, 50; The Diary of Sir John Moore. J.F. Maurice (ed.). Vol. 1. L., 1904. P. 350.

¹⁵ Bunbury H.E. Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799–1810. L., 1854. P. 51.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 26. Л. 19.

просто бросили своих союзников на поле боя [12, с. 350]¹⁷. Даже британский генерал Банбери нехотя признает, что, «если бы был резерв, свежий и в хорошем состоянии, битва была бы выиграна. Но не было ничего, кроме массы растерянных людей. С таким людьми нечего ожидать победы над активными и умелыми французами, воюющими на своей земле»¹⁸.

Да и сам герцог Йоркский не сделал ровным счетом ничего, чтобы поддержать русских: ни Маннерс, ни Педжет не только не понесли никакого наказания, но им даже не высказали порицания. При этом русские части были единственными, которые в тот день выполнили поставленную задачу, понеся при этом огромные потери – убитыми 43 генерала и офицера и 1749 нижних чинов, ранеными 50 офицеров и 1225 нижних чинов – всего 3057 человек, в т.ч. в плен попал и командующий корпусом генерал Герман [Там же, с. 347]. Было потеряно 2 знамени и 12 пушек [Там же]. Британцы лишились всего 1116 солдат и офицеров.

После этого подобного объединения частей уже более не производилось и генерал-лейтенант И.Н. Эссен, принявший командование корпусом, справедливо ссылаясь на значительные потери, прекратил практику выделения российских частей на усиление английских соединений. Однако, как уже отмечалось, это поражение в корне изменило отношения между союзниками. В качестве первой причины можно назвать личную обиду и разочарование герцога Йоркского. Во-вторых, герцог оказался в весьма сложной политической ситуации. С одной стороны, неудача под Бергеном стала его очередным поражением и фактически уже поставила крест на всей операции, которая готовилась британским правительством с таким напряжением сил и затратами, что ее провал мог однозначно быть использован политическими противниками действующего кабинета, недовольство которых в парламенте смогли преодолеть, только гарантировав абсолютный успех экспедиции. Причем неудачу нужно было объяснить факторами, не зависящими от британской стороны, и русский корпус на эту роль подходил идеально. С другой стороны, было ясно, что поражение будет болезненно воспринято в Петербурге и вызовет гнев Павла I, особенно если станут известны причины произошедшего, что может иметь далеко идущие последствия не только для операции, но и для коалиции в целом.

¹⁷ Krayenhoff C.R.T. Geschiedkundige Beschouwingen den Oorlog op het Grondgebied der Bataafse Republiek in 1799. Nijmegen, 1832. P. 164.

¹⁸ Bunbury H.E. Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799–1810. L.: Richard Bentley, 1854. P. 15.

Исходя из этого, герцог Йоркский выдвинул две версии причин поражения, которые условно можно определить как внешне- и внутриполитическую. Обе версии имели сходство в одном: виноваты в поражении русские, и различались версии только акцентами в изложении событий. В рапорте Павлу I в самых изысканных выражениях поражение русских войск в битве объяснялось, с одной стороны, «рвением и жаром» русских войск, а с другой – тем обстоятельством, что генерал Герман попал в плен, что пагубно воздействовало на русских солдат. Георг III на открытии парламентской сессии также будет говорить о храбости русских и в качестве причин отступления назовет «нехватку патронов»¹⁹.

О том, что рапорт императору не более чем уловка, герцог откровенно напишет 20 сентября 1799 г. в Англию военному секретарю Г. Дандинсу. «Я, насколько это возможно, старался избегать в своей депеше высказываний против поведения русской армии, зная, какие последствия это повлечет в отношении хорошего настроения императора, и, если вы посчитаете, что в письме есть какие-либо выражения, слишком резкие или которые могут оскорбить его, сделайте мне одолжение, измените их до того, как они будут опубликованы. Но только из-за их поведения мы были вынуждены отказаться от преимуществ, которые мы получили, и почти все наши бедные товарищи, которых мы потеряли, пали, прикрывая их отступление» [2, с. 182].

В том же письме герцог сожалел, что наибольшие потери британцы понесли, прикрывая своих союзников, но английские войска «ни в малейшей степени не подавлены тем, что произошло, и... полностью осознают преимущество, которое они получили и от которого они были вынуждены отказаться из-за неудачи русской колонны» [Там же]. Данная версия будет активно муссироваться во властных кругах Британии и даже в дальнейшем станет предметом попыток официального разбирательства в британском парламенте [11, с. 66–67]. Но еще быстрее подобная оценка событий распространилась по армии. В итоге, суммируя переписку и воспоминания английских офицеров и солдат, отметим, что в британской армии русские заработали устойчивое восприятие «плохих союзников», потому что они якобы были неспособны подчиняться приказам, не соблюдали дисциплины, не имели представления о тактике боя, да к тому же еще и проявили себя как жестокие варвары – грабители и убийцы.

Можно согласиться с британским историком Эндрю Лиммом, который констатировал, что герцог просто не признавал своих ошибок

¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 83. С. 2079–2080.

и никоим образом не разобрался в действительных причинах поражения [20, р. 134]. Генерал Банбери напишет в своих воспоминаниях: «Герцог Йоркский питал к русским яростное презрение и неприязнь. Он высмеивал их за своим столом и говорил о них пренебрежительно»²⁰. В то же время с русской стороны констатировалось отсутствие обещанного договором снабжения русского корпуса всеми необходимыми припасами, желании поручать русским войскам наиболее сложные задачи, выполнение которых связано с большими потерями, а также неоказания поддержки в критический момент боя.

При этом «невнимательное» отношение к русским войскам на поле боя отмечается не только во время битвы под Бергеном. Похожую ситуацию мы наблюдаем и в битве при Кастикуме 6 октября 1799 г. В своем рапорте императору генерал Эссен напишет, что «английская колонна, назначенная для прикрытия нашего фланга, не двинулась... В половине второго часа превосходный числом неприятель, чувствуя важность занятых нами возвышеностей, устремил на них все свои силы и, видя наш правый фланг без защиты, окружил его» [5, с. 40]. После серии настоятельных просьб, а в конце уже и требований со стороны русского генерала, британские части генерала Аберкромби пришли на помощь русским, но это запоздалое действие позволило только стабилизировать линию фронта. Возможность выиграть сражение к тому времени была упущена.

Относительно чрезмерного использования русских войск в боевых действиях отметим, что русский вспомогательный корпус, составляя примерно 1/3 часть всех экспедиционных сил, во всех сражениях принимал участие практически в полном составе. Так, в битве при Бергене 19 сентября из 23 тыс. союзных войск 10 тыс. были русские, а в битве при Кастикуме – 11 тыс. из 25 700 чел., имевшихся на поле боя в союзной армии [4, с. 41]. Кроме того, важным моментом, повлиявшим на боевые действия, стало отсутствие у русских войск действенной артиллерийской поддержки. По настоянию британской стороны, русские войска отправились в поход практически без артиллерийского медицинского, корпусного обоза, а также лошадей [8, с. 58].

После высадки русского корпуса в Голландии союзниками было выделено на одно русское орудие всего по две лошади, что окажется совершенно недостаточным [7, с. 183]. Вследствие нехватки лошадей в сражениях было потеряно большинство русской артиллерии, а также, например, не была произведена эвакуация раненых из лазаретов

²⁰ Bunbury H.E. Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799–1810. L., 1854. P. 23.

в Эгмонт-он-Гуф [10, с. 135], в которых пришлось оставить 216 русских раненых²¹. Впрочем, при эвакуации из Голландии английская сторона также не особо заботилась о сохранности русского обоза и снаряжения. Например, в гренадерском полку Завалишина по указанию капитана английского корабля было оставлено на берегу 5 патронных ящиков²². Майор Андреев из мушкетерского полка Ферзена докладывал, что часть полкового имущества «за беспорядочным амбаркированием (посадкой на корабли. – А.В.) не была загружена, о чем командование полка даже не предупредили»²³. Кроме того, 7 патронных ящиков полка были сожжены в Гальдере, а у аптечного ящика были обрублены оглобли, и после погрузок и перегрузок он был приведен в полную негодность²⁴. В итоге, на о-ва Гернси и Джерси русские войска прибыли без обозов и в самом жалком виде.

О степени «союзнических отношений» можно судить по тому обстоятельству, что в конце сентября 1799 г. английской стороной, без согласования с русскими, началась самовольная погрузка на суда части русского обоза, что вызвало недоумение у генерала Эссена, который поручил полковнику Сербину – старшему русскому начальнику в Гальдере, разобраться, куда, с какой целью и на какие корабли грузится русское имущество²⁵.

Обращает на себя внимание и широко распространившиеся в союзной среде в период с сентября по ноябрь 1799 г. обвинения русских в отсутствии дисциплины и жестокостях по отношению к мирному населению.

Под «дисциплиной» в данном случае следует понимать то расстройство боевых порядков, которое произошло с русскими войсками в битве при Бергене, а также сама атака, начатая русскими егерями передового отряда вследствие неожиданного столкновения с аванпостами противника [3, с. 65]. Действительно, в результате непогоды, ночной атаки, нескоординированных действий генерал-майора И.И. Арбенева, находясь под постоянным огневым воздействием противника, стреляя в ответ, части в наступавших утренних сумерках часто обстреливали дружественные отряды. Войска пришли на какое-то время в значительное расстройство. При этом русскому командованию удалось в ходе

²¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Д. 2869. Ч. 1. Л. 5 об.

²² Там же. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 19. Ч. 1. Л. 5 об.

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ Там же. Л. 19 об.

²⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 37. Л. 27.

атаки восстановить в войсках относительный порядок и, более того, впоследствии таких «расстройств» не происходило.

Вместе с этим, британское командование, готовя сражение, не обеспечило наступающие русские войска материалами для устройства мостиков через многочисленные канавы, войска не имели проводников из местных жителей, по некоторым данным, даже карт местности.

При этом вопрос о «зверствах» и «мародерстве» русских войск во время сражения стоит осветить несколько подробно. Рапорт капитана Г. Тейлора – основной источник «британской» версии действий русского корпуса в битве при Бергене – о каких-либо грабежах и пьянстве русских солдат в данном сражении не упоминает. А ведь этот офицер был свидетелем атаки. Нет этого и в уже упомянутом письме герцога Йоркского от 20 сентября, т.е. через два дня после сражения. Однако слух о грабежах и насилиях, творимых русскими, быстро распространился по союзной армии. Английский инженерный офицер Дж.Р.Э. Финлей писал своей жене, что русские потерпели поражение, поскольку по взятии Бергена «позволили себе разбежаться для грабежа, подверглись удару в правый фланг, впали в смятение и сдались, потеряв 1700 человек убитыми, ранеными и пленными»²⁶. В своем письме от 24 сентября он указывает: «Случай, произошедший 19-го числа, значительно уменьшил наше доверие к русским... Их неистребимая любовь к грабежу, как я предвижу, создаст нам много врагов»²⁷. Отметим, что в письме упоминается не только отсутствие у русских войск дисциплины, но и те самые массовые грабежи. Само же письмо отражает современный на тот момент английский взгляд на ситуацию в союзной армии. Следует признать, что грабежи брошенных хозяевами домов со стороны русских солдат действительно были, но они не носили массового характера и были связаны, прежде всего, с тем, что солдаты были голодны и искали пропитание. Однако вся ситуация с грабежами стала плодом многочисленных неподтвержденных фактами слухов, распространявшихся после битвы при Бергене, которые разносили как солдаты враждующих армий, так и беженцы [19, р. 77].

Эта непроверенная информация о «зверствах» была подхвачена голландской прессой и властями, пытавшимися побудить нацию на противостояние «диким варварам», прибывшим с Востока [Ibid., р. 78], сформировавших негативный образ русских солдат в период с 23 по 25 сентября 1799 г. [Ibid., р. 79]. Позднее, во время официального расследования,

²⁶ Wace A. (ed.) A British Officer on Active Service, 1799. *The Annual of the British School at Athens*. 1919. Vol. 23. P. 134.

²⁷ Там же.

власти Бергена сообщили, что в сражении 19 сентября в городке было разграблено 7–8 домов, один мирный житель убит (нет подтверждения, что его убили именно русские), двое ранены и один пропал без вести. При этом в отчете значилось: «ни одно лицо не подвергалось жестокому обращению со стороны русских, не было разграблено ни найденное золото, ни серебро» [19, р. 66]. Таким образом, русские солдаты стали жертвой того, что сейчас называют фейками и информационной войной, которая не нашла своего отклика у голландцев, но была с готовностью воспринята британцами, у которых «русские грабители и убийцы» прекрасно дополняли образ «недисциплинированного варвара», «ненадежного союзника», ну а разбираться в правдивости всех этих измышлений в британской армии никто не собирался.

Наконец, в напряжении отношений сыграла свою роль и политика генерала Эссена, храброго и знающего офицера, но без дипломатических способностей, во главу угла ставившего интересы русского корпуса. Занятая им жесткая позиция, как в отношении исполнения англичанами обязанностей по снабжению корпуса и планирования дальнейших военных операций, неприятно удивила британскую сторону. При подготовке к следующей битве Эссен буквально забрасывал штаб герцога Йоркского письмами, в т.ч. и с требованиями конкретизации и разъяснения действий британцев по поддержке русских войск в предстоящем сражении [16, р. 104].

Уступая давлению, герцог Йоркский, не привыкший к такой строптивости подчиненных, при планировании новой атаки на противника был вынужден переместить две бригады из колонны генерала Даунса для охраны русского правого фланга. С разумностью русских требований вынуждены согласиться западные историки. Например, Филипп Болл пишет: «хотя некоторые утверждают, что это ослабило натиск на Берген (во время Второй битвы 2 октября 1799 г. – А.В.), это предотвратило возможное повторение того, что произошло 19 сентября, когда русские были обойдены с фланга из дюн» [Ibid.].

Не менее жестко генералом Эссеном рассматривались и вопросы снабжения корпуса и, прежде всего, потому, что собственный обоз корпуса, в основном, был оставлен в Ревеле, поскольку, по уверению британских представителей, был в Голландии «совершенно бесполезным» [10, с. 135]. Союзники гарантировали, что все лошади, лагерное имущество, обозы, снабжение и продовольствие, согласно взятым обязательствам, будут выдано на месте, но, к сожалению, этого не случилось. Буквально все, что требовалось корпусу, приходилось, как писал Эссен, «вытребовать» или «выбивать». 12 сентября (ст. ст.) 1799 г. после многочисленных просьб герцог наконец-то выделил лошадей для подвоза

русской артиллерии на позиции от места высадки на п-ве Гальдер²⁸. В конце концов, британская сторона открыто признала, что не может обеспечить русский корпус лошадьми и экипажами в полном объеме, и генерал Эссен начал выбивать для офицеров денежную компенсацию «представленных неудобств»²⁹.

20 сентября генерал Эссен начал упорядочивать получение провианта от английских союзников, приказав генерал-провиантмейстер-лейтенанту Берху связаться с английским генерал-комиссаром Мотцем на предмет снабжения корпуса «по российскому положению» из расчета на одного солдата в сутки – 1,5 фунта сухарей, чарки водки и три фунта мяса и крупы³⁰, особо указывая, что поставки должны вестись бесперебойно, чтобы войска не терпели нужды в провианте. В Петербург Эссен докладывал, что его отношения с англичанами сложные, что последние «сердятся», когда он отстает от командующего интересы русского корпуса. Генерал откровенно писал императору, что он не политик: «я вовсе не имею понятия о делах политических: в бумагах Германа я не нашел никаких указаний относительно воли В.И.В. по предметам политическим» [цит. по: 12, с. 375].

В итоге, против генерала сложилась коалиция в составе как британских военных и политических деятелей, так и присоединившегося к ним русского посла Воронцова. Военный историк генерал-лейтенант А.Н. Орлов дал такую оценку сложившейся ситуации: «Воронцов, пробывший шестнадцать лет послом в Лондоне, почти переродившийся в англичанина и уже теперь ближе принимавший к сердцу интересы Англии, чем России, опровергал донесения Эссена, выставляя его клеветником, человеком беспокойного характера, и, напротив, превозносил заботливость английского правительства, его дружелюбное расположение к русским. Эссен был отставлен от службы. Впоследствии истина донесений Эссена обнаружилась самым неотразимым образом» [14, с. 63]. При этом каких-либо серьезных конфликтов между солдатами союзной армии не было. В приказном журнале Эссена имеется всего одна запись о «недоразумении». 22 сентября (ст. ст.) на фуражировке из-за скота произошел конфликт между англичанами и солдатами полков Арбенева, Эмме и Ферзена. Приказом от 23 сентября полковым командирам было приказано разобраться и строго наказать виновных³¹. В октябре имелись неясные слухи об «англичанах, отнимающих

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 37. Л. 3.

²⁹ Там же. Св. 3. Д. 40. Л. 14.

³⁰ Там же. Св. 2. Д. 37. Л. 17.

³¹ Там же. Св. 3. Д. 40. Л. 10.

лошадей, проезжавших по Гальдерской дороге», но каких-либо доказательств, по всей видимости, представлено не было³².

К числу в целом положительных моментов англо-русского взаимодействия следует отнести медицинское обеспечение действий корпуса. Следует признать, что, несмотря на сложное положение с медикаментами, персоналом и пригодными помещениями для размещения госпиталей, английские врачи сделали многое, чтобы помочь своим русским коллегам, которые прибыли в Голландию практически без медицинского оборудования [10, с. 136–137]. Хотя генерал Эссен справедливо критиковал отношение британских медиков к русским пациентам, что по большому счету следует отнести к применению непривычных, но общепринятых в Англии методов лечения, в целом врачам удалось минимизировать медицинские потери русского корпуса [Там же, с. 143; 9, с. 79].

Наконец, рутинная работа по согласованию действий английских и русских сил не прекращалась все время. Например, 28 сентября последовал приказ всем дежурным офицерам и артиллерийским начальникам, по согласованию с английской стороной, открывать артиллерийский огонь только в случае «серезных» движений неприятеля³³. 1 октября от русского корпуса в Гальдер для оказания содействия англичанам в проведении земляных работ было определено 300 чел.; и полковнику Сербину было поручено проконтролировать как производство работ, так и получение солдатами заработанных денег от английской стороны³⁴. Начальнику отряда капитану Дрейзеру приказывалось «состоять в команде» у английского инженер-полковника³⁵.

Обратим внимание, что английские патрули задерживали не только собственных, но и русских дезертиров. Таковых ко 2 октября на о. Тексель накопилось 150 человек³⁶. Генерал Эссен обращается к адмиралу П.В. Чичагову с просьбой «истребовать» дезертиров у герцога Йоркского для доставки их в Россию³⁷.

Как видим, русское командование старалось разделить личностные и служебные отношения, задачей которых было достижение «общесоюзнической пользы», однако, к сожалению, непрекращающиеся интриги британского командования привели к тому, что к концу кампании

³² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 3. Д. 40. Л. 14 об.

³³ Там же. Св. 2. Д. 37. Л. 20.

³⁴ Там же. Л. 27.

³⁵ Там же. Л. 27 об.

³⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 37. Л. 28.

³⁷ Там же. Л. 28.

отношения между союзниками чрезвычайно осложнились. Генерал Банбери констатировал, что «русские были сердиты, угрюмы и едва ли могли считаться союзниками»³⁸. В итоге, в нарушение всех международных договоров, британское командование приняло решение о капитуляции и вели переговоры о ее условиях за спиной своих русских союзников, просто поставив русский генералитет перед свершившимся фактом [5, с. 42].

Без сомнения, имеющийся между союзниками конфликт являлся одной из причин неудачи экспедиции, но первую скрипку в нем все-таки играло британское командование.

Библиографический список / References

1. Военный энциклопедический лексикон. Ч. 2. СПб., 1838. [Voennyj enciklopedicheskij leksikon. [Military Encyclopaedic Lexicon]. Part 2. St. Petersburg, 1838.]
2. Волков А.Л. Отчет о действиях правой колонны русских под командованием генерал-лейтенанта Германа во время атаки 19 сентября 1799 года капитана Герберта Тейлора, адъютанта герцога Йоркского // Ученые записки АГУ им. В.Н. Татищева. История. Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого. Материалы VII Международной научной конференции «Астраханские Петровские чтения» (г. Астрахань, 6–7 октября 2022 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, Р.Т. Алиев. Астрахань, 2022. С. 176–186. [Volkov A.L. Report on the actions of the right column of the Russians under the command of Lieutenant-General Herman during the attack on 19 September 1799 Captain Herbert Taylor, adjutant of the Duke of York. Uchenye zapiski AGU im. V.N. Tatishcheva. Istorija. Kaspis'kij region v imperskom prostranstve. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra I Velikogo. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Astrakhanskie Petrovskie chteniya» (g. Astrakhan, 6–7 oktyabrya 2022 g.) E.G. Timofeeva, A.O. Tyurin, R.T. Aliev (eds.). Astrakhan, 2022. Pp. 176–186. (In Rus.)]
3. Волков А.Л. Во всем виноваты русские? Действия русского корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа в сражении у Бергена 8 сентября 1799 г. // Астраханские Петровские чтения. Материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый и имперские практики фронтального пространства» (г. Астрахань, 24 ноября 2021 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань, 2022. С. 61–70. [Volkov A.L. Are the Russians to blame for everything? Actions of the Russian Corps of Lieutenant-General I.I. German in the Battle of Bergen on 8 September 1799. Astrakhanskie Petrovskie chteniya. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Petr Pervyy i imperskie praktiki frontirnogo prostranstva» (g. Astrakhan, 24 noyabrya 2021 g.). E.G. Timofeeva, A.O. Tyurin (eds.). Astrakhan, 2022. Pp. 61–70. (In Rus.)]

³⁸ Bunbury H.E. Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799–1810. L., 1854. P. 33.

4. Волков А.Л. Русский вспомогательный корпус в Голландии в сентябре–ноябре 1799 г. // Военная история России XVII–XX вв. Материалы II международной научной конференции. М., 2024. С. 36–47. [Volkov A.L. Russian auxiliary corps in Holland in September–November 1799. *Voennaya istoriya Rossii XVII–XX vv. Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, 2024. Pp. 36–47. (In Rus.)]
5. Егоров А.[A.] Конфуз союзного войска: секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37–42. [Egorov A.[A.] The allied forces' embarrassment: A secret Russian expedition to the Dutch coast. Rodina. 1996. No. 6. Pp. 37–42. (In Rus.)]
6. Егоров А.А. Англо-русское военное сотрудничество в 1799 году: по материалам «Журнала Экспедиции Голландской» Ивана Федорова // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4 (64). С. 248–255. [Egorov A.A. Anglo-Russian military co-operation in 1799: On materials of "Journal of the Dutch Expedition" by Ivan Fedorov. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. No. 4 (64). Pp. 248–255. (In Rus.)]
7. Керновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т. 1. От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг. М., 1992. [Kernovsky A.A. Istorya russkoj armii v 4 tomakh [History of the Russian Army in 4 volumes]. Vol. 1. From Narva to Paris 1700–1814]. Moscow, 1992.]
8. Куницын А.А. «Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен». Миссии английского капитана Х.Р. Попхэма в Россию в 1799–1800 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 52–67. [Kunitsyn A.A. "Well, all right, if that's what you want, but I don't quite agree with it". Missions of the English Captain H.R. Popham to Russia in 1799–1800. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2017. No. 1. Pp. 52–67. (In Rus.)]
9. Куницын А.А. Из истории англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. Русские войска на британских островах Джерси и Гернси (1799–1800 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 74–84. [Kunitsyn A.A. From the history of the Anglo-Russian expedition to Holland in 1799 Russian troops on the British islands of Jersey and Guernsey (1799–1800). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. No. 4. Pp. 74–84. (In Rus.)]
10. Куницын А.А. «...В каком бедственном положении я нахожусь из-за отсутствия медицинского персонала...». Медицинское обеспечение Российской экспедиционной корпсса в Британии в 1799–1800 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 2. С. 132–146. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-15-2-132-146 [Kunitsyn A.A. "...The distress I am under for the want of hospital mates...". Medical support for the Russian Expeditionary Corps in Britain in 1799–1800. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 2. Pp. 132–146. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-15-2-132-146]
11. Лапонов А.В. Англо-русская экспедиция 1799 г. в Голландию глазами британских парламентариев // Англия, Франция, Германия, мусульманский восток. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Брянск, 2000. С. 66–67. [Laponov A.V. Anglo-Russian expedition of 1799 to Holland through the eyes of British parliamentarians. *Angliya, Frantsiya, Germaniya, musulmanskiy vostok*. Interuniversity collection of scientific papers. Issue 8. Bryansk, 2000. Pp. 66–67. (In Rus.)]

12. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I. Т. 5. СПб., 1853. [Milyutin D.A. Istorya vojny 1799 goda mezhdu Rossiej i Franciej v czarstvovanie imperatora Pavla I [The history of the War of 1799 between Russia and France during the reign of Emperor Paul I]. Vol. 5. St. Petersburg, 1853.]
13. Назаренко К.Б. Взгляд на русско-английскую военную экспедицию в Голландию в 1799 г. с точки зрения русского и британского патриотизма // Патриотизм – феномен российской истории. СПб., 2013. С. 200–205. [Nazarenko K.B. A look at the Russian-English military expedition to Holland in 1799 from the point of view of Russian and British patriotism. *Patriotism – a phenomenon of Russian history*. St. Petersburg, 2013. Pp. 200–205. (In Rus.)]
14. Орлов Н.А. Поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева. (С портр., рис. и пл.). СПб., 1898. [Orlov N.A. Pokhod Suvorova v 1799 g. Po zapisкам Gryazeva. (S portr., ris. i pl.) [Suvorov's campaign in 1799: According to the notes of Gryazev. (With portrait, fig. and pl.)]. St. Petersburg, 1898.]
15. Смирнова М.А. Британские военные о Голландской экспедиции 1799 г.: Обзор мемуарных источников // Современные вопросы источниковедения и историографии истории России. СПб., 2014. С. 139–160. [Smirnova M.A. British military about the Dutch expedition of 1799: Review of memoir sources. *Sovremennye voprosy istochnikovedeniya i istoriografi istorii Rossii*. St. Petersburg, 2014. Pp. 139–160. (In Rus.)]
16. Ball F.A. Waste of blood and treasure: The 1799 Anglo-Russian invasion of the Netherlands. South Yorkshire, 2017.
17. Dunfermline J. Lieutenant-General Sir Ralph Abercromby, K.B. A memoir of his son James lord Dunfermline, 1793–1801. Edinburgh, 1861.
18. Fortescue J.W. A History of the British Army. Vol. 4. Part II. L., 1906.
19. Koningsbrugge J.S.A.M., van. De grenzen van het beeld Het Nederlandse beeld van de Russische soldaten tijdens de Engels-Russische Invasie in Noord-Holland in 1799. Doctoraalscriptie Rijks Universiteit Groningen. 1996.
20. Limm A.R. Fairly out-Generalled and disgracefully beaten: The British Army in the Low Countries, 1793–1814. Birmingham, 2014.
21. Piechowiak A.B. The Anglo-Russian Expedition to Holland in 1799. *The Slavonic and East European Review*. 1962. Vol. 41. No. 96. Pp. 182–195.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025, принята к публикации 17.09.2025

The article was received on 13.08.2025, accepted for publication 17.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Волков Алексей Леонидович – аспирант кафедры истории факультета истории и социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева; преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Астраханский филиал Международного юридического института

Alexey L. Volkov – postgraduate student at the Department of History of the Faculty of History and Social Communications, Astrakhan State University name of V.N. Tatishchev; lecturer at the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Astrakhan Branch of the International Law Institute

E-mail: volkovl@yandex.ru

В.С. Можанов

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, г. Томск, Российская Федерация

Европейский Союз как актор в формировании глобальной экологической политики

Статья посвящена анализу роли Европейского Союза как ключевого актора в формировании глобальной экологической политики. Актуальность темы связана с возрастающей ролью экологии в глобальных процессах и активной позицией Евросоюза в этой сфере. Вопросы защиты окружающей среды влияют как на внутренние решения ЕС, так и на его отношения с другими странами. Целью данной статьи является анализ положения Европейского Союза в международной системе по защите окружающей среды. Для этого были рассмотрены основные инструменты внешней политики ЕС, которые позволяют ему влиять на экологическую политику других стран. В работе использованы методы сравнительно-исторического анализа и критического дискурс-анализа, что позволило выявить тенденции развития экологической политики ЕС и ее влияние на глобальное экологическое управление. В результатах выделены три ключевых направления политики ЕС: участие в многосторонних экологических режимах, интеграция «зеленых» стандартов в торговые отношения и применение односторонних мер. Показано, что ЕС сочетает нормативное лидерство с экономическим pragmatizmом, демонстрируя тем самым эффективную модель экологического лидерства.

Ключевые слова: экологическое лидерство, Европейский Союз, глобальное экологическое управление, устойчивое развитие, международные экологические режимы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Можанов В.С. Европейский Союз как актор в формировании глобальной экологической политики // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 120–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-120-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-120-132

V.S. Mozhanov

National Research Tomsk State University,
Tomsk, 634050, Russian Federation

The European Union as an actor in shaping global environmental policy

The article examines the role of the European Union as a key actor in shaping global environmental policy. The relevance of the topic is related to the growing role of ecology in global processes and the active position of the European Union in this area. Environmental protection issues affect both the EU's internal decisions and its relations with other countries. The purpose of the article is to analyze the European Union's position within the international environmental protection system. The study examines the primary instruments of the EU's foreign policy that enable it to influence other countries' environmental policies. The research employs methods of comparative historical analysis and critical discourse analysis, which have helped identify trends in the development of the EU's environmental policy and its impact on global environmental governance. The findings highlight three key dimensions of EU policy: participation in multilateral environmental regimes, the integration of "green" standards into trade relations, and the implementation of unilateral measures. The study demonstrates that the EU effectively combines normative leadership with economic pragmatism, thereby presenting a successful model of environmental leadership.

Key words: environmental leadership, European Union, global environmental governance, sustainable development, international environmental regimes

FOR CITATION: Mozhanov V.S. The European Union as an actor in shaping global environmental policy. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 120–132. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-120-132

В современной политике ЕС экологическая проблематика вышла на первый план. Евросоюз не только внедряет жесткие природоохраные нормы для стран-участниц, но и играет активную роль в глобальных экологических инициативах. При этом экологическое сотрудничество стало важным инструментом внешней политики ЕС, используемым для укрепления связей с другими государствами как на двусторонней основе, так и в рамках региональных проектов.

В научной среде широко представлены работы, в которых эксперты исследуют участие Евросоюза в формировании экологической повестки на многосторонних переговорных площадках (например, работы Д. Бодански [1], Р. Димитрова [4], Дж. Депледж [3]). Новизна данного исследования будет заключаться в акценте на том, как ЕС продвигает свои экологические стандарты в рамках многосторонних и двусторонних отношений, а также через свои односторонние действия.

В науке о международных отношениях лидерство представляет собой устоявшуюся концепцию, которую разрабатывали исследователи, специализирующиеся на проблемах формирования и эффективности международных режимов. Под международными режимами обычно понимается наборы неявных или явных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в данной области международных отношений [8, с. 186]. Лидеры же, в свою очередь, по определению О. Янга, «стремятся решить или обойти проблемы коллективных действий, которые мешают усилиям сторон, стремящихся получить совместные выгоды в процессах институциональных переговоров» [15, с. 285].

Первоначальные исследования в данной области не концентрировались на вопросах лидерства в экологической сфере. Однако вследствие концепция получила развитие, и значительное число авторов обратилось к анализу формирования международных экологических режимов. При этом основное внимание в научной литературе было сосредоточено на лидерской роли ЕС. Это объясняется, прежде всего, пассивной позицией США как доминирующей мировой державы. Несмотря на обладание беспрецедентными экономическими рычагами влияния, Соединенные Штаты не только воздержались от активного участия в формировании соответствующих международных режимов, но в ряде случаев сознательно блокировали этот процесс [13].

Тем временем ЕС, не обладая подобными возможностями, широко признается в качестве экологического лидера в многочисленных научных исследованиях, посвященных вопросам глобальной экологической политики. К примеру, С. Обертюр в одной из своих работ отмечал: «ЕС зарекомендовал себя в качестве международного лидера в глобальном

управлении окружающей средой в целом, в том числе в отношении защиты озонового слоя, биотехнологии, биоразнообразия и т.д., но лидерство ЕС было наиболее заметным в области борьбы с глобальным изменением климата» [11, с. 35].

В интерпретации Д. Воглера, ЕС предстает как экологический лидер, сочетающий активное участие в глобальных переговорах по окружающей среде со способностью экспортировать свои регуляторные подходы и привлекать других к реализации своей модели устойчивого роста [14].

Однако на начальном этапе развития глобального экологического движения Европейский Союз не сразу стал ключевым игроком. В то время мало кто ожидал, что ЕС займет ведущую роль в международной экологической политике [14, с. 836].

Первой проблемой, которую ЕС необходимо было решить, был вопрос о правосубъектности. До принятия в 1987 г. Единого европейского акта (EEA) у ЕС не было общей экологической политики. В EEA же вопросам защиты окружающей среды был уделен раздел XVI, в котором, помимо всего прочего, отмечалось: «В рамках своих соответствующих компетенций Сообщество и государства-члены сотрудничают с третьими странами и компетентными международными организациями. Формы сотрудничества могут быть предметом договоров между ними и другими заинтересованными сторонами»¹.

В Лиссабонском договоре, в статье 188 L, было определено, что «Союз может заключить соглашение с одной или несколькими третьими странами или международными организациями, если это предусмотрено Договорами, или если заключение соглашения необходимо для достижения в рамках политики Союза одной из целей, упомянутых в Договорах, или предусмотрено юридически обязательным для исполнения законом Союза, или может повлиять на общие правила или изменить их сферу применения»².

Становление Евросоюза как самостоятельного игрока в сфере экологической защиты во многом определялось и готовностью других стран признать его в этой роли. В 1970–1980-е гг. европейские государства вели переговоры по экологическим вопросам независимо друг от друга. Однако по мере расширения полномочий ЕС в данной области он смог завоевать авторитет среди других участников глобальной экополитики.

¹ The Single European Act: signed at Luxembourg on 17 February 1986 and at The Hague on 28 February 1986. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11986U/TXT> (date accessed: 03.06.2025).

² Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community: signed at Lisbon, 13 December 2007. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (date accessed: 03.06.2025).

Венская конвенция по защите озонавого слоя (1985 г.) ввела особый статус – «региональная организация экономической интеграции» (REIO)³, что дало ЕС право официально присоединиться к соглашению и полноценно участвовать в дальнейших международных экологических форумах.

В настоящее время можно выделить три ключевых метода, посредством которых Европейский Союз реализует свою экологическую политику в глобальном масштабе:

- 1) участие в формировании международного экологического права;
- 2) интеграция экологической повестки в различные направления сотрудничества в рамках двусторонних и многосторонних отношений;
- 3) распространение экологических норм и стандартов через систему односторонних мер.

Оценка эффективности данных методов требует четкого определения критерииев, в зависимости от того, рассматриваются ли они в контексте решения глобальных экологических проблем или как инструмент внешнеполитического влияния. В данном контексте уместно обратиться к классической работе Г. Моргентау «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир», в которой автор проводит принципиальное различие между политикой, осуществляющей ради достижения внутренних целей, и политикой, направленной на усиление международного влияния [10, с. 13].

Применительно к экологической политике данный подход предполагает необходимость разграничения между мерами, ориентированными на улучшение экологического благополучия населения, смягчение последствий глобальных и региональных экологических кризисов, сохранение природных систем, и политикой, основной задачей которой выступает воздействие на внутреннюю политику других государств.

В рамках настоящего исследования основное внимание сосредоточено на втором варианте. При этом стоит учитывать, что экологическая политика ради нее самой и ради достижения внешнеполитических целей неизбежно противоречат друг другу. В связи с этим, следует рассмотреть, какие внешнеполитические цели ЕС ставит перед собой, реализуя свою экологическую политику и с помощью каких методов он успешнее всего их добивается.

Среди исследователей существует несколько точек зрения на то, почему ЕС стремится закрепить за собой статус лидера в сфере глобальной экологической политики. К примеру, концепция «нормативной

³ Vienna Convention for the Protection of the Ozone Layer: concluded at Vienna on 22 March 1985. United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201513/volume-1513-I-26164-English.pdf> (date accessed: 03.06.2025).

силы», разработанная Я. Мэннерсом, предполагает, что ЕС продвигает свои нормы, чтобы легитимизировать себя в глазах своих скептически настроенных граждан [9, с. 244].

В рамках концепции «гражданской силы» акцентируется, что Евросоюз, сталкиваясь с ограничениями в военной сфере и внутренними противоречиями по вопросам безопасности, сделал стратегический выбор в пользу тех направлений внешней политики, где мог достигать реального влияния, прежде всего, в сфере торговых отношений и защиты прав человека [12].

Однако, по нашему мнению, ЕС продвигает экологические нормы преимущественно в соответствии с собственными экономическими интересами. Чем значительнее внутриполитическое влияние экологических движений, тем строже, как правило, становятся внутренние стандарты и тем выше степень политической приверженности их соблюдению. Вместо пассивного принятия требований, навязываемых внешними акторами, ЕС активно реализует стратегии, направленные на экспорт своих экологических норм. Указанный тезис находит убедительное обоснование в исследовании Р. Фолкнера. Оспаривая подход Мэннерса о «нормативной силе», Фолкнер утверждает, что роль Евросоюза в международной экополитике раскрывается лишь при учете ее политico-экономического измерения [6, с. 509].

В конце 1990-х гг. Европейский Союз занял позицию ведущего сторонника жесткого регулирования международной торговли генетически модифицированными организмами (ГМО). Изначально не рассматривая данное направление как приоритетное в политической повестке, ЕС, тем не менее, сыграл определяющую роль на заключительном этапе переговоров по Картхенскому протоколу о биобезопасности. Повышенное внимание к этим переговорам со стороны Союза возникло лишь после того, как усиление общественной оппозиции ГМО-продукции вынудило сторонников биотехнологий перейти к оборонительной позиции и привело к введению моратория на одобрение новых ГМО. Подобные действия Евросоюза были продиктованы стремлением распространить собственную регуляторную модель на международном уровне, одновременно защищая свои экономические интересы в сфере биотехнологий, в частности, в медицинских инновациях [Там же, с. 520].

Таким образом, основной целью ЕС в экологической политике можно считать распространение своих внутренних стандартов на международном уровне. Строгие экологические нормы внутри Союза могут снижать конкурентоспособность европейских компаний по сравнению с производителями из стран с более мягким регулированием. Чтобы уравнять условия конкуренции, ЕС стремится сделать свои стандарты глобальными.

Наиболее эффективным способом достижения этой цели представляется участие в разработке международных экологических соглашений. Главное преимущество такого подхода – возможность привлечь к этому процессу множество стран одновременно, создавая, тем самым, единые «правила игры» для всех участников мирового рынка. В настоящее время Европейский Союз участвует приблизительно в шестидесяти международных соглашениях по охране окружающей среды, регулирующих различные сферы – от климатической политики и биоразнообразия до управления отходами и водными ресурсами⁴.

Однако большое количество участников процесса разработки международного экологического права не только расширяет его охват, но и создает серьезные препятствия для реализации амбициозных целей ЕС. Несмотря на активные попытки закрепить свою лидирующую роль, Союз вынужден идти на компромиссы с крупнейшими мировыми державами: США, Китаем, Россией и др.

Ярче всего эта динамика прослеживается в климатической политике – ключевом направлении глобального экологического регулирования. Сравнение двух знаковых событий – климатического саммита ООН в Копенгагене (2009) и Парижского соглашения (2015) – наглядно демонстрирует эту тенденцию. Если Копенгагенская конференция признается многими исследователями как провальная, то Парижское соглашение, напротив, считается историческим и знаковым событием.

15-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в Копенгагене в декабре 2009 г. в целом принесла разочаровывающие результаты, особенно с точки зрения Европейского Союза. Несмотря на усилия ЕС, после 2012 г. мировому сообществу не удалось принять юридически обязательное соглашение, способное заменить Киотский протокол. Более того, итоговый документ Копенгагенского саммита содержал крайне скромные и малоамбициозные экологические обязательства⁵. Переговорщики ЕС имели полномочия представлять интересы ЕС на переговорах в Копенгагене, однако их действия были строго ограничены рамками согласованного мандата. Это означает, что делегированные им полномочия распространялись лишь на те вопросы, по которым государства – члены ЕС достигли консенсуса.

⁴ Multilateral Environmental Agreements (MEAs). European Commission. URL: https://environment.ec.europa.eu/international-cooperation/multilateral-environmental-agreements-meas_en (date accessed: 03.06.2025).

⁵ The Copenhagen climate agreement: EU positions and state of play. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_09_445 (date accessed: 03.06.2025).

В ходе переговоров стало очевидно, что заявленные США и Китаем цели по снижению выбросов CO₂ существенно уступали по амбициозности планам Евросоюза. Стратегия ЕС на COP15, закрепленная в мандате, предполагала убедить остальные ключевые стороны принять столь же высокие обязательства. Однако значительный разрыв между позициями ЕС, с одной стороны, и США с Китаем – с другой, сделал эту задачу практически невыполнимой [7, с. 316].

Однако во время Парижской конференции позиция ЕС не оставалась статичной: Союз регулярно корректировал свои требования, идя на компромиссы. Кроме того, изначально поставленные цели ЕС оказались менее амбициозными. Ключевыми приоритетами для Евросоюза в Париже стали сокращение выбросов парниковых газов и обеспечение прозрачности климатических мер⁶.

ЕС действительно смог достигнуть практически всех поставленных целей, однако это стало возможно во многом из-за смягчения его позиции перед началом конференции. Если бы итоги переговоров оценивались по изначальным критериям Евросоюза, установленным еще около 2011 г., их эффективность выглядела бы значительно скромнее.

Из-за подобных ограничений, с которыми ЕС сталкивается во время участия в формировании международного экологического права, он начал интегрировать экологическую повестку в различные направления сотрудничества в рамках двусторонних и многосторонних взаимодействий. Наибольший эффект данная политика возымела в отношении государств, которые впоследствии вошли в состав ЕС. Политика расширения, которую многие эксперты рассматривают в качестве одного из важнейших внешнеполитических инструментов Союза, также служит проявлением его нормативного влияния.

На текущий момент официальными кандидатами на вступление в ЕС являются девять стран: Северная Македония, Сербия, Турция, Украина, Албания, Босния и Герцеговина, Черногория, Молдова и Грузия, тогда как Косово имеет статус потенциального кандидата⁷. В ходе продолжительного процесса интеграции и после его завершения Европейский Союз значительно влияет на политику этих государств, для которых евроинтеграция стала ключевым внешнеполитическим приоритетом. Переговорный процесс структурирован по 35 тематическим разделам «acquis communautaire», включая экологическую политику, аграрный

⁶ EU position for the UN climate change conference in Paris: Council conclusions. European Commission. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/09/18/council-conclusions-un-climate-change-conference-paris-2015/> (date accessed: 03.06.2025).

⁷ EU enlargement. European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/eu-enlargement_en (date accessed: 03.06.2025).

сектор, продовольственную безопасность, ветеринарный надзор, рыбное хозяйство и энергетику⁸.

Однако экологическое влияние ЕС распространяется значительно шире – не только на новых членов и кандидатов. Союз систематически интегрирует природоохранные аспекты в отношения с третьими странами и международными организациями. Эта стратегия была закреплена еще Амстердамским договором 1997 г., который прямо предписывал включать экологические требования в разработку и осуществление политики ЕС, особенно для продвижения принципов устойчивого развития⁹. После этого т.н. Кардиффский процесс, запущенный в 1998 г., был направлен на интеграцию защиты окружающей среды во все виды деятельности Евросоюза¹⁰.

В 1990-х гг. ЕС, наряду с США, предпринимал попытки связать вопросы торговли и охраны окружающей среды в рамках международных конференций ВТО. Однако эти инициативы были встречены сопротивлением со стороны развивающихся стран, которые рассматривали такие меры как скрытую форму протекционизма развитых государств. В ответ на это ЕС начал интегрировать экологические стандарты в двусторонние преференциальные торговые соглашения (ПТС). Крупный рынок Евросоюза служит мощным стимулом для других стран присоединяться к его торговой политике нового поколения и учитывать неторговые цели, такие, как защита окружающей среды [2, с. 62]. Со временем такие соглашения эволюционировали, включая в себя все более строгие экологические требования. Показательным случаем служит договор о свободной торговле Европейский Союз – Южная Корея (2010), где особый акцент сделан на важности выполнения международных экологических договоренностей (включая Киотский протокол) и их последовательного внедрения в национальные правовые системы¹¹.

⁸ Chapters of the acquis. European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/conditions-membership/chapters-acquis_en (date accessed: 03.06.2025).

⁹ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts: signed 2 October 1997. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT> (date accessed: 03.06.2025).

¹⁰ Cardiff European Council 15 and 16 June 1998: Presidency conclusions. European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/car1_en.htm (date accessed: 03.06.2025).

¹¹ Free trade Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Korea, of the other part: date of document 14 May 2011. EUR-Lex. Access to European Union law. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22011A0514\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22011A0514(01)) (date accessed: 03.06.2025).

Однако применение многостороннего подхода осложняется геополитической конкуренцией между государствами, их расхождениями в экономической сфере и противоречивыми интересами. В условиях анархичности международной системы каждое государство руководствуется собственными приоритетами и демонстрирует различное видение путей решения глобальных проблем. В этой связи ЕС активно продвигает свои экологические нормы и стандарты посредством односторонних мер.

Такой подход демонстрирует особую эффективность при отсутствии прогресса на многосторонних переговорах. Характерным примером служит регулирование авиационных выбросов. Несмотря на то, что авиация производит около 2,5% мировых парниковых газов¹², этот сектор остается слабо регулируемым на глобальном уровне. Хотя Киотский протокол возложил ответственность за ограничение авиационных выбросов на ИКАО, переговоры в этой организации зашли в тупик. В ответ на это ЕС в 2008 г. принял Директиву 2008/101, установившую экстерриториальную систему торговли квотами, охватывающую все рейсы в/из европейских аэропортов независимо от национальной принадлежности авиакомпаний¹³.

Данная инициатива вызвала протесты со стороны множества стран и иностранных авиакомпаний. В итоге директива о включении авиационных выбросов в СТВ была «заморожена» при том условии, что государства придут к соглашению в рамках ИКАО. На этом фоне оживились многосторонние переговоры. 6 октября 2016 г. ИКАО объявила о достижении соглашения под названием «Схема компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации» (CORSIA)¹⁴.

Климатическая стратегия ЕС включает еще одно важное направление. Несмотря на собственные успехи в снижении выбросов, Союз сталкивается с проблемой их роста в других странах. Для решения этой дилеммы в 2019 г. в рамках «Зеленой сделки» был предложен механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ). Его цель – предотвратить углеродную утечку, возникающую при переносе производств за пределы ЕС или замещении европейской продукции более «грязным»

¹² What share of global CO₂ emissions come from aviation? Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/global-aviation-emissions#:~:text=Aviation%20accounts%20for%202.5%25%20of,to%20global%20warming%20to%20date.&text=Flying%20is%20one%20of%20the,How%20does%20this%20add%20up%3F> (date accessed: 08.07.2025).

¹³ Directive 2008/101/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/101/oj/eng> (date accessed: 03.06.2025).

¹⁴ Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSIA). ICAO. URL: <https://www.icao.int/environmental-protection/CORSIA/Pages/default.aspx> (date accessed: 08.07.2025).

импортом¹⁵. Однако исследования показывают, что СВАМ может создать барьеры для торговли развивающихся стран, не достигнув заявленных экологических целей. Например, группа ученых из Потсдамского института исследований воздействия на климат провела комплексный анализ данной проблемы. В своем исследовании авторы пришли к выводу, что наибольшие экономические потери от введения СВАМ понесут страны Северо-Западной и Южной Африки, а также государства Юго-Восточной Европы [5].

Современная система международного экологического управления представляет собой динамичную сферу, где экологические вопросы тесно переплетаются с политическими и экономическими процессами. Европейский Союз, не обладая экономической мощью США и имея объем парниковых выбросов в несколько раз меньший, чем у Китая, тем не менее, остается в качестве одного из ключевых акторов глобальной экологической политики.

Успехи Европейского Союза в сфере экологической политики во многом объясняются его уникальной способностью гибко комбинировать различные инструменты влияния. Союз не только активно участвует в разработке международного экологического права через многосторонние переговоры, но и последовательно встраивает экологические нормы в двусторонние соглашения. Более того, когда международные переговоры заходят в тупик, ЕС демонстрирует готовность идти на опережение, принимая односторонние меры, которые зачастую задают новый вектор глобальной экополитики.

Казалось бы, борьба с изменением климата, загрязнением окружающей среды и утратой биоразнообразия должна объединять мировое сообщество. Однако на практике экологическая повестка все чаще становится ареной geopolитического соперничества. Даже признавая, что эти угрозы носят глобальный характер, государства продолжают действовать в логике классической международной анархии, где национальные интересы нередко преобладают над коллективными усилиями.

Тем не менее, было бы ошибкой считать, что международные экологические режимы неэффективны. Такие примеры, как Монреальский протокол, доказали, что согласованные действия могут приносить реальные результаты. Однако современные вызовы, такие, как изменение климата, требуют куда более сложных и масштабных решений. И здесь возникает ключевой вопрос: кто возьмет на себя роль лидера?

¹⁵ Establishing a carbon border adjustment mechanism: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council of 14 July 2021. EUR-Lex. Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:52021PC0564> (date accessed: 03.06.2025).

Кто будет определять правила игры, расставлять приоритеты и распределять бремя ответственности?

Европейский Союз предлагает модель, в которой экологическая политика становится инструментом «умной» силы (smart power). С одной стороны, он позиционирует себя как защитник глобальных экологических ценностей, с другой – умело использует эту повестку для продвижения собственных экономических интересов. Механизмы вроде СВАМ, «зеленых» торговых соглашений и климатической дипломатии позволяют ЕС не только расширять сферу влияния своих стандартов, но и формировать новые правила игры для других участников.

Библиографический список / References

1. Bodansky D. The Copenhagen Climate Change Conference: A Postmortem. *American Journal of International Law*. 2010. Vol. 104. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1553167 (date accessed: 08.07.2025).
2. Postnikov E. Environmental instruments in trade agreements: Pushing the limits of the dialogue approach. *Postnikov E. The European Union external environmental policy: Rules, regulations and governance beyond borders*. Cham, 2017. Pp. 59–79.
3. Depledge J. The Organization of Global Negotiations: Constructing the climate change regime. Routledge, 2016.
4. Dimitrov R.S. Inside UN climate change negotiations: The Copenhagen Conference. *Review of Policy Research*. 2010. Vol. 27 (6). Pp. 795–821.
5. Eicke L., Weko S., Apergi M., Marian A. Pulling up the carbon ladder? Decarbonization, dependence, and third-country risks from the European carbon border adjustment mechanism. *Energy Research and Social Science*. 2021. Vol. 80. DOI:10.1016/j.erss.2021.102240
6. Falkner R. The political economy of “normative power” Europe: EU environmental leadership in international biotechnology regulation. *Journal of European Public Policy*. 2007. Vol. 14 (4). Pp. 507–526.
7. Groen L., Niemann A. The European Union at the Copenhagen climate negotiations: A case of contested EU actorness and effectiveness. *International Relations*. 2013. Vol. 27. No. 3. Pp. 308–324.
8. Krasner S.D. Structural causes and regime consequences: Regimes as intervening variables. *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 185–205.
9. Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40 (2). Pp. 235–258.
10. Morgenthau H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace. N.-Y., 1948.
11. Oberthür S., Kelly C.R. EU leadership in international climate policy: Achievements and challenges. *The International Spectator*. 2008. Vol. 43 (3). Pp. 35–50.
12. Orbis J. Civilian power Europe: Review of the original and current debates. *Cooperation and Conflict*. 2006. Vol. 41 (1). Pp. 123–128.
13. Porter G., Brown J.W. Global environmental politics. 2nd ed. Boulder, 1996.

14. Vogler J. The European contribution to global environmental governance. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. 2005. Vol. 81 (4). Pp. 836–848.
15. Young O.R. Political leadership and regime formation: On the development of institutions in international society. *International Organization*. 1991. Vol. 45 (3). Pp. 281–309.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025, принятa к публикации 28.09.2025
The article was received on 17.06.2025, accepted for publication 28.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Можанов Вячеслав Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Vyacheslav S. Mozhanov – PhD student at the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Science, National Research Tomsk State University

E-mail: slmozhanov@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-133-147

УДК 327.8

В.П. Скороходова

Южный федеральный университет,
344022 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Контрсанкционная политика России: исторические уроки и современные вызовы

В статье проводится комплексный ретроспективный анализ эволюции санкционного давления на Россию и формирования стратегии противодействия ему. Исследование охватывает значительный исторический период, начиная с торгово-информационных ограничений времен Ливонской войны и заканчивая беспрецедентным по масштабу санкционным режимом, инициированным западными государствами после 2014 и 2022 гг. Цель работы заключается в выявлении ключевых механизмов и оценке эффективности ответной политики российского государства в условиях внешнего принуждения. На основе историко-сравнительного и институционального методов автор прослеживает трансформацию санкций из эпизодического инструмента в тактическое оружие высокой интенсивности, составляющее основу современной geopolитической конфронтации. Доказано, что, несмотря на высокие издержки, ответные меры в различные исторические периоды выступали катализатором внутреннего развития: от модернизационных реформ XIX в. и форсированной индустриализации XX в. до политики импортозамещения и построения суверенной экономики на современном этапе. Особое внимание уделено институциональному оформлению контрсанкционной политики после 2014 г., включающему

формирование комплексной нормативно-правовой базы и реализацию стратегии, нацеленной на достижение экономической автономии через переориентацию внешнеэкономических связей и развитие национальных финансовых и производственных инфраструктур. В заключении оцениваются перспективы и системные риски избранной стратегии в условиях деструктивных внешних воздействий.

Ключевые слова: санкции, geopolитическая конфронтация, национальные интересы, политическое давление, экономический суверенитет, контрсанкционная политика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Скороходова В.П. Контрсанкционная политика России: исторические уроки и современные вызовы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 133–147. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-133-147

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-133-147

V.P. Skorokhodova

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation

Russia's counter-sanctions policy: Historical lessons and contemporary challenges

The article provides a comprehensive retrospective analysis of the evolution of sanctions pressure on Russia and the development of a strategy to counter it. The study covers a significant historical period, from the trade and information restrictions during the Livonian War to the unprecedented sanctions regime initiated by Western countries in 2014 and 2022. The aim of the article is to identify key mechanisms and assess the effectiveness of the Russian government's response to external coercion. Based on historical-comparative and institutional methods, the author traces the transformation of sanctions from an episodic tool into a high-intensity tactical weapon that forms the basis of modern geopolitical confrontation. It is proven that, despite the high costs, retaliatory measures have acted as a catalyst for internal

development in various historical periods, from the modernization reforms of the 19th century and forced industrialization.

Key words: sanctions, geopolitical confrontation, national interests, political pressure, economic sovereignty, counter-sanctions policy

FOR CITATION: Skorokhodova V.P. Russia's counter-sanctions policy: Historical lessons and contemporary challenges. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 133–147. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-133-147

Современные geopolитические реалии характеризуются введением взаимных санкций между ведущими мировыми державами, что способствует усилению нестабильности международной обстановки и требует от государств разработки эффективных контрмер для защиты собственных интересов. Сегодня можно констатировать значительную эволюцию санкций, которые из эпизодического инструмента давления превратились в постоянно используемое тактическое оружие высокой интенсивности, способное угрожать национальной стабильности стран-мишеней. Санкционная политика в настоящее время занимает особое место среди инструментов внешней политики. Она выступает альтернативой использованию силовых методов и дополнительным средством укрепления позиции в переговорах. Санкции, обладающие глубокими историческими корнями, нередко применяются государствами в качестве инструмента принуждения для выполнения целевыми странами определенных требований, преимущественно политического или экономического характера. Ряд исследований свидетельствует о том, что в сложившихся условиях Российской Федерации удерживает лидерство по количеству наложенных на нее ограничительных мер. В июле 2025 г. Евросоюз принял 18-й пакет санкций, несмотря на противодействие со стороны Венгрии и Словакии, обеспокоенных своей энергетической безопасностью, однако впоследствии их позиция сместилась в поддержку санкций. Данный пакет, именуемый как один из «самых жестких» в отношении России, нацелен на усиление давления на нефтегазовый и финансовый секторы, военную промышленность. В сентябре 2025 г. Еврокомиссией был принят 19-й пакет антироссийских санкций, что требует постоянной адаптации контранакционной политики. В ответ на эти недружественные действия Россия продолжает отстаивать свои национальные интересы и курс на установление справедливого миропорядка.

Изучение санкционной политики в мировом масштабе и ее перспектив остается актуальной темой, вызывающей пристальный интерес. Особого же внимания заслуживает изучение влияния таких ограничений на отдельные страны, что представляет собой сложную и важную исследовательскую проблему. Цель настоящей работы состоит в анализе ответной стратегии России на политику западных санкций, выявлении ключевых механизмов противодействия и оценке эффективности реализуемых контрсанкционных мер. В основе исследования лежит гипотеза о том, что меры противодействия антироссийским санкциям в различные исторические периоды, несмотря на высокие издержки, выступали катализатором развития национальной экономики: укрепляли внутреннюю устойчивость государства, давали импульс для роста собственного производства и технологической базы, что снижало зависимость от внешней конъюнктуры и смягчало последствия ограничительных мер.

Изучение экономических санкций как инструмента внешней политики в значительной степени базируется на исследованиях зарубежных ученых. В частности, к числу наиболее авторитетных работ относится неоднократно переиздававшаяся (1985, 1990, 2007) монография Г. Хафбауэра, Д. Шотта, К. Элиота и Б. Оега «Экономические санкции: новый анализ», ставшая ключевым источником для последующих исследований в данной области [19]. Авторы рассматривали санкции как инструмент экономического воздействия на внешнюю политику стран-мишеней и разработали их классификацию по типу политических целей, преследуемых государствами-инициаторами.

Ужесточение санкционного режима в отношении России вызвало повышенный интерес к его более глубокому изучению со стороны отечественных ученых. К примеру, Д.Г. Балуев [3], С.Ю. Глазьев [4], В.Е. Корольков [9] и ряд других авторов рассматривали преимущественно влияние санкций на экономическую сферу. При этом в работах С.А. Афонцева [2], Н.И. Дмитриевой [6], И.Н. Тимофеева [17] и др. акцент делается на политических аспектах. На наш взгляд, историко-политологический анализ эволюции антироссийских санкций остается менее разработанным направлением, рассматривается фрагментарно отдельными авторами. В частности, его затрагивали такие исследователи, как Ю.С. Колесникова, В.В. Моисеев [13], Е.В. Лаптева [11]. Такое положение дел обусловлено фокусировкой внимания большинства исследователей на анализе текущей санкционной ситуации. Между тем, исследование антироссийских санкций как единого феномена с глубокими историческими корнями позволило бы выявить долгосрочные закономерности и циклы санкционного противостояния, что крайне

важно для прогнозирования развития текущей геополитической конфронтации.

Ретроспективный анализ позволяет утверждать, что история антироссийских санкций отчетливо обозначилась в период позднего Средневековья, когда европейские страны начали активно использовать торговые и политические ограничения. События XVI в., связанные с расширением и становлением России как централизованного государства, а также деятельность русских царей стали вызывать серьезную обеспокоенность крупных европейских держав. Во времена Ливонской войны, начатой Иваном Грозным с целью получения Россией выхода к Балтийскому морю, в европейской политике начали применяться «меры против Московского государства». Очевидным свидетельством этого курса явилась широкая кампания по очернению России. Данная деятельность создавала информационно-идеологический барьер для сдерживания культурного и цивилизационного роста русского государства в интересах сохранения сложившегося баланса сил в западноевропейской политике и заложила фундамент восприятия России на столетия вперед. «Московские листки» выступали одной из первых «ласточек» санкций (информационной войны) [10]. В них с изрядной долей фальсификации описывались быт и нрав московитов, природа и условия жизни. Целью издания было формирование негативного образа малознакомой Европе державы и лично русского царя, создание образа общего врага, отвлечение торговцев от идеи проникновения в Москвию, а также недопущение Московского царства к участию в мировой морской торговле в качестве конкурента. Со стороны Испании, в частности, предлагалось в качестве превентивной меры прекратить поставки в Москвию ряда товаров, преимущественно металла и артиллерии, запретить мастерам-специалистам отправляться туда на службу и, в целом, закрыть с ней границы.

Стремясь ликвидировать торговую монополию Ганзейского союза, Иван IV Грозный оказывал на него давление, используя торговые эмбарго, запреты и ограничения. В свою очередь, Ганза (союз северонемецких городов) проводила скоординированную торговую, военную и дипломатическую политику, направленную на сохранение своего влияния. Торговый обмен между Россией и Европой осуществлялся через ливонские порты: Ригу, Ревель и Нарву, а перевозка товаров производилась исключительно на ганзейских судах. Монополия купцов союза обеспечивалась тесной координацией с властями ливонских городов и недопущением в Россию ремесленников из других европейских государств [9]. Такое положение дел негативно сказывалось на экономике Московского государства, поскольку прямые доходы от торговли получали

иностранные посредники в ущерб интересам русского купечества. Тактика Ивана Грозного включала целый арсенал средств: от прямых запретов и конфискаций до тонкой дипломатии и создания конкурентной среды. Ливонская война подорвала могущество ганзейских городов и положила конец их многолетней экономической гегемонии.

В эпоху Петра I многовековая экономическая блокада России утрастила свою эффективность. Это стало возможным благодаря обеспечению выхода к Балтике и на Каспий, а также проведению комплексной модернизации и созданию собственной промышленности. В последующий период усилиями его дочери Елизаветы, а затем и Екатерины II было создано сильное государство, по праву считавшееся влиятельным игроком на мировой арене. Так, А.А. Безбородко, советник по внешней политике того времени, отмечал: «Ни одна пушка в Европе, ни в Азии без ведома императрицы Екатерины не имела права выстрелить» [Цит. по: 12, с. 35].

В XIX в. ключевым эпизодом стала Крымская война 1853–1856 гг. Основной причиной военно-политического поражения России стали системные проблемы империи, ее отставание в технологическом и экономическом плане. Парижский мирный договор 1856 г. явился своего рода историческим прецедентом санкционного режима. Его условия стали сокрушительным геополитическим провалом, нанесшим тяжелейший удар по безопасности страны, ее международным позициям. Коалиция западных держав применила против России комплекс скоординированных мер с целью оказания экономического и политического давления. Запрет иметь военно-морской флот на Черном море, строить береговые укрепления и военные арсеналыставил под вопрос контроль над собственными территориями. Данная ситуация подтолкнула императора Александра II и его окружение к проведению Великих реформ: отмене крепостного права, военной и финансовой реформам, развитию промышленности, строительству железных дорог.

В 1871 г., воспользовавшись ослаблением Франции после франко-пруссской войны и изменением международной обстановки, России удалось добиться отмены запрета на Черноморский флот путем грамотной дипломатии. Стратегия Александра II, заключавшаяся в сосредоточении на глубинной внутренней модернизации, отказе от прямой конфронтации с европейскими державами и проведении рациональной внешней политики, оказалась чрезвычайно эффективной: она открыла путь к долгосрочному росту и развитию, позволив вернуть статус великой державы.

В XX в. активное использование санкций продолжилось. Так, в 1917 г. поводом для их введения стали переговоры между советским

правительством и Германией о заключении сепаратного мира, а также декрет ВЦИК от 21 января 1918 г. о национализации предприятий, в т.ч. принадлежавших иностранцам, и аннулировании государственных заемов царской России [14]. Национализация иностранной собственности без компенсации стала ударом по экономическим интересам западных компаний и граждан. Жесткое экономическое эмбарго против Советской России в 1918–1919 гг. было введено странами Антанты (США, Великобритания, Франция) и нанесло ей значительный ущерб. В 1925 г. «Золотая блокада» явилась важным эпизодом экономической войны против СССР, главной целью которой было ослабление советского режима, создание серьезных финансовых трудностей. В это время государство остро нуждалось в иностранной валюте для закупки промышленного оборудования в ходе индустриализации. Ряд западных стран предъявили требование оплачивать приобретаемое оборудование ресурсами: зерном, лесом, нефтью. При этом блокировалась возможность продажи золота – основного источника валютных поступлений для СССР. Борьба с этой блокадой внутри страны проводилась через комбинацию стратегий: продажу золота через третьи страны, ускорение экспорта сырья, бarterные сделки, активную дипломатию, альтернативные финансовые механизмы, внутренние меры.

Мировой экономический кризис в итоге перевесил политические противоречия. В результате, советские заказы стали «спасательным кругом» для западной экономики [8]. Великая депрессия 1929–1933 гг. заставила ведущие западные страны отказаться от политики конфронтации с СССР и перейти к прагматичному сотрудничеству. Это позволило стране, используя потребность Запада в рынках сбыта, получить доступ к необходимым технологиям, оборудованию и создать мощную промышленную базу, что впоследствии стало одним из ключевых факторов победы в Великой Отечественной войне. В период войны антироссийские санкции со стороны государств антигитлеровской коалиции не вводились, т.к. их цели противоречили основным стратегическим интересам США и Великобритании, состоявшим в разгроме нацистской армии.

С началом Холодной войны США в рамках «доктрины Трумэна» в отношении СССР стали применять новый тип экономических ограничений, блокирующих доступ к высоким технологиям и продукции [1]. Так, в 1949 г. был создан Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) для надзора за поставками технологий и стратегических товаров западными государствами в социалистические страны, преимущественно в СССР и его союзникам. Данный комитет выступал ключевым инструментом блокады в рамках политики «сдерживания» во время Холодной войны, а санкции в рамках функционирования

КОКОМ действовали до 1994 г. Его давление послужило катализатором дальнейшего укрепления и развития собственной, практически замкнутой научно-промышленной базы (советский ВПК, космическая программа, фундаментальная наука), курс на создание которой был взят еще в период индустриализации 1930-х гг. Именно эти события положили начало длительному этапу антисоветских санкций, которые трансформировались в антироссийские и продолжаются в различных формах до сегодняшнего дня.

В свою очередь, поправка Джексона – Вэнника (раздел к закону о торговле, принятый в 1974 г.) заслуженно считается одним из ключевых актов американской внешней политики 1970-х гг. Ее одобрению способствовало систематическое ограничение свободы эмиграции из СССР, а непосредственным поводом стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 г. № 3198-VIII, который возлагал на советских граждан, выезжающих на постоянное место жительства за границу, обязанность возместить государству понесенные затраты на их обучение в вузах [18]. Суть поправки состояла в ограничении торговых преференций для стран социалистического блока, которые ограничивали свободу эмиграции, особенно для евреев и других своих граждан. Это была попытка использовать экономические рычаги для влияния на внутреннюю политику СССР. Она, как дополнение к Закону о торговле США, устанавливала запрет на предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, а также на выдачу государственных кредитов и кредитных гарантий государствам с нерыночной экономикой, препятствующим эмиграции и нарушающим права человека. Фактически она была нацелена на СССР и его союзников, вводила завышенные таможенные пошлины и создавала экономические барьеры до тех пор, пока ограничения на эмиграцию не будут сняты. Ответная стратегия Л.И. Брежнева была оборонительной и реактивной, представляла собой комбинацию идеологического неприятия, дипломатического противодействия, идеологически мотивированных шагов. Несмотря на это, поправка Джексона – Вэнника стала одним из ключевых факторов технологического отставания СССР, поскольку она блокировала доступ к критически важным западным технологиям, ноу-хау и финансам, усугубляя системные проблемы советской экономики.

В период холодной войны США неоднократно применяли в отношении СССР санкции вследствие неприемлемого, по мнению администрации Вашингтона, поведения Советского Союза в той или иной международной ситуации. Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан стал своего рода водоразделом в советско-американских отношениях рубежа 1970–1980-х гг. и ключевым поводом для перехода

к политике «жесткого противодействия». В результате отмены разрешения на лов рыбы в американских территориальных водах Советский Союз терял приблизительно 75 тыс. тонн рыбы в год, а 8 января 1980 г. была запрещена выдача лицензий на продажу в СССР высоких технологий, что стало чувствительным ударом для советской экономики, в частности, в области оборонных разработок [15]. В этом же году Дж. Картер заявил об одностороннем свертывании научных, культурных и торгово-экономических связей. Самая значительная из экономических санкций, «зерновое эмбарго», в совокупности с запретом на продажу высоких технологий была нацелена на нанесение значительного ущерба экономике СССР. Однако позднее эмбарго было отменено администрацией Дж. Картера по причине ущерба собственным интересам США, т.к. такая мера ударила по благосостоянию американских фермеров. Данный запрет, впрочем, не имел значимого деструктивного эффекта в отношении СССР, в отличие от приостановки лицензий на экспорт двойного и стратегического назначения.

Еще одним важным элементом американских санкций должен был стать бойкот XXII летних Олимпийских игр в Москве в 1980 г. в связи с действиями СССР в Афганистане; это решение поддержал ряд западных стран. Попытка бойкота соревнований не удалась: Олимпиада–1980 состоялась. В качестве ответной меры СССР и его союзники организовали бойкот следующих XXIII Олимпийских игр 1984 г. в Лос-Анджелесе. Стратегия Советского Союза в ответ на санкционные вызовы носила, в основном, реактивный и оборонительный характер, будучи направленной прежде всего на смягчение их последствий и минимизацию ущерба, что отчасти обеспечивалось за счет жесткой централизации экономики и политической системы.

В 1981 г., с приходом к власти в США администрации Р. Рейгана в Белом доме взяли курс на выработку конфронтационной стратегии в отношении СССР с целью сдерживания распространения влияния Москвы путем оказания военного, экономического и политического давления. Ее главным принципом стала формула «сдерживания и взаимности» – противостояние распространению коммунизма и наращиванию военного потенциала [7]. Поддержание ограничений было призвано сократить использование западных технологий в советском ВПК, предотвратить создание экономической зависимости западных стран от торговли и энергоресурсов СССР, а также содействовать либерализации советского режима и его демократизации при одновременной заинтересованности в одностороннем ослаблении СССР. В 1981 г. был наложен запрет на поставки оборудования для строительства масштабного газопровода между Сибирью и Западной Европой, чтобы предотвратить

энергетическую зависимость Европы от советского газа и нанести экономический ущерб. Запуск газопровода произошел в 1984 г. в результате адаптационных возможностей советской промышленности, а также сопротивления отдельных европейских государств [5]. С этого времени наметилось некоторое смягчение политики «жесткого курса», однако стратегические цели оставались неизменными и реализовывались в течение двух президентских сроков Р. Рейгана (1981–1989), получив продолжение во время президентства Дж. Буша-старшего (1989–1993).

В 1991 г. распад СССР не отменил санкционную политику. С 1998 г. санкции приобрели новый характер – научно-технологический. Это было связано с растущей озабоченностью Запада передачей Россией передовых технологий, которые могли быть использованы для модернизации военного потенциала и ракетных программ т.н. стран-изгоев (Иран, Северная Корея). Американские санкции носили точечный характер, будучи нацелены на российские научно-исследовательские институты и предприятия, подозреваемые в сотрудничестве с Ираном в ракетной сфере. Санкции в отношении пяти организаций продлились до 2004 г., а в отношении еще одной – Балтийского государственного технического университета – до 2010 г.

Введенный в 2012 г. «Акт Магнитского» стал прямым идеологическим преемником официально отмененной в этом же году поправки Джексона – Вэнка, адаптировав ее инструментарий к реалиям XXI в. Его цели – продолжение давления на Россию под предлогом защиты прав человека и верховенства закона, создание негативного образа страны, дискредитация ее политического руководства и развязывание новой антироссийской информационной кампании.

Данный этап санкционного давления на Россию следует анализировать не как уникальный феномен, а в контексте длительного исторического нарратива противостояния внешним ограничениям. Модели адаптации, сформированные в периоды изоляции, – от Средневековья до холодной войны, в настоящее время сталкиваются с гораздо большей сложностью и взаимозависимостью мира, что делает эту задачу исключительно трудной. Если до 2014 г. ограничительные меры со стороны западных государств носили больше фрагментарный и точечный характер, то geopolитические решения России – присоединение Крыма и конфликт на востоке Украины – инициировали качественный сдвиг, в результате которого ограничительная политика перешла в перманентную fazu.

После февраля 2022 г. экономика России вступила в fazu глубокой структурной трансформации, обусловленной введением беспрецедентного по широте охвата комплекса санкционных ограничений со стороны

западных государств и международных институтов в связи с началом полномасштабного военного конфликта на Украине. Впоследствии это спровоцировало значительную макроэкономическую и политическую турбулентность не только в РФ, но и в глобальном масштабе, способствуя перестройке сложившихся мирохозяйственных связей. Россия продолжает удерживать лидерство по количеству наложенных на нее ограничительных мер, и по этому показателю она оставила позади прежних лидеров санкционных рейтингов – Иран, Сирию и Северную Корею. Вместе с тем, в июле 2024 г. посол США в России Л. Трейси в интервью RTVI заявила, что цель санкций – не усложнить жизнь россиян, а затруднить ведение боевых действий на Украине. По ее мнению, наращивая оборонно-промышленные мощности, РФ, несомненно, продолжает сталкиваться с трудностями в области экономической безопасности, что вполне способно стать в будущем помехой для полноценного встраивания в глобальную экономику¹.

Безусловно, трансформация ключевых секторов российской экономики не могла не отразиться на потребителях. В финансовой сфере это выразилось в частичной изоляции от глобальной системы (отключение ряда банков от SWIFT, приостановка деятельности Visa и Mastercard для международных транзакций) и ускоренном переходе на национальные финансовые инфраструктуры (карты «Мир»). В потребительском секторе массовый уход международных брендов (от McDonald's и H&M до ведущих автопроизводителей) привел к реорганизации рынка. Со своей стороны, в марте 2025 г. В.В. Путин отметил, что «санкции стали своего рода даже дополнительным катализатором позитивных структурных изменений в нашей экономике, в том числе в финансовой, технологической сферах и по многим другим ключевым направлениям»².

В условиях геополитической конфронтации в РФ сформировался институт правового противодействия внешним санкциям. Нормативно-правовой фундамент составили следующие законы: Федеральный закон от 30.12.2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах»; Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»; Федеральный закон от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», а также многочисленные подзаконные акты (указы Президента, постановления Правительства).

¹ Интервью посла США в России Линн Трейси каналу RTVI. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/ambassador-tracy-interview-with-rtvi-ru/> (дата обращения: 13.10.2025).

² Пленарное заседание съезда РСПП. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76474> (дата обращения: 13.10.2025).

Полномочия главы государства выражены в возможности выбора тех или иных мер в условиях внешних вызовов. Реализация ответной стратегии по нейтрализации санкций, включая расстановку приоритетов, является ключевым условием эффективного применения антисанкционного законодательства. По нашему мнению, ее приоритеты должны быть основаны на построении суверенной экономики и импортозамещении, совершенствовании автономной инфраструктуры, всесторонней поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, а также на повышении уровня и качества жизни населения и содействии гражданским инициативам. Такой подход полностью соответствует задачам комплексной модернизации, нацеленной на достижение технологической независимости. Институциональную основу развития и финансовый механизм поддержки отечественного производства в рамках политики импортозамещения обеспечивает Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”».

В настоящее время российское правительство прилагает немалые усилия для сохранения стабильности на внутреннем рынке, обращаясь к альтернативным торговым партнерам и инвестируя в отечественное производство, а также развивает экономические связи в рамках БРИКС. Участники этого объединения рассматривают санкции как незаконные и используют его платформу для развития диалога и поиска новых форм экономического и политического взаимодействия на основе взаимных интересов, что способствует укреплению суверенитета и снижению рисков дестабилизирующего внешнего влияния. Слаженная работа вышеперечисленных механизмов наглядно демонстрирует эффективность отечественной политики в этом направлении. Несмотря на беспрецедентный характер санкций, введенных «коллективным Западом» с весны 2022 г., российской экономике удалось продемонстрировать устойчивость. В период 2022–2024 гг. ее рост в среднем составлял 2,3%, который опережает темпы восстановления после предыдущих внешних шоков путем целенаправленных мер государственного регулирования [16].

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ демонстрирует, что санкционное давление на Россию имеет глубокие исторические корни, эволюционируя от торговых ограничений эпохи Средневековья до комплексного инструмента геоэкономической конфронтации в XXI в. Ответные стратегии российского государства на каждом из этих этапов определялись спецификой вызовов и внутренними возможностями от оборонительной адаптации до курса на структурную трансформацию

экономики. На современном этапе, инициированном событиями 2014 г. и 2022 г., санкции приобрели беспрецедентный масштаб и системный характер, что способствовало формированию института контрсанкционного регулирования, основанного на комплексной нормативно-правовой базе и реализующего стратегию, нацеленную на достижение экономического суверенитета через импортозамещение, развитие автономной инфраструктуры и переориентацию внешнеэкономических связей. Такая политика, с одной стороны, снижает зависимость от западных рынков и технологий, с другой стороны, несет риски, среди которых – технологическое отставание страны и потенциальные сложности интеграции в глобальные цепочки создания стоимости в долгосрочной перспективе.

Современная контрсанкционная политика продолжает традицию исторического ответа на внешние вызовы посредством мобилизации внутренних ресурсов и поиска альтернативных центров силы. Ее окончательная эффективность будет определяться способностью не только нивелировать текущие угрозы, но и обеспечить условия для устойчивого инновационного развития в долгосрочной перспективе, минимизируя издержки адаптации для социальной сферы и граждан.

Библиографический список / References

1. Айриян Р.С. Прохождение «доктрины Трумэна» через конгресс США // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2006. № 4 (136). С. 44–49. [Ajriyan R.S. The Truman Doctrine's passage through the US Congress. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region.* 2006. No. 4 (136). Pp. 44–49. (In Rus.)]
2. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 193–198. [Afoncev S.A. Political paradoxes of economic sanctions. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiacii.* 2022. No. 3 (55). Pp. 193–198. (In Rus.)]
3. Балуев Д.Г. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики: от Второй мировой войны до санкций против России // Международные процессы. 2014. № 3. Т. 12. С. 23–37. [Baluev D.G. The evolution of economic sanctions as a foreign policy instrument: From World War II to sanctions against Russia. *Mezhdunarodnye processy.* 2014. No. 3. Vol. 12. Pp. 23–37. (In Rus.)]
4. Глазьев С.Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар на национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 13–29. [Glazyev S.Yu. US sanctions and the Bank of Russia's policies: A double blow to the national economy. *Voprosy ekonomiki.* 2014. No. 9. Pp. 13–29. (In Rus.)]
5. Гончаров С.А. Газовая промышленность СССР в 1980-х гг.: уроки истории // Газовая промышленность. 2017. № 1. С. 100–104. [Goncharov S.A. The USSR Gas Industry in the 1980s: Lessons from history. *Gazovaya promyshlennost.* 2017. No. 1. Pp. 100–104. (In Rus.)]

6. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. 2015. № 52. С. 120–143. [Dmitrieva N.I. Economic sanctions as a tool of political pressure. *Gosudarstvennoe upravlenie*. 2015. No. 52. Pp. 120–143. (In Rus.)]
7. Калинин А.А., Никитин М.А. Формирование курса администрации Рональда Рейгана в отношении СССР в 1981–1983 гг. // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 183–187. [Kalinin A.A., Nikitin M.A. Formation of the Ronald Reagan administration's policy towards the USSR in 1981–1983. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2021. No. 5. Pp. 183–187. (In Rus.)]
8. Катасонов В.Ю. Вывоз золота из Советской России, СССР и Российской Федерации: 1917–2005 гг. // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). 2010. № 3 (429). С. 118–134. [Katasonov V.Yu. Gold export from Soviet Russia, the USSR and the Russian Federation: 1917–2005. *EKO (Ekonomika i organizaciya promyshlennogo proizvodstva)*. 2010. No. 3 (429). Pp. 118–134. (In Rus.)]
9. Корольков В.Е., Смирнова И.А., Ерофеева Т.А. Политика санкций как инструмент современных международных отношений. М., 2022. [Korolkov V.E., Smirnova I.A., Erofeeva T.A. Politika sankcij kak instrument sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij [Sanctions policy as an instrument of modern international relations]. Moscow, 2022.]
10. Лаптева Е.В. К вопросу об истории антироссийских санкций // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 4. С. 669–692. [Lapteva E.V. On the history of anti-Russian sanctions. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2017. Vol. 18. No 4. Pp. 669–692. (In Rus.)]
11. Лаптева Е.В. Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 22–27. [Lapteva E.V. Medieval anti-Russian sanctions: A historical overview. *Aktualnye problemy rossijskogo prava*. 2015. No. 6. Pp. 22–27. (In Rus.)]
12. Маслакова-Клауберг Н.И. Санкции против России в дискурсе мировой истории: период Московского государства и Российской империи // Вестник института мировых цивилизаций. 2022. Т. 13. № 2 (35). С. 29–36. [Maslakova-Klauberg N.I. Sanctions against Russia in the discourse of world history: The period of the Moscow state and the Russian Empire. *Vestnik instituta mirovyh civilizacij*. 2022. Vol. 13. No. 2 (35). Pp. 29–36. (In Rus.)]
13. Моисеев В.В., Колесникова Ю.С. История антироссийских санкций и их влияния на экономику // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 360–364. [Moiseev V.V., Kolesnikova Yu.S. The history of anti-Russian sanctions and their impact on the economy. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2024. No. 4. Pp. 360–364. (In Rus.)]
14. Моисеев В.В., Трут В.П., Сиваченко Л.А. Антироссийские санкции: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 2. Т. 29. С. 183–192. [Moiseev V.V., Trut V.P., Sivachenko L.A. Anti-Russian sanctions: History and present. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoryia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2024. Vol. 29. No. 2. Pp. 183–192. (In Rus.)]

15. Рабуш Т.В. Санкции США против СССР, их итоги и последствия (на примере антисоветских санкций 1980 года) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 45–53. [Rabush T.V. US sanctions against the USSR, their results and consequences (using the example of the anti-Soviet sanctions of 1980). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki.* 2016. No. 6. Pp. 45–53. (In Rus.)]
16. Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития. Научный доклад / под ред. М.Ю. Головнина. М., 2025. [Rossijskaya ekonomika pod sankcionnym davleniem: promezhutochnye itogi (2022–2025 gg.) i perspektivy razvitiya. Nauchnyj doklad [The Russian economy under sanctions pressure: Interim results (2022–2025) and development prospects. Research report]. M.Yu. Golovnin (ed.). Moscow, 2025.]
17. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. [Timofeev I.N. Economic sanctions as a political concept. *Vestnik MGIMO-Universiteta.* 2018. No. 2 (59). Pp. 26–42. (In Rus.)]
18. Юнгблуд В.Т., Ильин Д.В. Поправка Джексона – Вэнника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 2. Т. 13. С. 7–39. [Yungblyud V.T., Ilyin D.V. The Jackson–Vanik Amendment and the development of Soviet-American relations in 1972–1975. *Vestnik MGIMO-Universiteta.* 2020. No. 2. Vol. 13. Pp. 7–39. (In Rus.)]
19. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic sanctions reconsidered. Third ed. Washington, 2007.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025, принята к публикации 07.11.2025

The article was received on 20.10.2025, accepted for publication 07.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Скороходова Валентина Павловна – кандидат политических наук; доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Valentina P. Skorokhodova – PhD in Political Sciences; associate professor at the Department of Conflictology and National Security of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: vaskoro@sfedu.ru

Д.О. Чураков¹, Т.А. Осташенко²¹ Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация² Независимый исследователь,
101000 г. Москва, Российская Федерация

Войны памяти и освещение Великой Отечественной войны в постсоветской учебной литературе 2000–2008 гг.: тенденции, результаты, уроки

В статье исследуется этап информационных войн Запада против Российской Федерации в 2000–2008 гг. В этот период в развитии современной отечественной государственности и общественного мнения наметился поворот от идеологии периода 1990-х гг. к идеологии понимания и защиты национальных интересов и патриотизма. Основная часть статьи посвящена анализу учебной литературы тех лет, выходившей как внутри Российской Федерации, так и на постсоветском пространстве, в частности, на Украине, в Латвии и Крыму. В центре внимания авторов статьи – освещение в разнообразной учебной литературе новых постсоветских нарративов Великой Отечественной войны, те «черные мифы», которые были призваны разорвать связи между постсоветскими республиками и разными поколениями их граждан. Проделанный анализ показал, что с 2000 по 2008 г. ситуация в войнах памяти на страницах учебной литературы по истории складывалась противоречиво. В постсоветских республиках, стремившихся оторваться от России, под эгидой властей создавались конфронтационные национальные истории. В их основе лежали антироссийские и антисоветские фейки и четкие идеологические установки, направленные против общего прошлого народов Советского Союза. В Российской Федерации такой общей линии не существовало: можно отметить незавершившуюся

в указанных хронологических рамках тенденцию борьбы прежней либеральной идеологии 1990-х гг. с новой – патриотической. Авторы статьи приходят к выводу, что отказ власти от закрепления в Конституции патриотизма в качестве государственной идеологии вел к закономерному результату: решение вопроса о национальной идеологии было перенесено в учебники.

Ключевые слова: войны памяти, информационная война, учебник истории, исторические мифы, идеология, патриотизм, Российская Федерация, Конституция, историческая политика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чураков Д.О., Острашенко Т.А. Войны памяти и освещение Великой Отечественной войны в постсоветской учебной литературе 2000–2008 гг.: тенденции, результаты, уроки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 148–165. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-148-165

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-148-165

D.O. Churakov¹, T.A. Ostrashenko²

¹ Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

² Independent researcher,
Moscow, 101000, Russian Federation

Memorial Wars and coverage of the Great Patriotic War in post-Soviet educational literature 2000–2008: Trends, results, lessons

The article examines the stage of the information wars of the West against the modern Russian Federation in 2000–2008. During this period, there was a turn in the development of modern Russian statehood and public opinion from the ideology of the 1990s to the ideology of understanding and protecting national interests and patriotism. The main part of the article is devoted to the analysis of educational literature published both within the Russian Federation and in the post-Soviet space, in particular in Ukraine,

Latvia and the Crimea. The authors of the article focus on the coverage in a variety of educational literature of the new post-Soviet narratives of the Great Patriotic War, those "black myths" that were designed to sever ties between the post-Soviet republics and different generations of their citizens. The analysis showed that from 2000 to 2008, the situation in the wars of memory on the pages of educational literature on history was contradictory. In the post-Soviet republics, which sought to break away from Russia, confrontational national stories were created under the auspices of the authorities. They were based on anti-Russian and anti-Soviet fakes and clear ideological attitudes directed against the common past of the peoples of the Soviet Union. There was no such common line in the Russian Federation. The authors note that the struggle between the former liberal ideology of the 1990s and the new patriotic ideology has not been completed within the specified chronological framework. The authors of the article conclude that the government's refusal to enshrine patriotism as a state ideology in the Constitution led to a logical result – the solution of the issue of national ideology was transferred to textbooks.

Key words: Wars of memory, information war, history textbook, historical myths, ideology, patriotism, Russian Federation, Constitution, historical politics

CITATION: Churakov D.O., Ostrashenko T.A. Memorial Wars and coverage of the Great Patriotic War in post-Soviet educational literature 2000–2008: Trends, results, lessons. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 148–165. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-148-165

Введение

Темой настоящего исследования является один из этапов информационных войн Запада против современной Российской Федерации. Нижняя хронологическая граница обусловлена временем победы В.В. Путина в ходе президентских выборов 2000 г. Верхняя хронологическая граница определена войной в Закавказье в августе 2008 г. и последовавшим после нее признанием РФ независимости Южной Осетии и Абхазии. Выбор хронологических рамок объясняется тем, что в этот период в развитии современной государственности и общественного мнения наметился поворот от идеологии периода 1990-х гг. к идеологии понимания и защиты национальных интересов и патриотизма. Изучение существовавшего в тот период истории информационного противостояния рассматривается на материалах т.н. «войн памяти», которые затронули и учебную литературу постсоветских государств.

«Войны за историю» велись всегда. Российские авторы еще в начале 1990-х гг. писали о влиянии на историков политической конъюнктуры [5, с. 12]. Вместе с тем, войны памяти как особое направление информационных войн современности возникают только в период поражения СССР в холодной войне [9, с. 81]. Даже сам термин «войны памяти» – это продукт нашей эпохи [31]. Войны памяти – это исторически обусловленная форма информационных войн, направленная на разрушение будущего и прошлого народа-мишени. Народ, лишенный памяти, становится удобным объектом манипулирования. Он может полностью изменить свою природу и даже исчезнуть. Изучая феномен социальной памяти, А.Л. Никифоров доказал, что память, которую народ хранит о своей истории, выступает в качестве базы коллективной идентичности, национального самосознания [18, с. 7, 9]. Два других отечественных историка (Ю.А. Никифоров и Н.Н. Глухарев) усиливают этот тезис, распространяя его на сферу исторического образования. Они отмечают, что историческое образование – это первая ступенька в процессе формирования общегражданской идентичности, без которой просто немыслимо закрепить независимое становление нашей страны в современном мире [19, с. 97]. Неслучайно в нашей стране в учебные планы начинают входить вопросы изучения таких понятий, как «историческая политика», «информационные войны» и, собственно, «историческая память» [4; 25; 28]. Коллективное восприятие прошлого как важная часть национального самосознания изучается и за рубежом [1, с. 27].

В историографии отмечается ряд важных черт, влияющих на позиции РФ в войнах памяти и противостоянии в информационно-психологической сфере в целом. Особенно выделяются две из них. Во-первых, РФ изначально заявляла о себе как о правопреемнице Советского Союза. Со временем это положение было закреплено в конституционных поправках¹. Это создавало особое отношение к истории и ее преподаванию в школе. В большей степени, чем в других постсоветских республиках, российский учебник наследовал традицию прежнего общественного учебника истории. Во-вторых, в отличие от других постсоветских государств, наша страна отказалась еще в 1993 г. от государственной идеологии². И после внесения важных поправок в 2020 г. данное положение осталось в 13 ст. 1 гл. Конституции³. Такое положение

¹ Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. М., 2020. С. 19.

² Конституция Российской Федерации. М., 1993.

³ Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года М., 2020. С. 6.

вовсе не типично для мировой практики [3, с. 83–94], поскольку без идеологии система национальной безопасности ущербна [13, с. 51–56].

Исследователи выделяют пять направлений современных войн памяти: войны памятников; войны музеев памяти; войны документов; войны символов; войны учебников [9, с. 85].

Среди обозначенных выше направлений войн памяти наиболее опасным и разрушительным следует считать войну учебников. Этот тип войн памяти непосредственно направлен на молодежь, а негативная ориентация молодежи является важным инструментом «цветных» квази-революций [17, с. 96–111; 29; 30].

Источниковая база исследования стандартна для работ по изучаемому периоду. Это работы руководителей РФ и других участников событий; важным источником служат законодательные акты и статистика; отдельно следует сказать о прессе; некоторые авторы выделяют по критерию носителя информации такой сложный и многоплановый тип источников, как Интернет. И, конечно же, как источник для изучения поставленной в статье проблемы привлекается учебная литература по истории, в частности, выходившая в 2000–2008 гг. в РФ, Крыму, Латвии и на Украине.

Поскольку данная работа выполнена в рамках исторической науки, в ее основу положены принципы объективности, системности и историзма, включающий восприятие истории как процесса. Характер поднимаемых в настоящем исследовании проблем и многогранность проявлений современных информационных войн продиктовали необходимость использовать междисциплинарный подход. Так, результаты политологических исследований позволили по-новому подойти к тенденциям формирования современного российского государства и теории информационных войн. Результаты культурологических исследований позволили рассматривать развитие информационного пространства, в частности, его исторической составляющей, с точки зрения культурного кода. Результаты, полученные возрастной психологией, дают дополнительное понимание того, почему особое внимание в информационных войнах и «цветных» революциях уделяется молодежи.

Исследования, дискуссии, результаты поисков

Войны учебников на постсоветском пространстве ведутся, во-первых, внутри отдельных государств – тогда к ним можно применить определение «холодной гражданской войны» [9, с. 85]. Во-вторых, они ведутся между отдельными бывшими республиками СССР, провозгласившими свою независимость. И на внутреннем, и на внешнем фронтах целью

дискредитации, переписывания и множественных фальсификаций всегда выступает один и тот же объект – прежний советский общегосударственный исторический нарратив. В статье прослеживается состояние учебной литературы исследуемого периода, тенденции и результаты развития на ее страницах войн памяти и те уроки, которые могут быть извлечены для реализации практических решений в области обучения истории новых поколений граждан РФ.

Справедливо считается, что особое место в войнах памяти на постсоветском пространстве имеет отношение к Великой Отечественной войне: «для многонационального народа России память о ней составляют бесценное ядро народного самосознания» [21, с. 311].

Отметим, что на мифологизацию Великой Отечественной войны на Западе и у нас существуют разные точки зрения. На Западе имеется тенденция занижать опасность мифов о войне. Так, с позиции Алейды Ассман, с 1990-х гг. в понимании современных поколений такое понятие, как «исторические мифы», совершенно тождественно нейтральному термину «коллективная память» [1, с. 27]. К постсоветским реалиям данный подход Ассман как минимум неприменим. На материалах российских учебников тех самых 1990-х гг. можно видеть, как исторические мифы буквально насаждались, как ими пытались подменить реально существующую историческую память народа. Такой отечественный автор, как С.Г. Кара-Мурза, еще на рубеже ХХ–XXI вв. сформулировал концепцию искусственных «мифов общественного сознания». В рамках этой концепции впервые появилось такое понятие, как «черные мифы» [14, с. 179]. Такой подход свойственен и другим авторам, например, О.Е. Воронова и А.С. Трушин между понятиями исторический миф и фальсификация ставят знак равенства [9, с. 110].

Собственно говоря, борьба с фальсификацией истории 1941–1945 гг. велась и прежде. Так, еще в 1950-е гг. вышла книга маршала Советского Союза, участника Великой Отечественной войны Л.И. Еременко⁴. Ближе к нашим дням выходят книги уже профессиональных историков [7; 20 и др.]. Это лишь несколько наиболее известных примеров огромного пласта литературы по разоблачению западных мифов о Великой Отечественной войне. Но даже эти примеры свидетельствуют, что большинство мифов о войне, циркулирующих в наше время, родом из тех давних лет [6; 15].

Даже зарубежные авторы признают важный характер для русских исторической памяти о Великой Отечественной войне, а также связанных с ней мемориальных дат, прежде всего, 9 мая. Ряд исследователей,

⁴ Еременко Л.И. Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1958.

например, уже упомянутая Ассман, отмечают, что граждане РФ обрели коллективный центр координат и точку отсчета нового национального строительства в героической памяти о Победе, что эта память продолжает служить «едва ли не единственной надежной опорой» в историческом прошлом [2, с. 81–82].

Отечественными исследователями выявлено несколько вопросов, которые обозначают те смысловые зоны, которые наиболее активно подвергались фальсификации:

- о равной ответственности СССР и фашистской Германии за развязывание Второй мировой войны;
- о вынужденном характере нападения Гитлера на СССР во избежание советской агрессии (концепция «превентивного удара»);
- о несоизмеримости боевых потерь со стороны СССР и Третьего Рейха (вопрос о «цене Победы»);
- о «пакте» Молотова – Риббентропа как якобы «преступном сговоре» СССР и Германии;
- о том, что Германия не напала бы на СССР, если бы он не был «коммунистической державой»;
- о якобы повсеместной организации силами НКВД «заградотрядов» и «штрафбатов», куда попасть мог за любую провинность каждый;
- о «беспечности» Сталина, не предотвратившего агрессию Германии «упреждающим ударом», его «самоустраниении» в первые дни войны;
- о лживости «мифа о дружбе народов» в СССР военного времени;
- о якобы «ложных героях» Великой Отечественной (Николе Гастелло, 28-ми панфиловцах, Александре Матросове, Зое Космодемьянской и др.);
- о «преступлениях» советских солдат против гражданского населения на освобожденных территориях зарубежных стран в 1944–1945 гг. и др. [9, с. 110–111 и др.]

Анализ этих и других реперных точек в освещении Великой Отечественной войны позволяет выявить идеологическую направленность выходивших в 2000–2008 гг. учебников истории. Этому не препятствует, что в одном учебнике чаще всего затрагиваются не все перечисленные трудные вопросы: наоборот, часто умолчания могут также красноречиво отражать тенденцию в преподавании истории.

В изучаемый период, в сравнении с предыдущим ельцинским периодом, шло состязание прежней либеральной и новой, назовем ее патриотической, линии в написании учебной литературы. Первым учебником, в котором открыто провозглашался патриотизм как база, был учебник, созданный коллективом исторического факультета Московского педагогического государственного университета под руководством

Э.М. Щагина еще в 1998 г. Тогда в авторский коллектив входили такие известные историки, как А.В. Лубков, А.Ф. Киселёв, В.Н. Тюкавкин и др. В изучаемый период вышло два его существенно обновленных издания: 2004 и 2008 гг.

В издании 2004 г. Великая Отечественная война была освещена крупным отечественным историком А.И. Вдовиным. Этой проблематике в учебнике уделено гораздо больше внимания, чем в остальных, выходивших в те годы. В него была добавлена информация о патриотической пропаганде накануне войны, но нет даже намека на либеральные мифы предшествующего десятилетия, а некоторые, такие, как черный миф о равной ответственности сторон за войну, решительно оспаривается⁵. В учебнике жестко отвергается также миф о несоизмеримости боевых потерь СССР и Третьего Рейха, а общие потери нашей страны в 27 млн человек справедливо объяснены политикой геноцида против мирного населения СССР⁶.

В следующем издании данного учебника 2008 г. главу о войне подготовил один из ведущих специалистов по военной истории О.А. Ржешевский. В новом издании подробно показано противостояние накануне войны между западной и восточнославянской цивилизациями, роль Запада в разжигании Второй мировой войны, вклад различных народов СССР в общую Победу. Не обойдена вниманием и проблема коллaborационизма. Так, указано, что создавались «национальные» части СС: украинские, прибалтийские и др. Говорится и о тех «русских» по национальности, кто переметнулся на сторону врага⁷. В учебнике приводится новая на тот момент информация о присвоении в 2007 г. нескольким городам (Курску, Белгороду, Ржеву и др.) звания «город воинской славы», а также дана информация о городах-героях: Москве, Киеве, Минске, Керчи, Одессе, Севастополе, Сталинграде и др. Кроме того, сообщается о днях почитания воинской славы⁸. В текст учебника включен закон РФ «О знамени Победы» 2007 г.⁹

Вместе с тем, в целом в учебной литературе 2000–2008 гг. прежняя либеральная трактовка, возникшая в предшествующее десятилетие,

⁵ Новейшая отечественная история. ХХ в.: учеб. для. студ. высш. учеб. заведений / под ред. Э.М. Щагина, А.В. Лубкова: в 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 102–103.

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Новейшая отечественная история. ХХ – начало XXI века. в 2 кн. Кн. 2: учеб. для. студентов вузов, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История» / под ред. Э.М. Щагина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 130–133.

⁸ Там же. С. 136, 138–139.

⁹ Там же. С. 85–89.

сохранялась. Так, в 2002 г. в издательстве «Гардарики» вышел учебник истории XX в. авторского коллектива в составе И.М. Узнародова, А.В. Венкова и др.¹⁰ Авторы фактически обвиняют СССР в том, что именно он выступил инициатором секретных протоколов о разделе сфер влияния с Германией. Рассказ о причинах и начале Зимней войны с Финляндией построен так, что агрессором предстает Советский Союз. В терминах оккупации построен нарратив о создании новых советских республик в Прибалтике¹¹. Мягко проводится миф о том, что нападение гитлеровцев на нашу страну имело целью предотвратить советскую угрозу, для чего Гитлеру пришлось откастаться от десанта в Англию и перебросить свои «победоносные войска на восток, где медленно накапливались “большевистские орды” и нависали (*sic!*) над границами Германии, Венгрии, Румынии»¹². Инициатором создания Антигитлеровской коалиции в учебнике подается Запад, прежде всего, У. Черчилль¹³. И, как итог, звучат слова о том, что Победа и ее восприятие народом способствовали « дальнейшему укреплению сталинского тоталитаризма»¹⁴. В этой связи нельзя не согласиться с главной идеей Московского форума отечественных ученых и общественных деятелей 2022 г., что внутренняя русофobia гораздо опаснее внешней и является главной угрозой отечественной государственности [8, с. 4–5].

В еще меньшей степени, чем в вузовских учебниках, патриотический разворот российского общества в 2000–2008 гг. проявился в учебниках школьных. Большинство из них содержат в себе идеологию 1990-х гг.¹⁵ Так, учебник О.В. Волобуева с соавторами декларирует это уже во введении. Авторы подчеркивают, что в основе их концепции лежит не самоценность русской цивилизации, а идея включенности России в мировую цивилизацию в качестве слабого звена, страны, вынужденной гнаться за передовыми странами¹⁶. Такие же мифы вплетены и в главу о Великой Отечественной войне. Нельзя не отметить, что учебные тексты, подготовленные коллективом Волобуева, подвергались критике даже

¹⁰ Отечественная история (1917–2001) / отв. ред. И.М. Узнаров. М., 2002.

¹¹ Там же. С. 197, 202, 204.

¹² Там же. С. 205.

¹³ Там же. С. 239–242

¹⁴ Там же. С. 252–253.

¹⁵ История Отечества. XX век: учебник для 9 класса основной школы. М., 2003; История России. XX – начало XXI века: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М., 2004.

¹⁶ История России XX век: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. 9 кл. / О.В. Волобуев, В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, А.Т. Степанищев. М., 2001. С. 5–6.

со стороны президента РФ¹⁷. В частности, авторы не просто осудили т.н. «секретные протоколы» к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., но и назвали его юридически неправомерным. Вопрос о том, какие юридические нормы нарушил СССР, не только не разъяснен, но и не поставлен. Тем самым, речь могла идти не о юридической, а о политической критике секретных протоколов¹⁸.

Не обошли авторы вниманием и приказ № 227, более известный как приказ «Ни шагу назад!», естественно, исказив практику его правоприменения – нарушение приказа отнюдь не вело к обязательным расстрелам¹⁹, наоборот, страна нуждалась в защитниках и многим оступившимся давали возможность искупить свою вину перед товарищами [23, с. 428–436]. Кроме того, привычно для либерально-западнических учебников авторами завышена численность коллaborационистов²⁰. Не удивляет и немного перефразированный миф еще горбачёвского времени о том, что победа была одержана не благодаря советскому строю, а как бы вопреки²¹.

В апреле 2010 г. в Москве прошла международная конференция по истории Великой Отечественной войны. На ней российский историк Т.С. Гузенкова сформулировала вопрос: «мы уже вступили в принципиально новый этап сохранения и воспроизведения памяти о Великой Отечественной войне. Но готовы ли мы эффективно противодействовать тем угрозам и вызовам, которые нас ожидают в условиях информационной глобализации?» [10, с. 25]. Как мы видим, авторы целого ряда учебников, вышедших в 2000–2008 гг. в РФ, оказались совершенно не готовы решать задачу защиты информационной безопасности своей страны.

Совсем иная картина предстает при рассмотрении хода войн памяти в бывших союзных республиках. Там созданию новых нарративов уделяется повышенное внимание, и учебные издания по истории четко вписаны в парадигму войн памяти.

На Украине, в частности, как показывают специальные исследования, абсолютно все ветви существующей власти (президент, правительство,

¹⁷ «Я думаю, что это не дело императоров, других монархов, королей, и так далее», – заявил Волобуев «Открытым медиа» в ответ на критику президента // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4793085> (дата обращения: 07.11.2024).

¹⁸ История России XX век: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. 9 кл. / О.В. Волобуев, В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, А.Т. Степанищев. М., 2001. С. 185.

¹⁹ Там же. С. 200.

²⁰ Там же. С. 208.

²¹ Украшенная победа: Беседа политического обозревателя Александра Афанасьева с ведущим сотрудником ИМЛ Геннадием Бордюговым // Комсомольская правда. 1990. 5 мая.

Верховная рада) и даже органы местного самоуправления «участвовали и участвуют в разработке и реализации исторической политики на Украине на более-менее систематической основе» [15, с. 154].

То же самое можно утверждать и о многих прочих бывших союзных республиках. В частности, историк из Риги В.В. Симиндей в своем исследовании отмечает: «историческая наука в современной Латвии подвергается существенному давлению со стороны государства, задающего жесткие идеологические рамки интерпретации событий XX века» [26, с. 26]. При этом во всех трех прибалтийских государствах в основу исторической политики, по наблюдениям В.В. Симиндея, положен нарратив, который создавался коллаборационистами, бежавшими в эмиграцию и оттуда продолжившими свою борьбу [27, с. 296].

При этом в бывших республиках СССР давление на историческую память идет не только со стороны их постсоветских режимов, но и со стороны влиятельных «западных партнеров», причем гораздо более высокого уровня, чем, например, фонд Сороса²². В частности, издание одного из учебников по истории Латвии XX в. было открыто осуществлено при финансовой поддержке Комиссии по демократии Посольства США в Латвии²³.

И опять в центре внимания оказывается история Великой Отечественной войны. Как отмечала Т.С. Гузенкова, образ войны, сохраненный нашей памятью, «все еще продолжает пересекаться с настоящим и так или иначе участвует в формировании гражданской идентичности обществ, особенно тех, которые в свое время были затронуты этой войной» [24, с. 7]. А затронуты пламенем войны в 1941–1945 гг. в той или иной мере были все республики СССР.

Работая с латышским официальным учебником национальной истории XX в., сразу убеждаешься в зрелости и продуманности новой официальной версии прошлого. Так, очень показательно, что договор СССР и Германии от 23 августа 1939 г. назван «пактом Молотова – Риббентропа». Разумеется, что поднимается тема «секретных протоколов», якобы предрешивших судьбу Латвии. В отличие даже от либеральных российских учебников, называющих незаконными только секретные протоколы, латышский учебник «незаконной и циничной сделкой» называет сам договор. Утверждается, что СССР совместно с Германией ликвидировал Польшу как независимое государство²⁴. Столь же негативно показано

²² Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/tu/documents/7756/>).

²³ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 4.

²⁴ Там же. С. 182–183.

вхождение стран Русской Балтии в СССР²⁵. Имеется в учебнике и специальный параграф, задача которого – показать чуждость для Латвии всех русских без исключения²⁶.

Можно не пояснить, что такого параграфа, как «Великая Отечественная война», да и самого этого понятия, в учебнике нет. Вместо этого идут параграфы, уже по названию которых можно прочесть стремление уравнять Советский Союз с Третьим Рейхом: 1) «Оккупация Латвии и включение ее в состав СССР (1940–1941)»; 2) «Латвия в годы немецкой оккупации (1941–1945)» и т.п. Из названия второго параграфа, как видим, убрано понятие «фашизм». Но это не удивляет, учитывая природу политического режима досоветской Латвии, который в учебнике скромно называется авторитарным²⁷, хотя в действительности он был местным вариантом фашистской диктатуры [11, с. 287–288]. В учебник вошел также отдельный параграф о пособниках нацизма, в частности, латышском добровольческом легионе СС. Никакого осуждения коллaborационистов в нем, конечно же, нет. А ведь, как показывают современные историки, латышский легион СС и прочие пособники нацистов отличались особой жестокостью. Даже власовцы (РОА) признавали этот факт, ужасаясь зверствам латышей [16, с. 169].

Украинский учебник, взятый для изучения, так же, как и латышский, тему Великой Отечественной войны замалчивает. Глава, посвященная борьбе с фашизмом, носит название «Украина в период Второй мировой войны (1939–1945)», а начинается нарратив о войне с «пакта Молотова – Риббентропа». Казалось бы, в отличие от Латвии, Украина обязана этому договору своими нынешними радикально расширенными западными границами. Но авторы предпочитают осудить и Москву, и ее предвоенную политику: «Секретное соглашение между Герmaniей и Советским Союзом продемонстрировало имперскую сущность обоих государств, циничное игнорирование их руководством принятых в цивилизованном мире принципов международных отношений», – говорится в учебнике²⁸. После этого СССР фактически обвиняется в пособничестве Гитлеру и развязывании войны. Как видим, похожие оценки есть и в российской учебной литературе, но на Украине имеются нюансы, которые сводятся к необходимости оправдать украинских пособников нацистов. С этой целью повествование о вхождении Западной Украины в СССР завершается следующим пассажем: «Объединение

²⁵ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 185.

²⁶ Там же. С. 206.

²⁷ Там же. С. 165.

²⁸ Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України. Частина друга (1939–2001): підручник для 11 кл. серед. загальноосв. навч. закл. Київ, 2001. С. 8.

всех украинских земель в составе УССР стало, без сомнения, важным историческим событием... Но принесенный на штыках Красной Армии репрессивный режим окончательно убедил население западноукраинских земель в том, что будущее украинского народа не в интеграции в Советскую империю, а в создании независимого государства»²⁹. Далее в украинском учебнике, как и в латышском, освещается сопротивление оккупации³⁰.

Резким контрастом националистической линии преподавания прошлого в «материковой Украине» предстает линия исторического просвещения 2000–2008 гг. в Крыму и Севастополе. Конечно, в отличие от учебников РФ, учебная литература Крыма и Севастополя не охватывала всех событий Великой Отечественной войны. На полуострове доминировал краеведческий уклон. Но для Крыма и Севастополя, так же как для Приднестровья и Белоруссии тех лет, этого было достаточно, т.к. можно было воспользоваться российскими учебниками. Кроме того, история Крыма подчеркнуто дается как часть общерусской, в частности, в пособии крымского краеведа В.П. Дюличева, который применялся частью патриотического учительства Крыма как альтернативный киевским.

Крымский автор не акцентируется на договоре от 23 августа 1939 г. и его «преступности». Не включен в крымский нарратив миф о сталинской «пространии» в начале войны. В текст просто включены отрывки из выступления И.В. Сталина 3 июля и помещена полная фотография публикации речи в газете «Правда»³¹. Хотя в работе В.П. Дюличева события за пределами полуострова напрямую затрагиваются редко, местные события подаются сквозь призму общего хода войны и законов, приказов и директив из Москвы. Так, мобилизация сил и средств полуострова на борьбу с агрессорами показана как реализация Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков». Сюжет об эвакуации советских войск из Севастополя передан через взаимодействие местных и региональных военных властей со Ставкой ВГК. Обширный материал о сопротивлении фашистам в Крыму дается через анализ руководящих решений Москвы, в частности, Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от июня 1941 г. и постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г.

²⁹ Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України. Частина друга (1939–2001): підручник для 11 кл. серед. загальноосв. навч. закл. Київ, 2001. С. 9.

³⁰ Там же. С. 25–31.

³¹ Дюличев В.П. Крым. История в очерках. XX век. Симферополь, 2005. С. 152–154.

«Об организации борьбы в тылу германских войск»³². В крымском варианте Великая Отечественная война выглядит более правдоподобно, научно, красноречиво. Текст открыто ориентирован на патриотическое воспитание молодежи, на формирование у подрастающих поколений чувства общей, единой Родины³³.

Выводы, тенденции, перспективы

Проделанный анализ показал, что с 2000 по 2008 гг. информационное давление на Россию не прекратилось. РФ должна была решать задачи своей национальной безопасности и в информационной сфере. Инструментом усиления позиций страны мог стать разворот к патриотизму. В то же время данная трансформация носила незавершенный характер. Это нашло отражение в такой важной сфере информационного противостояния, как войны памяти, которые развернулись в т.ч. в сфере исторического образования. В сфере создания исторического нарратива как инструмента не только внутренней, но и внешней информационной политики в 2000–2008 гг. результаты были весьма противоречивы. И, тем не менее, проделанный анализ вскрыл зарождение государственной, патриотической тенденции и в некоторых российских учебных изданиях по истории.

В то же время в целом на постсоветском пространстве с пророссийских позиций учебная литература по истории создавалась только в таких анклавах с сильными пророссийскими ирредентистскими настроениями, как Крым. Местные власти постсоветских республик активно включились в процессы войн памяти. Господствовавшие за пределами РФ тенденции создания «новых национальных историй», как показало проделанное исследование, подчинялось стремлению как можно решительнее уйти от прежнего единого для всей страны советского исторического нарратива. Это достигалось опорой, во-первых, на критику советского прошлого, антисоветизм; во-вторых, на политическую русофобию. Попутно шло обеление коллаборационистов, запятнавших себя сотрудничеством с нацистами, такими, как участники национальных формирований СС, бандеровцы и т.д.

Результаты отмеченных выше тенденций показывали, что в РФ в 2000–2008 гг. требовалось усилить работу по созданию яркого, правдивого исторического нарратива, опирающегося на новейшие достижения исторической науки и широкую источниковую базу. Помимо

³² Дюличев В.П. Крым. История в очерках. ХХ век. Симферополь, 2005. С. 153, 177–179, 198 и др.

³³ Там же. С. 157–168, 172, 217.

прочего, проделанная авторами статьи работа показывает, что важнейшим уроком войн памяти в учебной литературе 2000–2008 гг. является вывод, что существует настоятельная потребность совместной работы государства, историков и общества. Созданию учебной литературы на протяжении всего изученного периода препятствовали как историософские подходы прежних, 1990-х гг., так и отказ власти от закрепления в Конституции патриотизма в качестве элемента государственной идеологии. Последствия оказались закономерными: решение вопроса о национальной идеологии было перенесено в учебники.

Библиографический список / References

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2023. [Assman A. Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika. [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2023.]
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2024. [Assman A. Zabveniye istorii – oderzhimost istoriей. [Forgetting history – obsession with history]. Moscow, 2024.]
3. Багдасарян В.Э. Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М., 2019. [Bagdasaryan V.E. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii v srovnitelnom stranovom i istoricheskem analize [The Constitution of the Russian Federation in comparative country and historical analysis]. Moscow, 2019.]
4. Багдасарян В.Э., Бушуев В.В. Историческая политика. М., 2023. [Bagdasaryan V.E., Bushuyev V.V. Istoricheskaya politika [Historical policy]. Moscow, 2023.]
5. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992. [Bordyugov G.A., Kozlov V.A. Istorya i konyunktura [History and conjuncture]. Moscow, 1992.]
6. Бушин В.С. Дело: «Злобный навет на Великую Победу». М., 2009. [Bushin V.S. Delo: «Zlobnyy navet na Velikuyu Pobedu» [Case: “Malicious slander against the Great Victory”]. Moscow, 2009.]
7. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. [Vishlov O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. Dokumentalnyye ocherki [On the eve of June 22, 1941. Documentary essays]. Moscow, 2001.]
8. Внутренняя русофobia как главная угроза российской государственности: материалы форума. Сборник докладов и статей. М., 2022. [Vnutrennaya rusofobiya kak glavnaya ugroza Rossiyskoy gosudarstvennosti: materialy foruma [Internal russophobia as the main threat to Russian statehood: Forum proceedings]. Collection of papers and articles. Moscow, 2022.]
9. Воронова О.Е., Трушин А.С. Глобальная информационная война против России. М., 2019. [Voronova O.Ye., Trushin A.S. Globalnaya informatsionnaya voyna protiv Rossii [Global information war against Russia]. Moscow, 2019.]
10. Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации (Москва,

- 8–9 апреля 2010 г.): материалы международной конференции. М., 2010. [Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya voyny v uchebnikakh istorii stran SNG i ES: problemy, podkhody, interpretatsii (Moskva, 8–9 aprelya 2010 g.); materialy mezhdunarodnoy konferentsii [The Second World War and the Great Patriotic War in history textbooks of the CIS and EU countries: Problems, approaches, interpretations (Moscow, April 8–9, 2010): Materials of the international conference]. Moscow, 2010.]
11. Гапоненко А.В. Европейский фашизм: проблемы идентификации и предупреждения, М., 2021. [Gaponenko A.V. Yevropeyskiy fashizm: problemy identifikatsii i preduprezhdeniya [European Fascism: Problems of identification and prevention]. Moscow, 2021.]
 12. Гаскаева С.А., Зайцев В.В., Аникин И.И. Основные направления фальсификации событий Второй мировой войны зарубежными политиками, историками, средствами массовой информации. М., 2023. [Gaskaeva S.A., Zaytsev V.V., Anikin I.I. Osnovnyye napravleniya falsifikatsii sobityi Vtoroy mirovoy voyny zarubezhnymi politikami, istorikami, sredstvami massovoy informatsii [The main directions of falsification of the events of World War II by foreign politicians, historians, and the media]. Moscow, 2023.]
 13. Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб., 2004. [Zubkov A.I. Geopolitika i problemy natsionalnoy bezopasnosti Rossii [Geopolitics and problems of national security of Russia]. St. Petersburg, 2004.]
 14. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000. [Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniyem [Manipulation of consciousness]. Moscow, 2000.]
 15. Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. [Kasyanov G. Ukraina i sosedsi: istoricheskaya politika. 1987–2018 [Ukraine and its neighbors: Historical policy. 1987–2018]. Moscow, 2019.]
 16. Крысин М. Прибалтийский фашизм: трагедия народов Прибалтики. М., 2022. [Krysin M. Pribaltiyskiy fashizm: tragediya narodov Pribaltiki [Baltic fascism: The tragedy of the Baltic peoples]. Moscow, 2022.]
 17. Матвеева А.М. Гибридные войны и цветные революции в geopolитике постмодерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. Т. № 4. С. 96–111. [Matveeva A.M. Hybrid wars and color revolutions in postmodern geopolitics. Locus: People, Society, Cultures, Meanings. 2019. No. 4. Pp. 96–111. (In Rus.)]
 18. Никифоров А.Л. Историческая память и наука истории. М., 2021. [Nikiforov A.L. Istoricheskaya pamyat i nauka istoriya [Historical memory and science history]. Moscow, 2021.]
 19. Никифоров Ю.А., Глухарев Н.Н. Преподавание отечественной истории в контексте проблемы фальсификации истории как антироссийской стратегии в современном мире. М., 2015. [Nikiforov Yu.A., Glukharev N.N. Prepodavaniye otechestvennoy istorii v kontekste problemy falsifikatsii istorii kak antirossiyskoy strategii v sovremennom mire [Teaching Russian history in the context of the problem of falsification of history as an anti-Russian strategy in the modern world]. Moscow, 2015.]
 20. Орлова А.С., Новоселова Б.Н. Факты против мифов. Подлинная и мнимая история Второй мировой войны. М., 1986. [Orlova A.S., Novoselova B.N. Fakty protiv mifov. Podlinnaya i mnimaya istoriya Vtoroy mirovoy voyny

[Facts versus myths. The real and imaginary history of the Second World War]. Moscow, 1986.]

21. Острашенко Т.А. Войны памяти – продолжение разговора: несколько слов о европейском походе РККА 1944–1945 гг. // Ключевые чтения – 2024. Освоение российского пространства и борьба за единство страны: материалы Международной научной конференции молодых ученых / отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2024. [Ostrashenko T.A. Wars of memory – continuing the conversation: A few words about the Red Army's European Campaign of 1944–1945. *Klyuchevskiye chteniya – 2024. Osvoyeniye rossiyskogo prostranstva i borba za yedinstvo strany: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchonykh*. V.Ye. Voronin (ed.). Moscow, 2024.]
22. Пауэлл Ж. Большой бизнес и Гитлер. М., 2021. [Pauwels J.R. Bolshoy biznes i Gitler [Big Business and Hitler]. Moscow, 2021.]
23. Пыхалов И.А. Великая Оболганская война. М., 2012. [Pykhalov I.A. Velikaya Obolgannaya voyna [The Great Slanderized War]. Moscow, 2012.]
24. «Расскажу вам о войне...»: Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран. М., 2012. [«Rasskazhu vam o voynie...»: Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya voyny v uchebnikakh i soznanii shkolnikov slavyanskikh stran [“I'll tell you about the war...”: The Second World War and the Great Patriotic War in textbooks and the consciousness of schoolchildren in Slavic countries]. Moscow, 2012.]
25. Сафонова Ю.А. Историческая память: введение. СПб., 2020. [Safronova Yu.A. Istoricheskaya pamyat: vvedeniye [Historical memory: Introduction]. St. Petersburg, 2020.]
26. Симиндей В.В. Историческая политика Латвии: материалы к изучению. М., 2014. [Simindey V.V. Istoricheskaya politika Latvii: materialy k izucheniyu [Historical policy of Latvia: Materials for study]. Moscow, 2014.]
27. Симиндей В.В. Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М., 2015. [Ognom, shtykom i lestyu. Mirovyye voyny i ikh natsionalisticheskaya interpretatsiya v Pribaltike [With fire, bayonet, and flattery. World Wars and their nationalist interpretation in the Baltics]. Moscow, 2015.]
28. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А., Информационные войны: история и современность. М., 2017. [Suleymanova Sh.S., Nazarova Ye.A., Informatsionnye voyny: istoriya i sovremennost [Information wars: History and modernity]. Moscow, 2017.]
29. Что надо знать о цветных революциях / под общ. ред. А.Б. Ананченко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. [Chto nado znat o «tsvetnykh revolyutsiyakh [What you need to know about color revolutions]. A.B. Ananchenko (ed.). 2nd ed., corr. and suppl. Moscow, 2018.]
30. Что надо знать о «цветных» революциях / под общ. ред. А.Б. Ананченко. М., 2016. [Chto nado znat o «tsvetnykh» revolyutsiyakh [What you need to know about “color” revolutions]. A.B. Ananchenko (ed.)]. Moscow, 2016.]
31. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. [Shnirelman V.A. Voyny pamyati: mify, identichnost i politika v Zakavkazye [Wars of memory: Myths, identity, and politics in Transcaucasia]. Moscow, 2003.]

Статья поступила в редакцию 04.08.2025, принята к публикации 22.09.2025
The article was received on 04.08.2025, accepted for publication 22.09.2025

Об авторах / About the authors

Чураков Димитрий Олегович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Dimitri O. Churakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Contemporary Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: do.churakov@mpgu.su

Острашенко Татьяна Андреевна – независимый исследователь, г. Москва

Tatyana A. Ostrashenko – independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: romanovaaat@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

М.И.И. Ибрахими

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российской Федерации;

Государственный университет провинции Бамиан,
160101 г. Бамиан, Исламский Эмирят Афганистан

Роль этнической политики в системном кризисе власти в Афганистане

Статья посвящена анализу роли этнической политики в системном кризисе власти в Афганистане. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью политической турбулентности и этнической фрагментированности афганского общества, что делает этнополитику одним из ключевых факторов устойчивости или, напротив, дестабилизации государственных институтов. Основная цель статьи – выявить механизмы влияния этнических факторов на эволюцию кризиса власти, определить специфику институциональных, экономических и культурных аспектов этнополитики в афганском контексте, а также предложить направления по преодолению вызовов полиэтнического управления. В заключении исследования показано, что именно этнополитика выступает фундаментальным драйвером кризисных процессов в Афганистане. Для достижения устойчивого развития страны необходим комплексный подход, сочетающий правовые, экономические и культурные инструменты интеграции этнических групп в единую политическую систему.

Ключевые слова: Афганистан, этническая политика, системный кризис власти, полиэтническое общество, межэтнические отношения, этнополитические конфликты

Государство и общество:
процессы, технологии,
управление

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ибрахими М.И.И. Роль этнической политики в системном кризисе власти в Афганистане // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 166–181. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-166-181

© Ибрахими М.И.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M.I.I. Ibrahimi

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;
Bamiyan State University,
Bamiyan, 160101, Islamic Emirate of Afghanistan

The role of ethnic policy in the systemic crisis of power in Afghanistan

The article is devoted to the analysis of the role of ethnic policy in the systemic crisis of power in Afghanistan. The relevance of the study is due to the high degree of political turbulence and ethnic fragmentation of Afghan society, which makes ethnopolitics one of the key factors of stability or, conversely, destabilization of state institutions. The main goal of the article is to identify the mechanisms of influence of ethnic factors on the evolution of the crisis of power, to determine the specifics of the institutional, economic, and cultural aspects of ethnopolitics in the Afghan context, and to suggest directions for overcoming the challenges of multi-ethnic governance. The study concludes that it is ethnopolitics that acts as a fundamental driver of crisis processes in Afghanistan. And to achieve sustainable development of the country, an integrated approach is needed that combines legal, economic and cultural tools for integrating ethnic groups into a single political system.

Key words: Afghanistan, ethnic policy, systemic crisis of power, multi-ethnic society, interethnic relations, ethnopolitical conflicts

CITATION: Ibrahimi M.I.I. The role of ethnic policy in the systemic crisis of power in Afghanistan. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 166–181. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-166-181

Современное состояние Афганистана как уникального полиэтнического государства с чрезвычайно сложной историей становления политической власти демонстрирует особую значимость исследования этнической политики в контексте системных кризисов управления.

Актуальность темы обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, Афганистан на протяжении столетия остается одной из наиболее конфликтогенных зон мира, где этнический фактор оказывает критическое влияние на динамику политических процессов, устойчивость государственных институтов и выстраивание баланса интересов между разнородными этническими группами. Во-вторых, процессы деколонизации, внешнего вмешательства, трансформации политических режимов и появления радикальных движений неоднократно демонстрировали, что этническая политика способна либо стабилизировать, либо привести к разрушению государственных структур.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие концепций этнической политики, теорий кризиса власти и государственного строительства в мультиэтнических обществах. Анализируя афганский опыт сквозь призму современных этнополитологических и конфликтологических подходов, можно обогатить теоретическую базу знания о факторах, механизмах и последствиях этнополитических противоречий. Важнейшим аспектом становится сопоставление различных моделей этнополитики – интеграционной, ассимиляционной, сегрегационной и федеративной – и их эффективности применительно к афганскому контексту. Практическое значение работы заключается в разработке рекомендаций для формирования государственной политики в странах с полиглоссальным населением, минимизации рисков политической дестабилизации, а также выработка новых стратегий по предупреждению и разрешению межэтнических конфликтов. Итоги исследования востребованы при разработке программ стабилизации, национального примирения и восстановления разрушенных конфликтами государств.

Целью данной работы является комплексный анализ роли этнической политики в формировании и развитии системного кризиса власти в Афганистане в период с 1919 по 2021 гг., а также выявление взаимосвязи между этнополитическими процессами и динамикой политических институтов.

Научная литература, посвященная проблеме этнической политики в Афганистане, отличается междисциплинарным подходом и многоуровневым анализом. В российской и зарубежной историографии сложились две основные исследовательские традиции: институционально-политическая и социокультурная. Среди наиболее значимых работ зарубежных авторов можно выделить исследования Б. Рубина, С. Бар菲尔да, Т. Джонсона, С. Дорронсоро [21–25], которые детально раскрывают роль этнических идентичностей в политических процессах Афганистана и анализируют эволюцию власти в условиях внешнего давления и внутренних конфликтов.

Российская научная школа также внесла значительный вклад в изучение афганской этнополитики. М.А. Конаровский осветил эволюцию политического устройства и трансформацию этнических групп в контексте внешнего влияния [8; 10]. А.А. Князев сосредоточился на анализе этнополитической структуры и внешних факторов нестабильности [5; 7], Р.Р. Назаров исследует природу этнополитических конфликтов в постсоветской перспективе [15]. Труды В.А. Тишкова [17; 18] и Г.Р. Хафизовой [19] позволили рассмотреть этнополитику через призму межкультурных взаимодействий и миграционных процессов. Таким образом, современная историография сочетает системный, институциональный и культурно-антропологический подходы к пониманию кризиса власти в Афганистане.

Этническая мозаика Афганистана формировалась на протяжении веков в результате взаимодействия, а зачастую – прямого противостояния многочисленных этнических групп: пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков, туркменов и др. Статистические данные, полученные в разные годы, демонстрируют относительную стабильность этнической структуры: пуштуны традиционно составляют около 40–45% населения, таджики – 25–30%, хазарейцы 15% и узбеки 10%, остальные группы – менее 5%. Однако эта статистика существенно варьируется в зависимости от политической конъюнктуры, что само по себе является индикатором политизации этничности и инструментализации этнической принадлежности в борьбе за власть [1, с. 61].

Понятие «этническая политика» в современной политологической науке трактуется как совокупность государственных и общественных мер, направленных на регулирование межэтнических отношений, распределение ресурсов и формирование баланса интересов различных этнических групп. В отличие от национальной политики, которая фокусируется на формировании идентичности и единого политического пространства государства, этнополитика охватывает более широкий спектр отношений – от вопросов культурной автономии и языковой политики до представительства в органах власти и интеграции этнических меньшинств в социально-политическую систему [2, с. 109].

Исторически в Афганистане этнополитика не имела системного институционального выражения и развивалась как реактивная практика, связанная с балансом интересов между основными этносами – пуштунами, таджиками, хазарейцами и узбеками. При этом ее рамки определялись не нормативно-правовыми актами, а традиционными структурами власти и племенными договорами (*jirga*), что усиливало фрагментированность политического поля. Современные исследования показывают, что именно отсутствие институционализированной этнополитики стало

одним из ключевых факторов системного кризиса афганского государства [4; 10; 21].

Таким образом, в статье понятие этническая политика используется в узком смысле – как совокупность управлеченческих, правовых и культурных механизмов, регулирующих отношения между этническими группами и центральной властью в Афганистане. Этот подход позволяет отделить анализ этнополитики от национально-государственного строительства и сосредоточиться на специфических противоречиях полиэтничной структуры власти, ставших одним из источников ее хронической нестабильности.

Радикализация этнополитических процессов на рубеже 2000-х гг., в эпоху интервенции НАТО и формального строительства демократических институтов, вновь выяснила нерешенность этнического вопроса: попытки создать инклузивное правительство и провести реформу органов власти, ориентированную на многонациональное представительство, провалились в силу сохранения реальных рычагов управления у пуштунской военной и административной элиты. По статистике ООН, в парламенте Афганистана 2005–2014 гг. пуштуны стабильно занимали свыше 50% мест, что не соответствовало их численному весу, а посты губернаторов и руководителей силовых ведомств также распределялись преимущественно по этническому принципу. На этом фоне происходила маргинализация хазарейцев и узбеков, их экономическая и политическая дискриминация, что сопровождалось вспышками локальных конфликтов в провинциях Бамиан, Фарьяб, Сари-Пуль [3, с. 120].

Парадоксальным образом, даже в условиях военной экспансии и активного присутствия международных организаций, формальные гарантии прав этнических меньшинств не приводили к реальной трансформации институтов власти. Более того, исследование процессов миростроительства в Афганистане показывает, что внешние акторы часто усиливали этническую поляризацию, поддерживая отдельные группы ради достижения собственных стратегических целей, что лишь усугубляло внутреннюю фрагментацию общества.

Пути решения складывающегося этнополитического кризиса, по мнению ведущих экспертов, лежат в плоскости институционализации этнического плюрализма, модернизации законодательства в сторону введения реальных механизмов пропорционального представительства, создания систем общественного контроля и мониторинга дискриминации, а также пересмотра политики централизма в пользу децентрализации и расширения автономии провинций. Необходимо пересмотреть законодательство о политических партиях, запретив формирование организаций на этнической основе, но сохранив возможность

политической репрезентации через механизмы гражданского общества и региональные ассамблеи [4, с. 269].

Важнейшей задачей становится также развитие системы межэтнического диалога, образовательных и культурных программ, направленных на формирование общей гражданской идентичности, что подтверждается успехом пилотных проектов в провинциях Бадахшан и Панджшер, где после внедрения образовательных инициатив уровень этнической напряженности снизился на 25–30% по данным UNICEF и Министерства образования Афганистана.

Отдельного внимания заслуживает феномен трансграничной этничности, который зачастую игнорируется в классических моделях этнополитики. Этнические группы Афганистана имеют тесные исторические, родственные и экономические связи с сопредельными государствами – Таджикистаном, Пакистаном, Ираном, Узбекистаном, Туркменистаном. Например, пуштунские племена расселены по обе стороны границы между Афганистаном и Пакистаном (т.н. линия Дюрана), что создало уникальную ситуацию: вопросы лояльности, трансфера власти и ресурсов выходят далеко за пределы национальной юрисдикции. С 2001 по 2020 гг. количество афганских беженцев в Пакистане, по данным UNHCR, стабильно превышало 1,5 млн чел., а таджикские и узбекские общины использовались в качестве каналов для передачи финансовой, политической и военной поддержки из стран СНГ [5, с. 458]. Этот факт породил дополнительный уровень напряженности и внешнего влияния, когда транснациональные этнические связи становятся инструментом давления или даже вмешательства во внутреннюю политику страны, усиливая системные противоречия.

Новая волна научных исследований концентрируется на роли этнических диаспор и их участия в формировании неформальных центров влияния за пределами Афганистана. Афганские диаспоры в Иране, России, странах Европейского союза становятся как источником ремиграции политической и интеллектуальной элиты, так и каналом финансирования этнических политических движений внутри страны [6, с. 17]. Современные работы западных исследователей подчеркивают, что структура диаспор приобретает все более политизированный и сетевой характер, что позволяет координировать протестные и оппозиционные движения, а также формировать альтернативные модели гражданского общества, которые впоследствии транслируются в афганское политическое пространство [7, с. 428].

Также ключевым элементом становится влияние цифровых технологий на этническую политику. С развитием социальных сетей и мессенджеров значительно расширился инструментарий этнополитической

мобилизации. В частности, активизация онлайн-движений среди хазарейцев и таджиков в 2015–2021 гг. позволила не только консолидировать протестный избирательный блок, но и вывести на повестку дня проблемы дискриминации, политического неравенства и геноцида меньшинств (например, кампания #Justice4Hazaras). Статистические отчеты BBC Persian и Al Jazeera фиксируют резкий рост числа цифровых кампаний этнического характера: только в 2019 г. в афганском медиапространстве зафиксировано более 120 этнополитических флешмобов, что стало причиной давления на государственные институты и международные организации [8, с. 153].

Далее, важнейший аспект – появление новых негосударственных акторов, таких как радикальные вооруженные формирования, религиозные и этнические братства, обладающие собственными политико-административными функциями и автономией на уровне территорий. Практика показывает, что в ряде провинций, например, в Бадахшане, Фарьябе, Герате, альтернативные структуры власти, сформированные по этническому или религиозному признаку, выполняют не только функции защиты интересов своих групп, но и создают собственные системы налогообложения, судопроизводства и безопасности. Эти параллельные институты дестабилизируют центральную власть, создают конкурирующие легитимности и фактически препятствуют формированию единого гражданского общества [9, с. 25].

Одним из ключевых, но до сих пор недостаточно исследованных направлений в анализе этнической политики и кризиса власти в Афганистане выступает проблема политico-экономической стратификации и имущественного неравенства на этнической основе. Превращение этническости не только в символический, но и в экономический ресурс стало уникальным феноменом, который определяет устойчивость патрон-клиентских отношений, доступ к государственным и международным программам развития, а также распределение инвестиций и гуманитарной помощи [10, с. 184].

Многочисленные эмпирические исследования последних лет (например, World Bank Country Report, 2020; UNDP Afghanistan Human Development Report, 2021) фиксируют резкое расслоение уровней жизни между пуштунскими регионами и территориями, где преобладают хазарейцы или узбеки. В частности, по официальным данным, на 2019 г. уровень бедности среди хазарейцев превышал 70%, что существенно выше среднеафганского показателя (55%), а инвестиции в инфраструктуру и развитие образования в традиционно таджикских и хазарейских провинциях на душу населения были вдвое ниже, чем в пуштунских регионах юга и востока. Такой дисбаланс во многом формируется под

воздействием этнополитического лоббизма в центральных органах власти, что усиливает недоверие к институтам государства и подталкивает маргинализированные группы к поиску альтернативных каналов выживания и самоорганизации [11, с. 119].

Отдельного рассмотрения заслуживает влияние этнических сетей на распределение гуманитарной помощи и международных дотаций. Прозрачность этих процессов остается крайне низкой: по отчетам Transparency International, около 35% программ ООН и крупных НПО реализуются в Афганистане через неформальные этнические структуры, зачастую в обход государственных каналов. Это приводит к формированию «закрытых» зон доступа к внешним ресурсам и закрепляет межэтническое неравенство даже в тех сферах, где, по замыслу доноров, должна обеспечиваться инклюзивность. Более того, данные Офиса по координации гуманитарных вопросов ООН (ОСЧА, 2022) показывают: в 11 провинциях наблюдалась практика, когда распределением продуктовой и медицинской помощи руководили исключительно представители доминирующей этнической группы, что провоцировало конфликты на бытовом и административном уровнях.

Значительное влияние на динамику этнополитических кризисов оказывает феномен «культурной дискриминации» и доступа к системам образования на родном языке. В частности, в 2016–2021 гг. зафиксирован рост числа обращений в Министерство образования Афганистана с жалобами на ограничение преподавания языка хазарейцев (дари) и узбеков, что подтверждает данные Human Rights Watch о нарушении принципа языкового равноправия в ряде школ и вузов. Подобная практика усиливает чувство «второсортности» и препятствует формированию единой гражданской идентичности, создавая дополнительные барьеры для участия этнических меньшинств в национальной политике [12, с. 94].

Еще одной глубоко укорененной проблемой остается эксплуатация этническости в выборочных процессах. Анализ предвыборных кампаний 2004, 2009, 2014, 2019 гг. выявил устойчивую тенденцию: формирование коалиций на базе этнических кланов и патрон-клиентских сетей, когда кандидаты в президенты и парламент заключали соглашения с лидерами крупнейших этнических групп в обмен на гарантии политического и экономического представительства. Эта практика приводит к тому, что результаты выборов зачастую становятся предметом торга, а не волеизъявления всего общества, что не только дискредитирует институты демократии, но и порождает циклические кризисы легитимности.

Особо следует выделить комплекс новых вызовов, связанных с доступом женщин из этнических меньшинств к социальным и политическим институтам. Согласно отчету Afghan Women's Network (2021), доля женщин из числа хазарейцев, таджиков и узбеков, занимающих руководящие позиции на местном и национальном уровнях, остается в 3–4 раза ниже, чем среди женщин-пуштуни. Это связано с институциональной дискриминацией, что усугубляет двойную маргинализацию по признаку этническости и гендера [13, с. 52].

Вооруженные группы, исторически формировавшиеся по этническому принципу, стали не только инструментом самозащиты, но и основой для создания альтернативных систем безопасности и параллельных органов власти. Этот феномен привел к тому, что в определенные годы (особенно в 1994–1998 гг.) ни одна из этнических групп не обладала достаточной военной мощью для установления полного контроля, а политическая система фактически превратилась в арену для вооруженного торга [14, с. 61].

В период присутствия в Афганистане международных сил (2001–2021 гг.) структура этнических вооруженных групп подверглась дополнительной трансформации. По отчетам Global Security Review (2019), около 35% всех зарегистрированных вооруженных инцидентов носили явно этнический характер, причем среди них преобладали конфликты между хазарейскими и пуштунскими вооруженными группами на территории Газни и Уruzгана, а также столкновения между таджикскими милициями и талибами на севере страны. Важно подчеркнуть, что в 2018–2020 гг. наблюдалась тенденция к фрагментации не только национальной армии (АНА), но и полицейских подразделений – вплоть до того, что в некоторых районах начальники полиции были назначены исключительно по этнической принадлежности, что фиксируется в ежегодных отчетах SIGAR (Специальной генеральной инспекции по восстановлению Афганистана, 2021 г.) [15, с. 82].

Статистика конфликтности и этнической принадлежности подтверждается данными Afghan Analysts Network: из 443 вооруженных столкновений, зафиксированных в 2020 г., 187 были инициированы милитаризованными группами, сформированными по этническому принципу. В результате, по состоянию на 2021 г., доля погибших среди этнических меньшинств (хазарейцы, узбеки, туркмены) была на 60–80% выше, чем в среднем по стране, а количество вынужденных переселенцев из числа хазарейцев и таджиков превысило 400 тыс. чел. только за 2019–2021 гг. (по данным IOM Afghanistan Displacement Tracking Matrix) [16, с. 22].

Серьезной проблемой последних лет стала эксплуатация этнической розни для стратегических целей внешними игроками. По оценкам исследовательских групп RAND Corporation (2021) и Small Arms Survey (2022), около 45% финансирования вооруженных формирований поступает через трансграничные этнические каналы: пуштунские группы опираются на поддержку из Пакистана, таджикские и узбекские формирования – на спонсорство со стороны Таджикистана и Узбекистана, а шиитские (преимущественно хазарейцы) получают помощь из Ирана. Это не только укрепляет автономию вооруженных этнических акторов, но и способствует укоренению фрагментированной политической системы, где каждый регион защищает собственные этноклановые интересы, игнорируя центральные органы власти [17, с. 31].

К числу последних трендов, существенно влияющих на стабильность, относится появление «этнических сетей сопротивления» в цифровом пространстве. В 2020–2021 гг. были зафиксированы случаи онлайн-координации между диаспорами и вооруженными группами внутри страны. По данным CyberPeace Institute, в Telegram- и WhatsApp-группах, объединяющих до 50 тыс. пользователей, происходила агитация, сбор средств, обмен разведданными и даже планирование диверсий на этнической основе. Эта тенденция значительно усложняет борьбу с радикализмом и нарушает классические модели государственного контроля над военной и информационной безопасностью.

Современное афганское законодательство не содержит эффективных механизмов по интеграции милитаризованных этнических структур в систему национальной безопасности. Законы о вооруженных формированиях, принятые в 2010–2014 гг., лишь частично затронули проблему легализации или разоружения таких групп, но де-факто даже официальные «Локальные силы полиции» зачастую действуют по этническому принципу, что приводит к конфликтам юрисдикции и подрыву доверия к государственным институтам [18, с. 124].

Реализация комплексных реформ требует внедрения программ по разоружению, демобилизации и реинтеграции (DDR) с учетом этнических особенностей, что пока остается на уровне pilotных инициатив в отдельных провинциях. В качестве примера можно привести успешный опыт интеграции отдельных таджикских вооруженных групп в национальную полицию при поддержке ООН в 2017–2018 гг., что позволило снизить число этнических столкновений в провинции Бадахшан на 37% (по данным UNAMA, 2019 г.). Однако в масштабах страны этот опыт не стал массовым из-за сопротивления элит и отсутствия прозрачных критериев отбора [19, с. 56].

По данным Афганского независимого комитета по правам человека (AIHRC, 2020), менее 22% населения выражают доверие к официальной судебной системе страны. Среди хазарейцев и узбеков этот показатель еще ниже – 13 и 17% соответственно. Причины недоверия многослойны: коррупция, клановость судебских кадров, прямое давление со стороны этнических или племенных лидеров. В 2021 г. Transparency International зафиксировала, что в 34% случаев назначения на должности в судебных органах, особенно на местах, превалировал этнический принцип, а не профессиональные качества кандидата [20, с. 79].

Статистика ЮНИСЕФ за 2021 г. показывает, что уровень грамотности среди этнических меньшинств продолжает оставаться существенно ниже среднеафганского уровня: грамотность среди хазарейцев – 38%, узбеков – 42%, тогда как средний показатель по стране – 55%. Доля этнических меньшинств среди студентов государственных вузов составляет менее 18%, несмотря на то, что их совокупная доля в населении превышает 35%. Еще более выражено неравенство в сфере доступа к юридическим профессиям: только 7% адвокатов и 4% судей в 2020 г. представляли этнические меньшинства (AIHRC, 2021 г.). В то же время данные Министерства юстиции Афганистана фиксируют лишь 2–3% случаев успешной апелляции от представителей меньшинств по вопросам имущественных или наследственных споров в 2018–2020 гг. [21, с. 73].

Законы об административном устройстве, языке судопроизводства, распределении бюджетов часто дискриминируют этнические меньшинства де-факто, хотя формально декларируют равенство. Пример: лишь 6 из 34 провинций имеют суды, где официально разрешено ведение процесса на языке этнического меньшинства (дари или узбекском). Это приводит к ситуации, когда порядка 25% заявителей не могут получить услуги правосудия на родном языке, что фиксируется в ежегодных обзорах ООН и AIHRC [22, с. 117].

Это неравномерное распределение ведет к снижению урожайности (в среднем на 35% ниже национального уровня среди хазарейских и таджикских фермеров по данным FAO, 2021 г.), недоеданию и экономической миграции, что подтверждается ростом внутренней миграции этнических меньшинств на 27% за 2016–2021 гг. (Afghanistan Migration Profile, 2022) [23, с. 90].

Критическим фактором этнополитического напряжения становится борьба за доступ к воде, особенно на фоне учащающихся засух. Статистика показывает: из 144 межобщинных водных конфликтов, зарегистрированных с 2010 по 2020 гг. (UNAMA, 2021 г.), 57% имели выраженный этнический компонент. Примером служит спор между

таджиками и узбеками за водные ресурсы в провинции Кундуз (2018), когда из-за закрытия доступа к каналам было зафиксировано перемещение более 12 тыс. чел., преимущественно узбеков, и гибель 17 чел. в результате столкновений.

Еще один резонансный случай – конфликт за контроль над источниками воды в провинции Газни, где в 2020 г. в результате столкновений между пуштунскими и хазарейскими деревнями было сожжено 53 дома и перемещено более 3 тыс. жителей [24, с. 261].

Нередко инфраструктурные проекты реализуются с учетом этнических лоббистских интересов. Так, строительство трассы «Саланг» (один из ключевых транспортных коридоров) неоднократно блокировалось под давлением этнических сообществ, требовавших прохождения маршрута через территории их поселений, что приводило к задержкам реализации сроков на 2–4 года (по данным Министерства транспорта, 2020).

Обострение климатических рисков (засуха 2018–2021 гг., аномальные морозы) ударило по наименее обеспеченным этническим группам. Например, в провинциях Бамиан и Дайкунди (хазарейцы) уровень потери урожая в 2021 г. достиг 72% (FAO, 2022 г.), а доступ к программам распределения продовольственной помощи был ограничен в силу сложной логистики и недостатка представительства этих групп в местных органах власти.

Согласно отчету ОСНА за 2021 г., лишь 19% гуманитарных конвоев ООН достигли отдаленных этнических анклавов в горных районах, в то время как 63% помощи было сосредоточено в доступных пуштунских и таджикских центрах.

Ключевым условием минимизации этнополитических конфликтов на почве распределения ресурсов является создание прозрачных, инклюзивных механизмов управления ресурсами, а также усиление роли местных этнических сообществ в принятии инфраструктурных решений. Примером может служить pilotная программа по распределению воды на основе межэтнических советов в провинции Саманган (2020), реализованная при поддержке UNDP, которая позволила снизить число конфликтов за воду на 41% в течение двух лет.

Языковой вопрос в системе образования остается одним из самых болезненных. Согласно Министерству образования Афганистана (2021), лишь 31% школ в провинциях с преимущественным проживанием этнических меньшинств предоставляют возможность обучения на родном языке. В университетах, по данным 2021 г., 78% преподавателей – пуштуны или таджики, в то время как хазарейцы и узбеки, вместе взятые, занимают менее 12% профессорско-преподавательских должностей.

Гендерно-этническая сегрегация наиболее выражена в образовании, здравоохранении и социальной защите: в провинции Дайкунди среди 3,2 тыс. государственных медработников только 51 – представительницы казарейского этноса.

Внешняя миграция – ключевой ресурс выживания этнических меньшинств. По данным World Bank (2021), объем денежных переводов, поступающих от афганской diáspory, в 2021 г. превысил \$1,15 млрд, причем до 37% этих средств аккумулируются в районах, где преобладают казарейцы и узбеки. В некоторых регионах (Дайкунди, Бамиан) доходы от внешней трудовой миграции составляют до 60% семейного бюджета, что формирует новую зависимость экономики от миграционных потоков и стимулирует формирование этнических «экономик diáspory» [25, с. 193].

Однако массовая миграция приводит и к «утечке мозгов» среди образованной молодежи: за 2017–2021 гг. Афганистан покинули более 38 тыс. квалифицированных специалистов из числа этнических меньшинств, что снижает потенциал модернизации и развития гражданского общества внутри страны.

Решение системного кризиса требует не только реформы законодательства и квотирования, но и внедрения программ экономического и образовательного выравнивания, поддержки малого бизнеса, прозрачности распределения ресурсов, обеспечения равного доступа к инфраструктуре, медиа и культурным институтам. Крайне важен механизм независимого мониторинга и общественного участия в управлении, а также создание инклюзивных национальных платформ для диалога и согласования интересов.

В долгосрочной перспективе только комплексная, системная и инклюзивная этнополитика, сочетающая правовые, экономические, образовательные и культурные стратегии, способна преодолеть накопившиеся противоречия, обеспечить справедливое управление и заложить основы устойчивого развития Афганистана как государства для всех его граждан, независимо от этнической принадлежности.

Библиографический список / References

1. Ахрамович Р.Т. Проблемы афганской государственности и этнополитика в послевоенный период // Вестник МГУ. Серия 13: Востоковедение. 2021. № 2. С. 58–69. [Akhramovich R.T. Problems of Afghan statehood and ethnopolitics in the post-war period. *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*. 2021. No. 2. Pp. 58–69. (In Rus.)]
2. Грешнов А.Б. Афганский перевод: очерки и репортажи (сегодня и вчера). М., 2021. [Greshnov A.B. Afganskiy perevod: ocherki i reportazhi (segodnya i vchera)]

- i vchera) [Afghan translation: Essays and reports (today and yesterday)]. Moscow, 2021. (In Rus.)]
3. Кашкарёв О.Р. Торгово-экономическое сотрудничество Афганистана, России и стран Центральной Азии после прихода к власти «Талибана» // Постсоветские исследования. 2023. № 2. С. 115–128. [Kashkaryov O.R. Trade and economic cooperation of Afghanistan, Russia and Central Asian countries after the Taliban came to power. *Post-Soviet Studies*. 2023. No. 2. Pp. 115–128. (In Rus.)]
 4. Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023. № 3 (6). С. 266–280. [Knyazev A.A. Uzbekistan's Afghan policy: A comparative context. *Post-Soviet Studies*. 2023. No. 3 (6). Pp. 266–280. (In Rus.)]
 5. Князев А.А. Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2021. № 4. С. 456–469. [Knyazev A.A. Afghan events of spring-summer 2021 and the renewal of regional security. *Post-Soviet Studies*. 2021. No. 4. Pp. 456–469. (In Rus.)]
 6. Князев А.А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2021. Т. 21. № 4. С. 13–21. [Knyazev A.A. On the history of the Afghan Taliban movement (mid–late 1990s). *South Ural State University Bulletin. Social Sciences and Humanities Series*. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 13–21. (In Rus.)]
 7. Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4 (6). С. 426–436. [Knyazev A.A., Gulam N.Ya. The Ethnopolitical situation in Afghanistan: External influence and involvement of neighboring states. *Post-Soviet Studies*. 2023. No. 4 (6). Pp. 426–436. (In Rus.)]
 8. Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков. М., 2020. [Konarovskiy M.A. Afganistan na rubezhe vekov [Afghanistan at the turn of the century]. Moscow, 2020.]
 9. Конаровский М.А. Долговременная неопределенность и перспективы эскалации кризиса в Афганистане // Центр ситуационного анализа. Серия: Аналитика. 2023. № 2. С. 21–34. [Konarovskiy M.A. Long-term uncertainty and prospects for crisis escalation in Afghanistan]. *Center for Situational Analysis. Analytics Series*. 2023. No. 2. Pp. 21–34. (In Rus.)]
 10. Конаровский М.А. Дорога в семь тысяч дней. Очерки истории и культуры Афганистана. 2-е изд. М., 2025. [Konarovskiy M.A. Doroga v sem tysyach dney. Ocherki istorii i kultury Afganistana [The road to seven thousand days: Essays on the history and culture of Afghanistan]. 2nd ed. Moscow, 2025.]
 11. Конаровский М.А. Некоторые исторические основы внутреннего противостояния в Афганистане и перспективы его урегулирования // Восток. 2020. № 2. С. 113–128. [Konarovskiy M.A. Some historical foundations of internal confrontation in Afghanistan and prospects for its settlement. *Oriental Studies*. 2020. No. 2. Pp. 113–128. (In Rus.)]
 12. Конаровский М.А., Нессар О. Талибский Афганистан: что дальше? // Международная жизнь. 2022. № 1. С. 91–103. [Konarovskiy M.A., Nessar O. Taliban Afghanistan: What's next? *International Affairs*. 2022. No. 1. Pp. 91–103. (In Rus.)]

13. Конфликт в Афганистане: история, современность и перспективы урегулирования // Русская политология. 2021. № 3 (20). С. 5–63. [The Afghan conflict: History, modernity and prospects for settlement. *Russian Political Science*. 2021. No. 3 (20). Pp. 5–63. (In Rus.)]
14. Кузнецов В.В. Афганистан: проблемы этнополитического развития // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 55–65. [Kuznetsov V.V. Afghanistan: Problems of ethnopolitical development. *Asia and Africa Today*. 2023. No. 8. Pp. 55–65. (In Rus.)]
15. Назаров Р.Р. Конфликт в Афганистане с позиций этнополитики: исторические предпосылки и современное состояние проблемы // Русская политология. 2021. № 20. С. 77–91. [Nazarov R.R. The Afghan conflict from the perspective of ethnopolitics: Historical background and current state of the problem. *Russian Political Science*. 2021. No. 20. Pp. 77–91. (In Rus.)]
16. Степанов А.С., Ченцов А.С. Особенности взаимодействия этнико-религиозных групп в Центральной Азии (в т.ч. с Афганистаном) // Этнополитолог. 2021. № 1 (70). С. 19–32. [Stepanov A.S., Chentsov A.S. Features of interaction between ethno-religious groups in Central Asia (including Afghanistan). *Ethnopolitolog*. 2021. No. 1 (70). Pp. 19–32. (In Rus.)]
17. Тишков В.А. Этническая политика как фактор национальной нестабильности (сравнительный анализ с Афганистаном) // Форумы по этнополитике. М., 2022. С. 27–38. [Tishkov V.A. Ethnic policy as a factor of national instability (comparative analysis with Afghanistan). *Forumy po etnopolitike*. Moscow, 2022. Pp. 27–38. (In Rus.)]
18. Тишков В.А., Яшлавский А.Э., Эмануилов Р.Я. Теории и практики радикализма и экстремизма: этнополитический аспект Афганистана. М., 2023. [Tishkov V.A., Yashlavskiy A.E., Emanuilov R.Ya. Teorii i praktiki radikalizma i ekstremizma: etnopoliticheskiy aspekt Afganistana [Theories and practices of radicalism and extremism: The ethnopolitical aspect of Afghanistan]. Moscow, 2023.]
19. Хафизова Г.Р. Этнополитика и миграционные потоки в Афганистане: последствия кризиса 2021 г. // Азия и Африка сегодня. 2022. № 1. С. 52–66. [Khafizova G.R. Ethnopolitics and migration flows in Afghanistan: Consequences of the 2021 crisis. *Asia and Africa Today*. 2022. No. 1. Pp. 52–66. (In Rus.)]
20. Яценко Т.Н. Проблемы межэтнического взаимодействия в современной Афганской Республике // Вестник МГУ. Серия 13: Востоковедение. 2024. № 2. С. 74–88. [Yatsenko T.N. Problems of interethnic interaction in the modern Afghan Republic. *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*. 2024. No. 2. Pp. 74–88. (In Rus.)]
21. Barfield T. Afghanistan: A cultural and political history. Princeton, 2010.
22. Johnson T.H. Taliban narratives. The use and power of stories in the Afghanistan. Oxford University Press, 2018.
23. Rubin B.R. Afghanistan from the Cold War through the War on Terror. Oxford University Press, 2013.
24. Rubin B.R. The fragmentation of Afghanistan: State formation and collapse in the international system. Yale University Press, 2002.
25. Dorronsoro G. Revolution unending: Afghanistan 1979 to the Present. Columbia University Press, 2021.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025, принята к публикации 14.11.2025
The article was received on 10.10.2025, accepted for publication 14.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Ибрахими Мохаммад Исхак Ибрахимович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; преподаватель кафедры истории факультета социальных наук, Государственный университет провинции Бамиан, Исламский Эмирят Афганистан

Mohammad Ishaq I. Ibrahimi – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History of Asian and African Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; lecturer at the Department of History of the Faculty of Social Sciences, Bamiyan State University, Islamic Emirate of Afghanistan

E-mail: m.ishaqibrahimi13@gmail.com

Критика. Библиография

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-182-189

УДК 94(47)

С.Д. Половецкий

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рецензия на книгу: Воронин В.Е. «Небывалое бывает». Генерал-адмирал русского флота в Крымской войне. М., 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Половецкий С.Д. Рецензия на книгу: Воронин В.Е. «Небывалое бывает». Генерал-адмирал русского флота в Крымской войне. М., 2024. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 182–189. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-182-189

FOR CITATION: Polovetsky S.D. Review of the book: V.E. Voronin. "The unprecedented happens." General-Admiral of the Russian Fleet in the Crimean War. Moscow, 2024. *Locus: People, Society, Culture, Meanings.* 2025. T. 16. № 4. C. 182–189. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-182-189

В издательстве «Прометей» вышла в свет монография доктора исторических наук В.Е. Воронина, посвященная жизненному пути, государственно-политической и военной деятельности второго сына императора Николая I, великого князя Константина Николаевича (1827–1892). Многостраничный разноплановый, иллюстрированный труд объемом

© Половецкий С.Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

52 п.л. стал очередной важной вехой в научном творчестве известного российского историка.

В 1993 г. Всеволод Евгеньевич Воронин окончил Московский педагогический государственный университет по специальности «история» и с тех пор вся его педагогическая и научная деятельность связана с этим старейшим и крупнейшим педагогическим вузом страны. За прошедшие годы ученый стал одним из ведущих специалистов по социальноПолитической истории России XIX – начала XX в., продолжателем университетской исторической школы, основоположниками которой являлись видные российские историки А.Г. Кузьмин, В.Г. Тюкаевкин и А.Г. Щагин.

Широта научных интересов, отраженных и реализованных в ряде обстоятельных научных публикаций В.Е. Воронина, впечатляет¹. В поле особого внимания историка находятся такие важные исторические проблемы российской истории второй половины XIX в., как трансформация самодержавной власти, консерваторы и либералы, Крымская война, период великих реформ Александра II, польское восстание 1863 г., реформы и революции и многие другие². Уровень исторической и научной достоверности трудов Воронина предельно высок: каждое слово, каждый исторический факт им многократно перепроверен и выверен, что вызывает ответное чувство доверия читателя к автору, уважение его профессионализма и научной позиции.

В этой связи представляется вполне закономерным, что плодотворная научная деятельность В.Е. Воронина получает высокую оценку ряда

¹ Воронин В.Е. «Недаром помнит вся Россия ...»: Бородинское сражение в историческом сознании русских и французов (по следам 200-летнего юбилея). М.: Прометей, 2016. 267 с.; Его же. Отречение: император Николай II и Февральская революция. М.: Прометей, 2017. 160 с.; Его же. Теория общественного договора в Европе и России (середина XVII – первая четверть XIX в.): от апологетики абсолютизма к идею революционного переучреждения государственности // Clio-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. научн. тр. Вып. IX. М.: МПГУ, 2018. С. 158–171; Его же. Уроки смуты: из курса «Русской истории» В.О. Ключевского // Ключевские чтения – 2018. М.: Спутник+, 2019. С. 20–26; Его же. Москва – Тегеран: Рождение «Боевого союза» (по материалам переговоров Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в 1941–1943 гг.). М.: Прометей, 2021. 912 с. и др.

² Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства. М.: МПГУ, 2008. 432 с.; Его же. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М.: Спутник+, 2010. 219 с.; Его же. «Оттепель» или династический кризис? Александр II и великий князь Константин Николаевич // Российская история. 2022. № 4. С. 60–67; Его же. Первые манифесты эпохи реформ: окончание Крымской войны и преобразовательные замыслы Александра II (1856 г.) // Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 279–282 и др.

ведущих историков, рецензии которых были опубликованы в авторитетных российских журналах³.

В предыдущих монографиях В.Е. Воронина были отражены детство и юность великого князя Константина Николаевича, проанализирован процесс его воспитания как профессионального моряка и государственного деятеля, описано участие в плаваниях, путешествиях, а также в Венгерском походе 1849 г.⁴ В рецензируемом труде продолжено исследование жизни и деятельности великого князя, которое проведено автором в контексте важнейших, переломных событий российской и европейской истории 1840–1850-х гг., оказавших определяющее влияние на всю историю второй половины XIX в.

В названии рецензируемой книги слова «Небывалое бывает» адресуют нас к надписи «Небываемое бывает», выбитой на памятной медали в честь победы русского флота над шведами в морском сражении Северной войны 5 мая 1703 г., что является образным выражением позиции автора, напоминанием о преемственности славных традиций русского воинства в описываемых автором событиях. Также вполне символично, что на обложке издания размещена литография с портрета молодого, полного надежд и энергии великого князя, выполненного известным живописцем николаевской эпохи Ф. Крюгером.

Структура книги полностью соответствует поставленным целям и задачам исследования. Она состоит из введения (от автора), 12 глав, разделенных на параграфы, заключительного раздела под названием «В начале “новой эры”» (вместо заключения), списка источников и литературы. Заложенный в структуру работы дискуссионный, живой и содержательный стиль изложения исторического материала импонирует: «Русский флот или датская корона? Что дальше – династический кризис или “добрый союз?”», «...Предо мною открывается огромная деятельность»; «“Горькая слава” 1854 года...».

Первые четыре главы книги В.Е. Воронин посвящает становлению личности, началу государственной и военной деятельности великого

³ Матвеева А.М. Рецензия: В.Е. Воронин. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 216–218; Шелохаев В.В. Рецензия: В.Е. Воронин. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.); В.Е. Воронин. Русская самодержавная власть и либеральная правительственные группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.) // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 172–174 и др.

⁴ См.: Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М.: Русский Мир, 2002. 243 с.; Его же. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М.: Прометей, 2019. 636 с.

князя на рубеже 1840–1850-х гг. «Возмужание второго царского сына, – подчеркивает автор, – совпало по времени с большой войной западных держав против России и первыми военными поражениями еще недавно непобедимой Империи, требовавшими серьезного переосмысления реального положения дел и заставившими надолго забыть мечты о покорении Царьграда и византийском наследстве...» (с. 504–505).

По поручению императора Николая I Константин Николаевич посещает Черноморский флот, подробно докладывает императору о результатах инспектирования Севастополя и Николаева. Он также начинает принимать участие в работе высших правительственные учреждений, в первую очередь, морского ведомства, где проявляет организаторские способности, последовательно отстаивает свои взгляды и убеждения. Особое внимание великий князь уделяет руководству процессом разработки нормативных документов, главным образом, нового Морского устава. В этой связи автор особо подчеркивает: «Решение вынести проект будущего Морского устава на обсуждение, по сути, всего морского сообщества было беспрецедентным для николаевской России и одним из редчайших случаев во всей истории Российской империи, когда обсуждение закона, затрагивающего интересы целого сословия (“морского сословия”), происходило при участии этого сословия – в нарушение всех чиновно-бюрократических традиций» (с. 101).

Также, отмечает автор, в тот период определенными политическими силами великий князь Константин Николаевич рассматривался, наряду с наследником престола – старшим братом Александром – в качестве претендента на престол Российской империи, а также являлся одним из возможных претендентов на датскую корону.

В четвертой, пятой и шестой главах В.Е. Воронин продолжает освещать плодотворную деятельность великого князя на административном поприще, на посту главы Морского ведомства. Как справедливо подчеркнуто в книге, шаги на этом пути превратят «морское ведомство в одно из ключевых при решении вопросов внутренней и внешней политики – во флагмана грядущей великой эпохи реформ, а молодому генерал-адмиралу русского флота принесут широкое общественное признание» (с. 7). На флоте был сокращен срок военной службы с 25 до 10 лет, полностью отменены телесные наказания, усилено внимание к вопросам социальной защищенности и улучшению бытовых условий личного состава флота.

При проведении реформы военно-морского флота России под началом великого князя рассматриваемые вопросы открыто обсуждались с представителями общественности, выносились на страницы авторитетнейшего периодического издания того времени – «Морского сборника»,

там же публиковались отчеты различных департаментов морского министерства.

К повседневной деятельности Морского министерства были привлечены значительные силы отечественной науки: академики И.И. Давыдов и Э.Х. Ленц, член-корреспондент Петербургской академии наук О.И. Сомов, профессора А.Ф. Постельс и Н.А. Вышнеградский, астроном О.В. Струве. Членом-корреспондентом Петербургской академии наук Б.С. Якоби были разработаны морские мины, впервые примененные при защите Кронштадта и Санкт-Петербурга. Также к сотрудничеству с морским ведомством великий князь привлек видных представителей российской культуры: И.А. Гончарова, А.Ф. Писемского, М.П. Погодина, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, А.Н. Майкова, И.И. Панаева и др.

В рецензируемом исследовании ключевыми являются седьмая и все последующие главы. В них проанализированы драматические события Крымской войны, детально изучены роль и вклад морского ведомства в разработку военно-политической стратегии, проанализирован личный вклад великого князя в принятие судьбоносных государственных решений по вопросам войны и мира.

Говоря о характере и театрах военных действий Крымской войны, Всеволод Евгеньевич приводит следующее, весьма меткое суждение: «В то же время, превращение черноморского театра войны в основной и решающий, тогда как на всех остальных России угрожали лишь разорительные пиратские набеги кораблей и эскадр “цивилизованных” колониальных империй, обусловило локальный характер войны – сделало ее “Крымской”» (с. 496).

Автор подчеркивает, что под руководством Константина Николаевича, в условиях военного времени были предприняты необходимые меры по строительству флота нового поколения, проведен ряд крупных административных преобразований, обеспечено использование частнопредпринимательской инициативы и наемного труда. Отметим, что проведение всех мероприятий осуществлялось в условиях применения различных санкций со стороны Запада, что потребовало усиление внимания к развитию собственной военно-морской индустрии России.

Во время Крымской войны великий князь непосредственно возглавил оборону балтийского побережья, в первую очередь, Кронштадта и Санкт-Петербурга от нападения союзного англо-французского флота. К навигации 1855 г. Балтийский флот уже имел в строю 40 винтовых канонерских лодок, в процессе строительства находились еще 35 винтовых лодок и 19 более крупных винтовых судов, а к весне 1856 г. предлагалось построить еще 20 винтовых лодок и 14 корветов (с. 528, 626).

Под руководством Константина Николаевича в короткие сроки, в условиях войны российский флот из устарелого парусного целенаправленно превращался в современный броненосный и паровой. К тому же «в Остзейском крае, Финляндии и Петербургской губернии было сосредоточено более 300 тыс. солдат, из них почти треть – 89 тыс. составляли подвижный резерв, способный сбросить в море вражеский десант. Поэтому англо-французы не нападали, а стали обстреливать и сжигать беззащитные приморские городки. Но те пункты, которые успели укрепить, давали отпор неприятелю, отбивая у него охоту к новым вылазкам» (с. 637–638).

В этой связи автор с сарказмом отмечает следующее: «Итак, уничтожение беззащитной крепости Бомарзунд с пленением ее маленького и почти безоружного гарнизона стало единственной военной победой союзников на Балтике в 1854 г. Неприятель не решился штурмовать не только главные военно-морские базы России – Кронштадт и Свеаборг, но и куда менее значимы порты и пункты на побережье» (с. 406).

В контексте рассматриваемой проблематики автор постоянно обращается к личностям императора Николая I и его старшего сына, будущего императора Александра II, которые высоко ценили способности Константина Николаевича как государственного и военного деятеля Российской империи. Автор подробно освещает плодотворную деятельность великого князя в составе Государственного совета, различных комитетов и комиссий, отмечает его активное участие в обсуждении и принятии решений по важнейшим государственным, политическим и оборонным вопросам.

Также на страницах монографии широко представлена высшая государственная и военная элита Российской империи: наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич, министры императорского двора и уделов князь П.М. Волконский и граф Л.А. Перовский, военные министры князь А.И. Чернышев, князь В.А. Долгоруков и граф Д.А. Милютин, новороссийский генерал-губернатор и кавказский наместник князь М.С. Воронцов, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский, прославленные флотоводцы: адмиралы Ф.П. Литке (воспитатель и наставник великого князя), М.П. Лазарев, П.С. Нахимов, В.И. Истомин и многие другие.

Значительное внимание автор уделяет соратникам великого князя, его подчиненным – сотрудникам аппарата морского ведомства, которым полностью доверял и на которых опирался в своей деятельности Константин Николаевич. Среди них адмирал И.А. Шестаков, князь Д.А. Оболенский, вице-адмирал барон Ф.П. Врангель и ряд других. В этом ряду автор особо отмечает Александра Васильевича Головнина (1821–1886),

начавшего свою карьеру под началом великого князя и ставшим видным государственным деятелем, статс-секретарем и членом Государственного совета, министром народного просвещения, почетным членом Петербургской академии наук.

Отметим также пришедших на службу в Морское министерство и вошедших в круг приближенных великого князя Михаила Христофоровича Рейтерна (1820–1890), в последующем графа, действительного тайного советника, министра финансов, председателя Комитета министров, и Бориса Павловича Мансурова (1828–1910) – сенатора, члена Государственного совета, члена-учредителя Императорского православного палестинского общества, действительного тайного советника.

Не обходит автор своим вниманием и происки т.н. «лютой партии» – недругов преобразований Константина Николаевича и его команды: князя В.А. Долгорукова, графа К.В. Нессельроде, графа П.Д. Киселева, князя А.С. Меншикова, графа П.А. Клейнмихеля, барона К.В. Ливена и др.

Завершая повествование, в заключении монографии, автор подводит итоги проведенного исследования, обращая особое внимание на то обстоятельство, что на протяжении последующей четверти века великий князь и возглавляемое им Морское министерство становятся инициаторами кардинальных социально-политических перемен в российском обществе. «Так, – подчеркивает автор, – из “горькой славы” 1854 г. будет выплавляться и выковываться “Великая реформа” 1861 г.» (с. 503). В 1857 г. великий князь Константин Николаевич будет назначен председателем Комитета по освобождению крестьян, разработавшего Манифест об их освобождении от крепостной зависимости, сыграет значительную роль в проведении великих реформ, станет вторым человеком в империи в царствование Александра II. Надеемся, что все эти темы получат отражение в будущих работах Всеволода Евгеньевича.

Необходимо особо отметить, что отличительной чертой всех произведений автора является их обширнейшая источниковая, в первую очередь, архивная база. Так, в рецензируемом труде автором исследованы, проанализированы и введены в научный оборот архивные документы и материалы 58 фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива Военно-Морского флота, Архива Русского географического общества, Государственного архива Свердловской области. В источниковую базу монографии также вошли материалы научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки,

отдела рукописей Российской национальной библиотеки, рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского дома).

Широко использованы воспоминания непосредственных участников описываемых событий, среди которых видное место занимает эпистолярное наследие великого князя, использована переписка между членами августейшей семьи, а также дневники П.А. Валуева, записки М.А. Корфа и Д.А. Оболенского, воспоминания Д.А. Милютина, А.В. Головина, фрейлин императорского двора А.Ф. Тютчевой, А.А. Толстой и др. Достойное место в книге заняли также публицистика и материалы периодической печати.

Книга хорошо иллюстрирована, обстоятельный научно-справочный аппарат удачно дополняют подробные постраничные ссылки и примечания.

Монография В.Е. Воронина вносит значительный вклад в изучение российской истории XIX в. Пожелаем ему успехов на этом непростом, но очень важном и перспективном для нашей науки и исторического просвещения пути.

Сведения об авторе / About the author

Половецкий Сергей Дмитриевич – доктор исторических наук; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Sergey D. Polovetsky – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: sd.polovetckii@mpgu.su

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2025.4

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность
приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 27.12.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 11,9 п. л. Тираж 1000 экз.